

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галляутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Анিকেева (Москва)

Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Е.А. Оганова (Москва), Ю.В. Псянчин (Уфа), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кароол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк), Али Осман Шенол (Турция).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1(14)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2016

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajtaxmedov (Makhachkala), L.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)

G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik),
E.A. Grunina (Moscow), S.G. Klyashorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), Zh.S. Syzdykova (Moscow), E.A. Oganova (Moscow),
Yu. V. Ps'anchin (Ufa), N. Telitsin (St. Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-
Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.I. Chebodaye
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), Ali Osman Shenol (Turkey).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 1(14)

MOSCOW-KAZAN 2016

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ АЛТАЙСКОЙ ГРАММАТИКИ: О СТАТУСЕ ФОРМЫ НА *-ДЫЙ*¹

И.А. Невская, г. Новосибирск

Резюме. Данная статья посвящена алтайскому форманту *-ДЫЙ* и его статусу в грамматической системе алтайского литературного языка. Хотя *-ДЫЙ* традиционно считается деривационным формантом, образующим прилагательные со значением уподобления тому, что выражено производящей основой, по своим функциям он сближается с падежными. Данная форма рассматривается также в ряде других тюркских языков, в частности анализируется соответствующий казахский аффикс *-ДАЙ* и его функции.

Ключевые слова: тюркские языки, алтайский язык, падежные системы, уподобительный падеж, аффикс *-ДЫЙ/-ДАЙ*

1. Вводные замечания

В Горно-Алтайском Институте алтаистики им. С.С. Суразакова завершается работа над первым томом научной грамматики современного алтайского языка – морфологией. В этой работе участвует как коллектив Отдела алтайского языка Института, так и тюркологи Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, занимающиеся лингвистическим описанием алтайского языка и его диалектов. Координирует работу всех участников проекта А.Э. Чумакаев, автор данной статьи выступает в качестве ответственного редактора этого труда.

Необходимость в разработке новой грамматики алтайского языка академического уровня назрела очень давно. За 70 лет, минувших со времени издания последней алтайской грамматики, написанной выдающимся российским тюркологом, исследователем языков, эпических традиций и традиционной культуры южно-сибирских тюркских народов Надеждой Петровной Дыренковой [Дыренкова 1947], алтайский язык прошёл долгий путь становления как письменно-литературного языка, как государственного языка одного из субъектов Российской Федерации, школы, средств массовой коммуникации и, конечно, очень бо-

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта «Разработка анкет для сбора материалов к интегральному описанию миноритарных тюркских языков и диалектов России» (грант РГНФ 15-04-00370).

гатов и интересной современной литературы, которая, разумеется, опирается на глубокие традиции алтайского устного народного творчества.

Особенно актуальна новая грамматика в современных условиях функционирования алтайского литературного языка. Алтайский язык, наряду с русским, является государственным языком Республики Алтай, что предопределяет самое широкое его использование во всех сферах общественной жизни Республики. Новый статус языка стал мощным стимулом для его развития: совершенствуется его терминологическая система, идёт активное обогащение лексического состава как за счет внутренних ресурсов языка, так и путём заимствования интернациональных или русских терминов, развивается его синтаксическая система, возникают новые для алтайского языка категории слов (например, союзы, вводно-модальные слова и т.п.), пополняются уже ранее существовавшие категории (например, частицы). Из ранее менее чётко обособленной категории имён кристаллизируются такие части речи, как прилагательные, наречия, нумеративы и т.п. Алтайский литературный язык расширил свое влияние и на алтайцев, говорящих на южном диалекте *алтай-кижи*, ставшем опорным для создания норм литературного его варианта, и, в какой-то мере, для всех остальных тюркских идиом Республики Алтай.

За прошедшие годы гигантские шаги сделала и наука о языке как в плане типологических, сравнительно-сопоставительных и исторических исследований, так и в плане изучения отдельных языков, в том числе и тюркских, постоянно уточняется лингвистическая терминология. Современное состояние лингвистических исследований должно по возможности найти своё отражение в грамматических описаниях отдельных языков.

Мы говорим сейчас о грамматике литературного алтайского языка, но нужно помнить, что все тюркские наречия Алтая, и прежде всего сам диалект *алтай-кижи*, также заслуживают изучения. И такая грамматика может стать образцом для их описания.

Братские тюркские народы – соседи алтайцев в Южной Сибири, также работают надписанием грамматик нового поколения, которые должны отразить и изменившийся статус их языков, и процессы языкового строительства и развития. Предпринятое описание морфологии алтайского языка, являясь пионерской работой во всей южно-сибирской тюркологии, как мы надеемся, станет для коллег, работающих над грамматиками хакасского, тувинского, шорского и других языков и их диалектов, отправным пунктом для углубленных исследований спорных вопросов тюркской морфологии, многие из которых являются общими для всего сибирско-тюркского ареала, а некоторые и для всей тюркской семьи языков в целом.

Данная грамматика представляет собой плод многолетней работы алтайских языковедов над современной академической грамматикой литературного языка. Она, естественно, отражает и современное состояние изученности различных аспектов морфологии алтайского языка. Фиксация уже достигнутого в описании алтайского языка – это необходимая предпосылка для его дальнейшего изучения филологами, а также для его преподавания на разных этапах обучения, включая и университетский уровень.

В книге описывается морфологический строй алтайского языка. Однако немало грамматических форм вызывают у тюркологов разногласия в их интерпретации. В качестве примера мы остановимся в этой статье на одной из таких спорных категорий.

2. Функции формы на *-ДЫй* в современном литературном алтайском языке

В традиционной грамматике алтайского языка именные образования с аффиксом *-ДЫй*, передающим уподобительное значение, считаются относительными прилагательными со значением «подобный X», «X-образный», «похожий на X», где X – это мотивирующая именная основа:

(1) *Өскө уулга туштайла, өрт-тий күүн ол сескен*

‘Повстречав другого парня, [она] похожее на огонь (т.е. огнеподобное, жгучее) желание почувствовала’.²

Считается, что такие прилагательные имеют значение уподобления, сравнения по какому-либо признаку (внешняя форма, характер, свойство и т.п.): *сүттий* ‘как молоко (похожий на молоко)’, *туудый* ‘как гора (похожий на гору)’, *баладый* ‘как ребёнок (похожий на ребёнка)’:

(2) *Сүт-тий айдын бу тунде санаалары уч башка кайып барган.*

‘В эту ночь с луной, (белой) как молоко, мысли её рассеивались, разбегались в разные стороны (букв.: на три стороны парили)’.

Однако языковой материал не вписывается в эту схему описания, заставляя нас предполагать, что на самом деле правильнее было бы рассматривать аффикс *-ДЫй* как показатель уподобительного падежа. Рассмотрим некоторые особенности этой формы, которые сближают её с падежными аффиксами.

1) Образования с аффиксом *-ДЫй* встраиваются в именную словоформу, занимая позицию падежного показателя и сочетаясь с аффиксами множественности и притяжательными (посессивными) аффиксами разных лиц и чисел:

(3) *куу-лар-дый* ‘как лебеди’

лебедь-PL-COMP

эне-м-дий ‘как моя мама’

мама-POSS1SG-COMP

эне-н-дий ‘как твоя мама’

мама-POSS2SG-COMP

2) После притяжательного аффикса 3-го лица перед аффиксом *-ДЫй* используется так называемое местоименное *-н-*, которое появляется практически только перед аффиксами падежей:

(4) *агаиш-таиш-тын*

куж-ын³-дый

² Как текстовые примеры, так и примеры отдельных словоформ в основном взяты из написанного Н.Д. Алмадаковой раздела грамматики «Словообразование прилагательных»; ей же принадлежат перевод примера на русский язык [Алмадакова. В печати]. Частично примеры были предоставлены Л.Н. Тыбыковой и А.Н. Озоновой.

³ Из соображений системности, а также исходя из концепции его происхождения от косвенной основы указательного местоимения, ставшего посессивным показателем

дерево(лес)-камень(гора)-GEN птица-POSS3-COMP
 '(как) подобно птице лесов и гор'.

3) Аффикс *-ДЫй* добавляется ко второму члену генитивно-посессивной определительной конструкции, маркируя семантику стандарта сравнения,⁴ которую несет эта конструкция (см. п. 2, пример (4)), а также к имени, выступающему в качестве определяемого в определительных конструкциях различной степени сложности, в том числе и как определяемое имя определительного придаточного предложения:

(5) *койу агаштардын көлөткөзінде анчыдан чочыган элик-тий*
 'как косуля, испугавшаяся в тени густых деревьев охотника'

В данной именной группе имя *элик* 'косуля' имеет при себе определительную предикативную единицу в качестве определения. Эта определительная конструкция возглавляется глаголом *чочы-* в форме причастия на *-Ган*; этот глагол присоединяет к себе косвенный объект (стимул эмоциональной реакции) в форме исходного падежа, а также обстоятельство места, которое само выражено генитивно-притяжательной определительной конструкцией. Понятно, что нет смысла считать всю эту именную группу прилагательным.

Как видим, *-ДЫй* стоит тут в той же позиции, что и любой другой падежный аффикс:

(6) *койу агаштардын көлөткөзінде анчыдан чочыган элик-ке*
 'к косуле, испугавшейся в тени густых деревьев охотника'
койу агаштардын көлөткөзінде анчыдан чочыган элик-те
 'у/около косули, испугавшейся в тени густых деревьев охотника'

4) Синтаксические функции данных образований значительно шире тех, которые выполняют прилагательные:

(7) *(Олор) куу-лар-дый нак*
 'Они, как лебеди, дружны.'

– в данном предложении скалируемый предикат *нак* 'близкий, дружный' выступает в функции предиката сравнительной конструкции; форма на *-ДЫй* занимает актантную позицию, оформляя стандарт сравнения.

(8) *Онон өрө турала, койу агаштардын көлөткөзінде анчыдан чочыган элик-тий, жоголып калды*
 'Потом поднявшись, исчез, подобно косуле (как косуля), испугавшейся в тени густых деревьев охотника'

Зл., мы считаем местоименное *-н-* частью посессивного показателя 3 л. ед. ч., а не частью падежного форманта: оно появляется только после притяжательного аффикса 3 л., в сочетании падежных аффиксов с другими посессивными формами или с другими аффиксами оно не используется.

⁴ О семантических компонентах сравнительной конструкции см.: [Черемисина 1971, Stassen 1984 и др.].

– тут форма на *-ДЫй* занимает сирконстантную позицию при глаголе *јоголып кал-* ‘изчезнуть’.

5) В примерах (1) и (2) сравнительная конструкция неполная, так как в них отсутствует явно выраженный скалируемый предикат, т.е. основание сравнения. Дело в том, что в данных предложениях используются стандартные сравнения, когда носителям данного языка ясно и так, по какому именно признаку сравнивается предмет сравнения с эталоном-стандартом сравнения:

(9) *өрт-тий* күүн ‘как огонь желание = ЖГУЧЕЕ, как огонь, желание’;

сүт-тий ай ‘как молоко луна = как молоко, БЕЛАЯ луна’.

6) Образования с аффиксом *-ДЫй* не субстантивируются, как это делают прилагательные; при субстантивации прилагательных формальным признаком данного частеречного перехода часто служит притяжательный аффикс 3-го лица: *ак* ‘белый’ – *аг-ы* ‘белок (глаза)’. Этот процесс для формы на *-ДЫй* не свойствен.

7) Аффикс *-ДЫй* добавляется к причастной форме глагола на *-ГАН*, подобно остальным падежным аффиксам, образуя причастие на *-ГАНДЫй*, которое, как и остальные формы причастий в алтайском языке, выступает как в финитной (10), так и в инфинитных позициях (11). Эта форма передает значение уподобления выраженного ею действия другой ситуации – эталону, хотя эталонная ситуация обычно не выражена:

(10) *Јангы ла чыгып келген јылдыстар араайын суркуражып,
школдын ачык көзнөктөринен угулып турган
кыстардын узун кожонын тындагылап тургандый.*

‘Кажется, будто только что появившиеся звёзды, тихо поблёскивая, слушают доносящиеся из раскрытых окон долгие песни девушек.’⁵

Иначе говоря, то, как звёзды тихо мерцают, похоже на то, как слушают музыку; но звёзды на самом деле никаких песен не слушают, это ирреальное сравнение, которое используется для того, чтобы образно передать впечатления говорящего от пения девушек в тихую звёздную ночь.

Из инфинитных функций, форма на *-ГАНДЫй* употребляется только в функции определения. В функциях предиката изъяснительного или обстоятельственного придаточного предложения, которые потребовали бы присоединения к ней соответствующего падежного аффикса, форма на *-ГАНДЫй* не употребляется, что подтверждает нашу гипотезу о её падежном статусе, так как два падежных показателя не могут при нормальных условиях употребляться в одной и той же словоформе.

(11) *өрт болгондый кырлар* ‘поля, как-будто после пожара (букв.: поля, на которых был пожар)’

⁵ Примеры (10) и (11) и их русские переводы взяты из Тыдыкова (В печати).

Думается, что данная форма уже полностью синтезировалась, и видимо, задолго до того, как сформировался падежный аффикс на *-ДЫй*, её в грамматике современного алтайского языка рассматривают как отдельную причастную форму.

Все эти соображения приводят нас к мысли о том, что аффикс *-ДЫй* является в алтайском языке падежным. Нужно заметить, что уподобительный падеж (*экватив* или *симилатив*) существовал в древнетюркском языке. Его показателем был аффикс *-ǰА*. Образования с данным аффиксом имеются и сейчас в алтайском языке, но это застывшие образования, сохранившиеся только от небольшого количества основ.

Нужно, конечно, учитывать, что между образованием грамматических форм одной лексемы и словообразованием существует тесная взаимосвязь. Словоформы, которые когда-то принадлежали парадигме склонения имен, могут выпасть из системы этой категории и «застывать» в виде ограниченного числа форм отдельных имен, претерпевая при этом определенные семантические сдвиги, лексикализовываться и функционировать как наречия, послелогии и т.п. Прежний падежный формант в их составе уже должен рассматриваться как словообразовательный. Как показывают исторические данные, словообразовательные морфемы часто восходят к словоизменительным (а те нередко к синтаксическим сочетаниям двух слов, если мы вообще способны об этом судить, так как исторические письменные источники, особенно для тюркских языков, не дают нам материала старше примерно полутора тысячелетий). На определённом этапе языкового развития возможно существование промежуточных форм, которые можно относить и к словообразованию, и к словоизменению.

Это относится и к аффиксу *-ДЫй*. Так, у одного из известных современных алтайских писателей, Кюгя Телесова, мы встречаем образование на *-ДЫй* от указательного местоимения *ол* (в форме его косвенной основы, но без обычного умляута с *а*, сравните его более распространенную косвенную основу *ан-*), которое далее принимает аффиксы множественности и родительного падежа: *он-дый-лар-дынг тоозында* ‘в числе таких (людей)’ [КККК: 192]. Это образование уже включено в словари алтайского языка как застывшее; т.к. считается, что это наречие *ондый* ‘также’ [МСАЯ]. Очевидно, что в данном случае его употребления это скорее субстантивировавшаяся словоформа с формантом *-ДЫй* в своем составе. На его субстантивацию указывает то, что слово принимает аффиксы множественности и родительного падежа.

То, что некоторые образования с *-ДЫй* лексикализовались, ожидаемо: всё же преимущественно они употреблялись в приименной позиции в функции определения, прототипической для прилагательного, уже и в древнетюркских письменных памятниках.

В нашем электронном словаре алтайского языка [Панина, Невская, Тыбыкова. В печати] мы нашли следующие застывшие образования с аффиксом *-ДЫй* в их составе:

(12) *андый* ‘так, такой’; *ондый* ‘также’; *мындый* ‘такой, подобный этому’; *кандый* ‘какой’.

Все они образованы от основ указательных и вопросительных местоимений и вошли в состав местоименных наречий и прилагательных как алтайского языка, так и других тюркских языков, включая и древние тюркские языки.

Тем не менее, все они являются застывшими, значение уподобления в них частично или в значительной степени поплёкло. Поэтому, как мне представляется,

ся, для синхронного состояния алтайского языка нет оснований считать аффикс *-ДЫй* продуктивным словообразовательным аффиксом.

Какова же содержательная специфика алтайской формы на *-ДЫй*? Данный показатель передает сравнение равенства, т.е. при логической операции сравнения двух объектов (в частности, двух действий) устанавливается их подобие (равенство или сходство в образе их действий), т.е. здесь наблюдаются значения экватива и симилятива; см. примеры выше. Соответственно, правильно было бы назвать эту форму уподобительным падежом.

3. Некоторые особенности развития падежных парадигм в сибирских тюркских языках

Как показало наше исследование исторического развития падежных систем тюркских языков Сибири [Nevskaya 2014], при всем их разнообразии падежные системы языков этого ареала (за исключением якутского языка, обладающего большим своеобразием), проявляют удивительную стабильность на системном уровне: т.е. древние падежные формы, вышедшие из употребления, заменяются новыми падежными формами, формирующимися из сочетаний имен и послелогов; см. Таблицу 1.

Таблица 1. Падежные формы сибирских тюркских языков в сопоставлении с прототюркским языком и с языком древнетюркских памятников

	Proto T	Old T	Yakut	Shor	Khakas	Altai	Tuva	Tofa
Nom	*-∅	-∅	-∅	-∅	-∅	-∅	-∅	-∅
Acc	*-(I)g	-(X)g	-(n)I	-NI	-NI	-NI	-NI	-NI
Gen	*-(U)ŋ	-(n)Xŋ	-	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ
Dat	*-kA	-kA	-GA	-GA	-GA	-GA	-GA	-GA
Loc	*-tA	-dA	(-TA)	-DA	-DA	-DA	-DA	-DA
Abl	*-tIn	-dIn	-(t)An	-DAŋ	-DAŋ	-DAŋ	-DAn	-DAn
Equvat	*-čA	-čA	-	-čA	-čA	-čA	(-CA)	-šA
Dir	*-gArU	-gArU	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	-SA(r)	-SAr	PP	-DIvA/ -Döön -CA(-če/ -že)	PP
Com	*-Ilg	-IXgU	-LI:n	-	-	-	-	-
		-IUgUn						
Instr	*-(I)n	-(X/I)n	-	-	-	-	-	-
	-	-	-(I)nAn	-BA	-nAŋ	-lA	PP/-BIIA	PP/- BIIA
Part	()	()	-TA	(-DAŋ)	(-DAŋ)	(-DAŋ)	(-DAn)	(-DA)
Compar	-	-	-TA:gAr	-	-	-	-	-
Coord	-	-	-LArI	-	-	-	-	-

Она показывает, что, когда выходили из употребления древние падежи, они восстанавливались из собственных ресурсов сибирских тюркских языков. Так,

древний инструментальный падеж *-(I)n* был обновлен во всех языках путем синтеза древнего послелога *birle(n)* ‘с, вместе с’ в его стяжённых формах, различных в каждом отдельно взятом языке. Обновление директивного падежа *-gArU* также заканчивается во всем регионе, где в некоторых языках директивные послелоги ещё окончательно не синтезировались. Остатки так называемого эквативного падежа на *-ĉA* ещё есть во всех этих языках, но он пока ещё не обновился во всех языках. Между прочим, соответствующие формы пока ещё не признаны падежными в академических грамматиках.

Если мы сделаем экскурс в историю употребления древнетюркского послелога *täg* ‘как, подобный’, который, по-видимому, и был праформой для аффикса *-ДЫй*, то мы увидим, что он был весьма частотен, что свидетельствует о его грамматическом словоизменительном статусе. Даже в не очень обширном корпусе VATEC [<http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>] имеется около 240 случаев его употребления. Уже в то время началась его синтезация, т.к. иногда его писали слитно с предыдущим именем.

4. Статус образований с аффиксом *-ДЫй* тюркских языках

4.1. Обсуждение формы на *-ДЫй/-ДАй/-ДЫл/-ДАл* в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков»

Этот аффикс имеет различные гласные и конечный согласный в разных тюркских языках: в баш. *-ДАй*, в хак. *-ДАл* и т.д. Варьирование его конечного согласного объясняется контаминацией с другим сравнительным аффиксом *-лАйЫн* [СИГТЯ 1988: 268].

Вопрос о статусе образований с аффиксом *-ДЫй* обсуждался в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» в томе, посвященном тюркской морфологии [СИГТЯ 1988: 268]. Там отмечалось, что эти образования в основном распространены в кыпчакских языках; рядом тюркских грамматик они отнесены к падежным, а в грамматиках некоторых языков они рассматриваются как производные прилагательные или наречия. Исследователями ногайского языка отмечаются наречия времени, образа и степени действия [ГНЯ 1973: 193]. Башкирские формы с аффиксом *-ДАй* считаются прилагательными [Мусаев 1964: 177]. Г. Рамстедт считает такие формы падежеобразными [Рамстедт 1957: 56–57], см. также [Закиев 1964: 217]. Авторы данного раздела СИГТЯ считают, что с учетом позиционных употреблений форм на *-ДАй* (например, в башкирском – приименная позиция), их нужно относить к падежеобразным [СИГТЯ 1988: 268].

Конечно, вопрос о статусе данной или любой иной формы всегда нужно поднимать на материале конкретного языка. Мы знаем, что материально тождественные формы в разных тюркских языках могут принадлежать к разным категориям. Например, аффикс *-МАК* считается инфинитивом (называемым также *масдаром*) в турецком языке, но в тюркских языках Сибири это аффикс образует отглагольные существительные; ср.: тур. *bas-mak* ‘наступать, ступать, давить’ от основы *bas-* и шор. *наспак* ‘ступка’ от соответствующей основы *нас-* ‘наступать, ступать, давить’.

СИГТЯ отмечает, что образования с показателем *-ДЫй/-ДАй* выполняют как атрибутивные так и обстоятельственные функции во многих тюркских язы-

ках, а не только в алтайском, как мы показали. Ещё раз подчеркнем, что статус нужно проверять для каждого языка. Но есть и основания посмотреть, а не является ли *-ДЫй* синтезированным послелогом, который стал особой, промежуточной, категорией.

4.2. Типология приименных реляторов и обсуждение статуса казахской формы на *-Дай* в свете концепции Ларса Йохансона

Исследуя реляторы в казахском языке, которые присоединяются к именам существительным и выражают их отношения к другим членам предложения, Ларс Йохансон выделяет следующие 4 типа [Johanson 2015].

1. Синтетические реляторы, т.е. падежные показатели, которые являются аффиксами в морфологическом плане и наиболее абстрактными в семантическом.

2. Наиболее грамматикализованные аналитические реляторы. Это послелогии, которые в основном используются как отдельные слова, но могут иметь и «связанную» форму, которая гармонирует с управляемым именем и составляет с ним одно фонетическое слово.

К их особенностям относятся следующие:

- они составляют замкнутый класс слов и обычно не этимологизируются на данном этапе их развития,
- не используются в качестве других частей речи, например, как наречия, как это часто бывает с менее грамматикализованными послелогии,
- не имеют в своём составе падежных показателей,
- не управляют падежной формой имени, выраженной не нулевым аффиксом,
- выражают более специализированные значения, чем падежные показатели.

Такие послелогии ещё нельзя отнести к падежным показателям.

Мы можем добавить, что они явно проявляют тенденцию к синтезации и превращению в падежные аффиксы и в разных тюркских языках могут находиться на разных ступенях этого процесса.⁶

3. Менее грамматикализованные аналитические реляторы. Это послелогии, которые являются аналитическими реляторами, управляющими различными падежами зависимого имени. Они формально неотличимы от слов других частей речи, таких как наречия, прилагательные, существительных. Они этимологизируются на данном этапе их развития как падежные формы имен, деепричастные формы глаголов и т.д.

4. Наименее грамматикализованные комплексные реляторы. Это имена, которые выступают в качестве определяемого в так называемой притяжательной определительной конструкции и совмещают служебные функции, в кото-

⁶ Обсуждая статус алтайских форм на *-ДЫй/-Дай*, которые явно относятся к данной подгруппе реляторов, нельзя не упомянуть то, что уже Н.П. Дыренкова в своих грамматиках, изданных в начале сороковых годов прошлого века, также выделяла особую категорию послелогов-аффиксов (соответствующую второй группе в данной типологии), куда она, в частности, относилась шорскую форму на *-че* [Дыренкова 1941], которая является негармонирующей.

рых оно выражают абстрактные пространственные, темпоральные, каузальные и т.п. значения, с полноточными.

По мнению Ларса Йохансона, аффикс *-Дай* в казахском языке попадает в этой типологии во вторую группу, но он ещё не может быть отнесен к падежным, хотя он уже полностью синтезировался, так как он способен присоединять показатель родительного падежа *-Дй* [Johanson 2015].

- (13) а. *mun-day* 'like this (как этот)'
 б. *mun-day-dй* 'of something/someone like this (такого, как этот)'
 в. *Қанат-тай-dй* 'of those like Kanat' (такого, как Канат).

4.3. Казахская форма на *-Дай* и круг её функций

Наши информанты подтверждают наличие формы *мун-дай-дың* в казахском языке, но отрицают наличие в ней семантики уподобления. По мнению С.Д. Тажибаевой, которая предоставила нам приведенные ниже примеры, это образование имеет значение не «подобно этому», а в зависимости от контекста 1) «причина этого» (13); 2) «вкус этого» (14); 3) «вот это» (15).

(14) *Қазгидромет” мұндайдың себебін ғылыми дәлелі болмаған соң айта алмайды.*

‘Қазгидромет’ не мог объяснить причину этого (явления), потому что (ему) нет научного подтверждения.’

(15) *Сіз мұндайдың дәмін әлі татып көрмедіңіз: алғашқы «Криспи Чипс» ыстық картоп чипстері!*

‘Вы не пробовали вкус этого: картофельные чипсы «Криспи Чипс»!’

(16) *Мұндайдың ең кең таралған түрлеріне ...*

‘вот на эти разновидности (обратите внимание) ...’

По мнению С.Д. Тажибаевой, образование *Канат-тай-дың* для современного казахского языка невозможно. Но в то же время к форме *Канат-тай* можно присоединить аффикс множественности и тогда к нему добавить аффикс родительного падежа:

(17) *Канат-тай-лар-дың заманы*

‘время (эпоха) таких, как Канат (пренебрежительно)’

Очевидно, что форма *мун-дай* в казахском языке лексикализовалась как отдельное указательное местоимение, в котором значение уподобления практически уже выветрилось. Но способность образований с *-Дай* присоединять аффикс множественного числа, а также падежные, очень примечательна.

А в остальном функции казахского *-Дай* очень похожи на алтайские [Yeskeldiyeva 2014]:

(18) *Ол Асқардай күшті.*

‘Он сильный как Аскар.’

(19) *Шоқпардай кекілі бар.*

‘У него густая челка (букв. челка как дубинка).’

(20) *Дауысы бұлбұлдай сайрады.*
'Ее голос звучал как соловей.'

Мы видим тут возможность рассматривать столь различные функции как расщепление казахского форманта *-Дай* на грамматические омонимы: с одной стороны, он употребляется как послелог-аффикс с очень близкими падежным функциями, с другой – он выступает как транспонирующий, т.е. образует атрибутивные формы имени, способные далее снова субстантивироваться и принимать морфологию имени существительного. Сравните в русском языке однокоренные элементы: уподобительную частицу *подобно* и второй компонент сложных прилагательных, образованных по образцу *луноподобный*. То, что образования с *-Дай* преимущественно употребляются в роли определений, облегчает восприятие их как прилагательных. Отдельные такие образования, как мы видели, уже давно лексикализировались.

Вопрос о статусе казахского аффикса *-Дай* остается открытым. А вот особенности алтайского показателя *-ДЫй*, который полностью встроен в алтайскую номинальную словоформу по образцу падежных показателей, позволяют нам ставить вопрос о том, что он уже вошёл в систему склонения литературного алтайского языка.

Литература

Алмадакова Н.Д. Прилагательное // Морфология современного литературного алтайского языка. – В печати.

ГНЯ 1973 – Грамматика ногайского языка: Фонетика и морфология / Под ред. Н.А. Баскакова. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1973. – 320 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. / Отв. ред. С.Е. Малов. — М.; Л.: Изд-во АН, 1941. — 308 с.

Закиев М. К. К вопросу о категории падежа в тюркских языках // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань: 1964. – С. 207–219.

КККК – *Тёлёсов К.* Кажы ла кижы карудан кару. – Горно-Алтайск: ГУ «Литературно-художественный ежеквартальный журнал «Алтай Телекей - Мир Алтая», 2006. – 318 с.

МСАЯ – *Тыбыкова, А.Т., Дж. Б. Вуд, Тыбыкова, Л.Н.* Морфемный словарь алтайского языка / Под ред. Л.Н. Тыбыковой. – Горно-Алтайск: Горно-алтайская республиканская типография, 2005. – 318 с.

Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. – М.: Наука, 1964. – 343 с.

Панина Е.С., Невская И.А., Тыбыкова Л.Н. В печати. Опыт заложения основ корпуса алтайского языка в программе TOOLBOX // Материалы Региональной научно-практической конференции «Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития», 5-9 июля 2016 г., г. Горно-Алтайск.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. – М.: ИВЛ, 1957. – 255 с.

СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

Тыдыкова Н.Н. В печати: Причастие // Морфология современного литературного алтайского языка.

Черемисина М.И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции русского языка). – Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1971. – 181 с.

Johanson L. Degrees of grammaticalization of Kazakh nominal relators // *Turkic Languages*, Vol. 19, 2015. - No 2. – P. 156–163.

Nevskaya Irina. Chapter 12. Innovations and archaisms in Siberian Turkic spatial case paradigms: A Transeurasian historical and areal perspective // *Paradigm Change in the Transeurasian languages and beyond*. Ed. by Martine Robbeets and Walter Bisang. – John Benjamins, 2014. – С. 257–286.

Stassen Leon. The Comparative Compared // *Journal of Semantics*, Vol. 3, 1984. – P. 143–182.

Yeskeldiyeva B. The ways of expressing comparative relations by means of the forms N-dAy and V-GAn-dAy in Kazakh // *Abstracts of the 17th International Conference on Turkish Linguistics*. – Rouen, France, 2014. – p. 156.

Интернет-ресурсы

VATEC: <http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>

Nevskaya, I.A. Problematic issues of the Altai grammar: on the status of the form -DIy in the modern Altai literary language

Summary. The article deals with the formant *-DIy* and its place in the grammar system of Standard Altai. Although it is defined as a derivational morpheme forming adjectives from nominal stems expressing simulative semantics: similar to something denoted by motivating stem, our analysis shows that the scope of its functions is close to the functions of a case morpheme. The article also describes this form in other Turkic languages, in particular, the corresponding Kazakh affix *-DAy*.

Key words: Turkic languages, Altai, case systems, simulative case, the formant *-DIy/-DAy*

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
АПЕЛЛЯТИВНОСТИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

О.В. Сарыгёз, г. Санкт-Петербург

Резюме. Данная статья посвящена исследованию апеллятивов (обращений) и их функциональных особенностей в турецком языке. Апеллятивы описываются как категориальное понятие, выделяются три функциональных вида, приводятся примеры случаев лексикализации и деонимизации.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, апеллятив, обращение, турецкий язык

Процесс коммуникации – модель поведения, избираемая коммуникантами в зависимости от этнических и социокультурных норм, принятых в данном обществе. Форма общения сторон выбирается до вступления в коммуникацию: каждый исполняет более или менее постоянные социальные роли, понимаемые как определенная модель поведения (общения), которая, несмотря на стереотипный характер, варьируется в зависимости от специфики образования, индивидуальных психологических особенностей и т. д. При изменении условий коммуникации, например при смене социальной роли, изменяется и форма.

Вступление в коммуникацию, призыв к общению – инициальный этап, определяющий ее дальнейший ход и развитие. Обращение к собеседнику в лингвистике рассматривается как частная языковая функция, лингвисты единогласно указывают «на реализацию с ее помощью воздействия адресанта на адресата с целью побуждения его к совершению действия: речевого или посткоммуникативного» [Комлева 2008: 2]. Апеллятив – языковое средство, выражающее апеллятивные функции (лат. *appellāre* – обращаться с речью, называть), с помощью которых осуществляется обращение и привлечение внимания участников коммуникации [Влахов, Флорин 1978: 228]. По мнению В.Е. Гольдина (1987), направленность адресату – один из важнейших признаков человеческой речи, а обращение – главное средство явного выделения адресата.

Прежде всего, обращения указывают на собеседника, выделяют его как адресата высказывания говорящего (первая функция). Однако обращения практически никогда не выполняют только одну дейктическую функцию, они обязательно передают информацию о ситуации общения, о социальных статусах и ролях собеседников. Вторая функция обращений – сигнализировать о социальных аспектах общения.

Предметом анализа в настоящей статье является функционально-семантическая категория апеллятивности (ФСКА). Под ФСКА мы понимаем коммуникативный инвариант реальных жизненных ситуаций, в которых адресат испытывает волеизъявление со стороны адресанта. Апеллятивность, обладая общностью семантической функции реализующих ее языковых единиц (выражением побуждения к действию – речевому или посткоммуникативному) и сочетая взаимодействие лексических и грамматических элементов, является собой полноценную функционально-семантическую категорию.

В турецкой лингвистике исследование апеллятивности как функционально-семантической категории до сих пор не проводилось. Отдельные аспекты этой проблематики освещены в работах И.С. Андреева (1971), К. Бюлера (1993), А.В. Бондарко (1978), Е.Отто (1954), Г. Пауля (1960), Е.И. Шендельс (1998), Г.А. Золотовой (1979), А.В. Исаченко (1960), А.А. Леонтьева (1969), А.П. Володина (1974), А.М. Пешковского (1956), Л. Карахан (2015) и М. Озмена (2013).

С апеллятивами связано еще одно интересное явление – апеллятивизация имени собственного (переход онима в разряд апеллятивов без специальной онимической деривации – деонимизация). Происходит переход имен и в другие лексические подсистемы [Теория и методика ономастических исследований 2007: 37–38].

Приведем несколько примеров из турецкого языка.

Rimmel/rimel – название компании, производящей косметику, стало названием любой туши: *Rimelin kurumaması için nelere dikat etmek gerekir?* – ‘На что надо обращать внимание, чтобы тушь не засохла?’; *Selpak/selpak* – название фирмы стало обозначать карманные салфетки; *Borcam/borcam* – название фирмы стало обозначать стеклянную жаропрочную посуду: *Çeşitli boyutlarda borcamlarım var* ‘У меня есть стеклянная посуда разных размеров для запекания’; *Nescafe/nescafe* – уже не марка конкретного, а любой растворимый кофе: *Ben nescafe alayım. Sütlü olursa şahane olur* ‘Я бы выпил нескафе / растворимый кофе. Если еще и с молоком, будет великолепно’ [А. Ümit. *Sultanı öldürmek*]; *Play Wood / play wood* – от названия компании, производящей фанеру, стало обозначением любой марки фанеры; *jilet* – лезвие для бритвы; *vaşington* – вид апельсина и дыни; *токуо* – вьетнамки [Günaу 2007: 45]. В дальнейшем эти слова функционируют в языке, полностью подчиняясь его правилам (склоняются).

К лексикализации мы отнесем и случаи метонимического переноса: *simbom* – спортивный клич стал общим наименованием для спортсменов и фанатов клуба «Галатасарай»; *sarı kanarya* ‘желтая канарейка’ (символ команды) – фанаты и сам клуб «Фенербахче»; *lollipop* – говорят лысому или человеку с большой головой и очень худому (*lollipop* ‘леденец круглой формы’): *Eу, kıvrıcık, ne haber?* ‘Эй, кудряшка, как дела?’; *ampül* ‘лампочка’ – используется в отношении сторонников Партии справедливости и развития (ПСР) (*Adalet ve Kalkınma Partisi*), т.к. на их эмблеме изображена электрическая лампочка.

Существуют три группы обращений, специализирующихся на выполнении преимущественно той или иной функции: номинативная, дескриптивно-детерминирующая, социально-регулятивная (этикетная) функция. Четких границ между ними нет, отнесение обращения к одной из групп во многом зависит от экстралингвистической ситуации [Микута 2001: 133].

1) Номинативная функция, будучи первичной, отвечает за наименование адресата в речи. Номинативные апеллятивы могут быть разделены на *релятив-*

ные (родственные) и *вокативные* (оклики, окрики и обращения к животным; – в рамках этой статьи они не рассматриваются).

У многих народов личные имена табуируются, и обычным обращением являются термины родства. Практически полное отсутствие личного имени при терминах, обозначающих отца и мать, принято связывать с древнейшими запретами. Д.К. Зеленин отмечал такой запрет у многих народов, в том числе у русских: «...фактически дети никогда не называют своих родителей по именам, а только *тятя, батя, мама*» [Зеленин 1930: 139–140].

Референтные термины служат для указания на конкретного родственника (апеллятивами они становятся при непосредственном обращении к данному родственнику).

В работе В. Гюная «Введение в культурологию» (2016) представлен краткий обзор релятивных терминов турецкого языка. Исследователь делит их на три большие группы: 1) по старшинству (исходя из возрастной разницы); 2) по гендерному признаку (женские, мужские); 3) по степени родства.

Автор, подчеркивая важность владения всей терминологией, относящейся к родственным отношениям, предполагает, что в турецком языке число релятивных терминов превышает 100, и совершенно верно замечает, что не все термины могут иметь соответствия в других языках – являются полными языковыми лакунами [Güney 2016: 196–197].

Остановимся на некоторых морфологических особенностях. Референтные термины, используемые в предложении в роли обращения-апеллятива, не принимают аффиксов принадлежности. К ним относятся: *dayı* ‘дядя’ и *baba* ‘папа’/‘отец’ (оба могут быть использованы отцом по отношению к сыну), *anne* ‘мама’; *abla* ‘старшая сестра’, *ağabey* ‘старший брат’, *gelin* ‘невеста’, ‘невестка’; *yenge* ‘невестка’ (обращение для членов семьи и близких друзей мужа); *damat* ‘жених’; ‘зять’ (для семьи жены); *enişte* ‘зять’ (обращение для членов семьи и близких друзей мужа); *hacı* ‘человек, совершивший хадж’, *amca* ‘дядя’ (употребляется горожанами для обращения к пожилому, незнакомым людям), *teyze* ‘тетя’ (ср. в русс. *женщина*), *avrat*, *hatun* – простореч. и груб. ‘жена’ (муж обращается к жене), *anne kız* – обращение взрослой дочери к матери, *kız abla* – обращение младшей сестры к старшей: *Abla, buraya gelsene!* ‘(Старшая) сестра, подойди–ка сюда!’; *Enişte, bize yardım etsene* ‘Зять, помоги нам’.

К случаям обязательного оформления апеллятивов аффиксами принадлежности относятся: *hocam* ‘мой учитель’ (вежливое обращение к учителю и к очень образованному, эрудированному человеку); *canım* ‘моя душа’, *kuzum* ‘моя дорогая’ (досл. ‘ягненок мой’) – апеллятивы, имеющие гендерную дифференциацию, желательно употреблять только женщинам и только по отношению к женщинам; *kardeşim* ‘мой брат’, ‘братец’ (не родному человеку), *hemşerim* ‘мой земляк’, *yeğenim* ‘мой дорогой’ (досл. ‘мой племянник’); *ciğerim* ‘мой дорогой’ (досл. ‘моя печень’) – «мужские» апеллятивы; нейтральные – *hayatım* ‘мой(ая) дорогой(ая)’ (досл. ‘моя жизнь’), *koçum* ‘богатырь’ (досл. ‘мой баран’); субстантивированные формы (прилагательных с аффиксами принадлежности): *güzelim* ‘моя красавица’; случаи адъективации: *tatlım/şekerim/balı*m ‘мой(я) сладкий(ая)’.

Использование референтных терминов в предложении в других синтаксических функциях подразумевает обязательное оформление аффиксом принадлежности (в данных примерах (1) – подлежащее и (2) – прямое дополнение на фоне апеллятива*, не оформленного аффиксом):

*Abla**, *babam* (1) *ne zaman gelecek?* '(Старшая) сестра, когда придет (мой) *nana*?)

*Anne**, *babamı* (2) *arayalım* 'Мама, давай позвоним (моему) *nane*'.
 Формы с уменьшительно-ласкательным аффиксом *-cık* – *annecık/anasık*, *babacık* считаются просторечными, употребляются только внутри семьи, соответствуют русским 'мамульчик', 'папульчик'.т

Референтные апеллятивы выполняют двойную функцию: первичной (*Babacığım, gel!* 'Папочка, подойди!' – обращение к отцу) и вторичной апеллятивации (*Babacığım, acıdı mı?* 'Малыш, тебе больно?' – обращение отца к маленькому ребенку). В данном случае происходит функциональное перераспределение ролей, никак не маркированное в русском и имеющее обязательную маркировку в турецком аффиксом принадлежности.

Апеллятивные формы при их использовании во вторичной функции принимают аффиксы принадлежности: *Annem, kalktın mı?* 'Ты встала, моя хорошая?' (мама обращается к дочери).

Необычной является и форма употребления «титула» матери/отца/брата ребенка, с которым общаются в их присутствии, но при косвенном обращении через ребенка. Например, мама будет обращаться к отцу своего ребенка как *babası*, верно указывая на родственную связь через форму аффикса, который должен быть присоединен к слову (указывает на отношение между объектами): 'его отец' – *babası* [Kornfilt 1997: 241].

Ablası bize peçete getirsin 'Пусть его старшая сестра принесет нам салфетку'. (В ситуации, когда кто-то держит вашего брата или сестру и просит принести салфетку.)

В отличие от русского языка апеллятив «его мама» может быть использован и напрямую. Например, на приеме у врача к вам будут обращаться непосредственно:

Annesi, çocuğı oturturun '(Его мама) Мама, посадите ребенка'; *Yengesi, o çok akıllı bir çocuk* 'Это очень умный ребенок, невестушка'. (Его невестка – не родная, обращаются к матери косвенно через ее ребенка.)

Для русского менталитета связь грамматической стороны с семантикой весьма сложна для установления. Данные формы редко правильно используются русскоговорящими.

Один из наиболее интересных аспектов – формы собственных имен существительных на *-ış*, *-oş*, *-o*, *-ışko* и вопрос возможного влияния курдского звательного падежа на их образование в турецком языке – был рассмотрен нами на Кононовских чтениях, состоявшихся в СПбГУ 3 октября 2016 г.

Краткий обзор результатов, полученных нами в 2016 г. в ходе проведения анкетирования носителей турецкого языка, представлен в таблицах.

Формы мужских имен собственных в турецком языке

Основной падеж	Апеллятив	Уменьшительно–ласкательная форма
Cafer	Cafer/Cafo/Cafoş	Cafercik*/Cafoşum**/Caferciğim**/Caferim
Mustafa	Mıstık/Musti	Mustafa/Mıstıkcığım
Mehmet	Memo/Memoş	Mehmetciğim***
Abdullah	Apo	Abdullah
Necati	Neco/Neciş	Necoş
Hüseyin	Hüso/Hüsoş	Hüseyinciğim
Süleyman	Sülo/Süloş	Süleymancığim / Süloşcuğum
İsmail	İso/İsoş	İsmail/İsoşum/İsocuğum (İsociğim****)
Murat	Murti/Muro	Muratçık/Muratçığim/Murtiş/Muratım

Формы на *-cik* относятся к просторечному регистру, их употребление между малознакомыми людьми неприемлемо. Чаще всего используются в обращении к маленьким детям. В отношении взрослых людей могут принять уничижительную коннотацию.

** Склоняются и спрягаются.

*** Форма *Mehmetcik* не является прямым апеллятивом – это прообраз солдата турецкой армии, например в СМИ при упоминании военных.

**** Форма аффикса противоречит правилу.

Формы релятивных терминов в турецком языке

Основной падеж	Апеллятив	Уменьшительно–ласкательная форма
baba	babacığim/babiş/babişko/babacık	babacığim/babiş/babişko/babacık
anne/ana	anneciğim/anniş/annecik	anneciğim/anniş/annecik
oğul	oğliş/oğluş/oğluşum/oğulcuğum	oğliş/oğluş/oğluşum/oğulcuğum
ağabey	ablacık/abliş/ablişko	abiciğim/abiş
abla	abiciğim/abiş	ablacık/abliş/ablişko

Результаты анкетирования показали, что в настоящее время в турецком языке наблюдается возрастающая тенденция к образованию новых апеллятивных форм, для которых используются аффиксы-заимствования *-o*, *-iş*, *-işko*.

2) Дескриптивно-детерминирующая функция

Данный лексико-семантический аспект не раз привлекал внимание исследователей: Оликова (1973), Бейлина (1975), Гольдин (1987) занимались вопросами описания структурно-семантических свойств обращений; Бондаренко (1987) и Дыкова (2003) разрабатывали денотативно-сигнификативные характе-

ристики слов-обращений на уровне системы языка.

При определении данной группы мы придерживались подхода В.И. Шаховского, выделявшего класс эмоциональных обращений, которые сочетают вокативные и эмотивные признаки и различаются прежде всего по оценочному знаку: *darling* (+), *bastard* (-) [Шаховский 1987].

Апеллятивы данной группы обладают еще и способностью к индикативности: не называя адресата, служить для индикации (индивидуализации) объекта из числа других того же рода и его дескрипции – описания. Дейктическая функция часто уходит на второй план. Например, отец обращается к дочери: *Auşeciğim, böceğim, niye telefona bakmıyorsun, kaç kere aramıştım seni?* ‘Айше, моя букашечка, почему ты не отвечаешь на звонки? Я тебе столько раз звонил’. Если первое обращение (имя собственное *Auşeciğim*) служит для идентификации адресата сообщения, то второе (*böceğim*) выражает личностное отношение говорящего к собеседнику, его теплые отцовские чувства, но не его характеристики. В данном случае выбор апеллятива обусловлен эмоциональным отношением говорящего.

Невозможно говорить об использовании той или иной формы апеллятивов лишь в рамках одной из функций. Например, употребление формы *Fatoş* (от имени собственного *Fatma*) предоставит нам информацию об эмоционально-оценочном характере взаимоотношений между коммуникантами – теплые и близкие отношения, которые характеризуются наличием симпатии (любви) к адресату. Использование этой формы между мало знакомыми людьми покажет незнание кода общения, принятого в турецком обществе.

Среди эмоциональных обращений небольшую группу составляют обращения-зоонимы: *minik kuşum* ‘птичка моя’, *böceğim* ‘букашечка моя’, *kelebeğim* ‘бабочка моя’ и т. д. Довольно часто в функции эмоциональных обращений выступают субстантивированные прилагательные (*güzelim* ‘моя красавица’). Эмоциональные обращения могут быть окрашены не только позитивно, но и негативно, причем число таких обращений в любом языке довольно велико.

Условно апеллятивы можно разделить на две группы.

1) с положительной коннотацией:

aslan parçası ‘частица льва’ – ‘мой львенок’; *dayısının paşası* ‘паша своего дяди’ (обращение дяди к племяннику); *anasının kuzusu* ‘ягненок своей мамы’; *kuzum* ‘мой ягненок’; *annesinin bir tanesi* ‘ненаглядный мой’; *ciğerimin köşesi* (досл. ‘уголок моей печени’) ‘мой дорогой’; *canımın içi* (досл. ‘нутро моей души’) ‘душа моя’; *gözümün yağı* ‘услуга моих очей’; *güzelim* ‘моя красавица’; *tatlım/şekerim/balım* ‘мой(я) сладкий(ая)’; *hayatım* ‘жизнь моя’; *canım* ‘душа моя’, *aşkı* ‘любовь моя’; *bir tanem* ‘единственный’; *çiçeğim* ‘цветочек мой’, *yavrım* ‘мой малыш’; *çirkin* ‘некрасивый’ (говорят детям, чтобы не сглазить их). Разговорные апеллятивы данной группы: *ninoş kocam* ‘милый муженек’, *minoşum*, *ponuşum*, *cicim* ‘лапочка моя’;

2) с негативной коннотацией:

terbiyesiz ‘невоспитанный’; *ayı* – *бран.* ‘грубиян, неотесанный’; *başımın belası* ‘беда на мою голову’; *belalim!* ‘горюшко мое!’, *Allahın belası* ‘божье наказание’; *eşek sıpası* – *бран.* ‘осленок’; *eşek oğlu eşek* – *бран.*, досл. ‘сын осла и (сам) осел’; *it oğlu it* ‘сын собаки’; *kerata/sıpa* ‘проказник’; *canı* ‘изверг’ (возможно шутовское употребление).

Специфическими для турецкого языка являются следующие конструкции эмоционально-оценочных обращений: *seni + sıfat + seni*.

Seni yaramaz seni! ‘Ах ты, негодник!’; *Seni gidi seni!* / *Seni kurnaz seni!* ‘Ах ты, хитрюга!’

При использовании лексико-синтаксического способа апеллятивы подвергаются наибольшей степени лексикализации и становятся несвободными сочетаниями слов с новым значением, иногда не мотивированным значениями сочетающихся слов, что позволяет отнести их к фразеологизмам с апеллятивной функцией [Сундуева 2000]. К таким случаям в турецком языке отнесем:

Kurban olduğum! ‘Тот (та), ради которого(ой) я готов быть принесенным в жертву’; *Gözünü sevdiğim!* ‘Тот (та), глаза которого(ой) я люблю’ (обе конструкции можно перевести как ‘дорогой мой’); *Gadasını aldığım!* ‘Тот, чью боль я возьму на себя’ (диалектное выражение района Кайсери, употребляется как просторечное).

3) Социально-регулятивная функция

Изучением категории обращения в различных социальных группах занимались Н.И. Формановская, В.Е. Гольдин, А.А. Акишина, И.А. Стернин, М.А. Оликова и др. Общие вокативы являются знаком общения на социальной дистанции. Нормы вежливости проявляются в признаке статусной репрезентации, в возвышении партнера (Карасик 2002: 196). Турецкое общество, как и любое другое, можно охарактеризовать с точки зрения сложившихся конвенциональных норм поведения между различными социальными группами.

Мы полагаем, что данная группа апеллятивов, получивших свое название у разных авторов (этикетные, социально-регулятивные), – одна и та же группа обращений.

В турецком обществе общепринятыми считают употребление слов-приложений *bey*, *Bay* ‘господин’ и *hanım*, *Bayan* ‘госпожа’: *Mustafa Bey* ‘господин Мустафа’, *Bay Kaya* ‘господин Кая’, *Sema hanım* ‘госпожа Сема’, *Bayan Kaya* ‘госпожа Кая’. Слова *bey/hanım* могут присоединяться и к названиям профессий: *doktor bey/hanım* ‘господин/госпожа доктор’, *memur bey/memure hanım* ‘господин/госпожа чиновник’ (при обращении к государственному служащему). В официальной переписке используют оборот *Sayın beyler!* ‘Уважаемые господа!’.

Необычно использование аффикса принадлежности с апеллятивами – *Bakanım* ‘мой министр’, *başkanım* ‘мой председатель’. К главам государства обращаются, а также главы государства подписываются (именуют себя) через апеллятив *Ekselansları* ‘Их превосходительство’.

В обиходе существует большое количество апеллятивов, которые подчеркивают социальный статус человека пусть даже в небольшом сообществе (квартал, учебное заведение, городок): *hacı* ‘хаджи’ – человек, совершивший хадж; *usta*, *azizim*, *ustadım* ‘мастер’, ‘специалист’ (между коллегами либо по отношению к человеку, более профессиональному в своем деле, чем вы, тем самым ему выражается почтение); *kirve* ‘свидетель на обрезании’ (за счет этого человека данный статус получает и вся семья, его родственники); *hocam* ‘учитель’ (обращение к образованному, знающему и опытному человеку, не обязательно работающему учителем).

Существует и жесткая градация по гендерному признаку. К мужским апеллятивам, т. е. тем, которые следует использовать только мужчинам и по отношению только к мужчинам, относятся: *kardeşim/kardo* ‘мой брат’, ‘братец’ (не родному человеку), *toprağım/hemşerim* ‘мой земляк’, *yeğenim* (досл. ‘мой племянник’) и *ciğerim* (досл. ‘моя печень’) ‘мой дорогой’, *bacanak* ‘свояк’, *dayı* ‘дя-

дя', *baba* 'nana'/'отец' – оба могут быть использованы отцом по отношению к сыну; *koçum* 'богатырь', *yakışıklı* 'симпатяга', *lan* 'пацан', 'чувак' (считается грубым при употреблении женщинами); *genç* (к мальчикам могут обратиться 'молодой') 'парень', 'парнишка'; *ufaklık* 'мелочь', 'малой'; *birader/lan/bre* 'чувак' (употребляется между мужчинами); *kari, avrat, hatun* 'жена' (просторечное, считается довольно грубым при употреблении даже мужчинами); *devrem* (между военными), *gakko*¹ 'дорогой' (используется преимущественно в восточных областях Турции), *bro* (амер. англ.) 'братан', *panpa*², *panpiş, panpik, kanka/kanki/kankeyta* (арго) / *badi* (амер. англ. *buddy*) 'закадычный друг', 'дружище', 'братан', *kuro/kro* (курд. 'парень', 'мальчик') – у турок, как и у армян, это слово – прообраз курдов [Asatryan 2006: 239], в обиходе обозначает малообразованного, плохо одетого человека, в русском соответствует – «деревенщина», «колхоз»; *dönek* 'перебежчик' (человек, который перешел на сторону оппозиции); *faşo* – для руководителей, использующих жесткие, диктаторские методы правления (предполагаем, что произошло от слова *Faşist*); *Fetocu/Fettoş* 'сторонники движения Ф. Гюлена'; *ninja* 'ниндзя' (про одетого во все черное); *nerd* 'ботаник'; *Nişantaşı Çocuğu* – говорят про выходцев из богатых семей района Нишанташы Стамбула.

Между женщинами используется обращение *kele*, женщины даже пожилого возраста могут обращаться друг к другу как *kız Fahriye* 'девчонка Фахрийе', *bacım/ahiretlik* 'подруга и в том мире' (этимологически происходит от слова *ahiret*, которое обозначает 'жизнь после смерти', 'загробный мир'), тем самым подчеркивая, что они будут оставаться подругами и в том мире.

В турецкой культуре сохранилось обозначение социального статуса говорящего не только через апеллятивные формы, но и в направленности на адресата, в автохарактеристике (признак социальной репрезентации), которая часто носит гумилиативный характер. Подобную традицию в корейском обществе описывает в своей работе В.И. Карасик: «Буквальный перевод корейского обращения и автохарактеристики в цитируемом ниже деловом письме звучит необычно: *Venerable Mr. Chairman, this humble man would be grateful if you could consider my stupid son as your branch manager.* – 'Высокопочтимый г-н Председатель, Ваш покорный слуга был бы Вам благодарен, если бы Вы смогли рассмотреть кандидатуру моего глупого сына в качестве руководителя отдела Вашей фирмы'. В культурной традиции корейского, японского и некоторых других языков такая статусная дистанция с заниженной автохарактеристикой (распространяемой на своих близких) и завышенной характеристикой статуса адресата является нормальной. Уменьшение дистанции или амплитуды статусов будет восприниматься как фамильярность и неуважение» [Карасик 2002: 200]. В турецком этикете это выражено через оборот *bendeniz* 'ваш покорный слуга', происходит своего рода автоапеллятивация, когда человек обращается сам к себе через *bendeniz*:

...*tesirine bendeniz de şahit oldum* 'Я, ваш покорный слуга, стал свидетелем того, что...'; *Bendeniz ufakık birşey rica edeceğim / Bendeniz birşey arzedeceğim* 'Я, ваш покорный слуга, позволю себе кое о чем попросить'.

¹ Режим доступа: <http://listelist.com/arkadaslik-hitap-kelimeleri/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. тур. (дата обращения: 01.12.2016 г.)

² Режим доступа: <http://listelist.com/arkadaslik-hitap-kelimeleri/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. тур. (дата обращения: 01.12.2016 г.)

К апеллятивам этой группы можно отнести и прозвища, заменяющие имя человека как постоянно, так иokkaзионально, его неофициальное имя, «которое употребляется в дополнение к антропонуиму или вместо него. Но в отличие от имени собственного человек может иметь несколько прозвищ» [Ермолович 2001: 89]. И. Мельчук несколько шире определяет это понятие: псевдонимы (nickname), или апеллятивы, которые употребляются вместо имен собственных, обозначающих местность, явления, события, и выступают в роли метафорического онима: Рим – Вечный город, Киев – Мать городов русских [Mel'chuk 2015: 69].

Так, в турецком обществе получили свои прозвища президенты Турции: С. Демирель – *baba* 'отец', Б. Эджевит – *kara ođlan* 'черный парень', 'крестьянин' (подчеркивалось его происхождение из народа), сторонники нынешнего президента, Р.Т. Эрдогана, именуют его *reis/sultan* 'вождь'.

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с реализацией функционально-семантической категории апеллятивности в турецком языке и речи, следует отметить, что об уровне коммуникативной компетенции носителя языка можно судить по апеллятивному регистру, который коммуникант использует при апелляции: неумение подобрать стилистически верные речевые единицы в зависимости от сферы общения, социально-статусных различий коммуникантов и других экстралингвистических факторов свидетельствует о низком уровне речевой компетенции. Эффективность речевого воздействия регулируется именно апеллятивами.

Литература

- Бюлер 1993 – Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция. – М.: Прогресс, 1993.
- Влахов, Флорин 1978 – Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1978. – С. 228.
- Гольдин 1987 – Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. – Саратов, 1987. – С. 127.
- Ермолович 2001 – Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: «Р. Валент», 2001. – 133 с.
- Зеленин 1930 – Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. 9. – Л., 1930.
- Золотова 1979 – Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Высш. шк., 1979.
- Исаченко 1957 – Исаченко А. В. К вопросу об императиве в русском языке // Рус. яз. в шк. – М., 1957. – № 6. – С. 7–14.
- Карасик 2002 – Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
- Комлева 2008 – Комлева Е. В. Апеллятивность в языке и речи (на материале современного немецкого языка) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 5 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/apellyativnost-v-yazyke-i-rechi-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 02.12.2016).

Микута 2001 – *Микута И. В.* Функциональные особенности обращений в современном французском языке. Квантитативная лингвистика и семантика. – Вып. 3. – Новосибирск, 2001. – С. 129–133.

Погорелко 2001 – *Погорелко А. М.* Система средств адресации русского и английского языков как разновидность лингвокультурологического поля / А. М. Погорелко; Башкир, гос. ун–т: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20. – Уфа, 2001. – 26 с.

Сундуева 2000 – *Сундуева Е. В.* Апеллятивное и проприальное словообразование в современном монгольском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10. 02. 16. – М.: Улан–Удэ, 2000. – 16 с.

Теория и методика ономастических исследований 2007 – *Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х.* Теория и методика ономастических исследований. – М.: ЛКИ, 2007. – С. 37–38.

Шаховский 1987 – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико–семантической системе языка. – Воронеж, 1987.

Якобсон 1987 – *Якобсон Р.* Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987.

Asatrian 2006 – *Asatrian G.* Kurdish Lō–lō. Iran & the Caucasus. Vol. 10. – № 2. – 2006. – P. 239–241.

Günay 2007 – *Günay V.D.* Sözcükbilimine giriş. Multilingual. İ.

Günay 2016 – *Günay V. D.* Kültürbilimine giriş. – Papatya Bilim, 2016. – 304 s.

Kornfilt 1997 – *Kornfilt J.* Turkish (1997); London: Routledge (reprinted 2000; paperback edition: 2010) – P. 241.

Mel'čuk 2015 – *Mel'čuk I.* Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes. – De Gruyter Mouton. DOI 10.1515/phras–2015–0005 YoP 2015; 6: 55–86.

Ümit 2015 – *Ümit A.* Sultanı öldürmek. Everest Yayınları. – İstanbul, 2015 – 528 s.

Sarygoz O.V. Functional-semantic appellative category in Turkish language

Summary. This article is devoted to the research of appellatives (appeals) in the Turkish language and their functional features. Appellative is described as a categorical term, three kinds of functions, cases of lexicalization and deonimisation are given.

Keywords: Functional-semantic category, appellative, appeal, Turkish language

**НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ
В ЛЕКСИКЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ¹**

В.И. Рассадин, г. Элиста

Резюме. В статье сравнительно-историческому и этимологическому анализу подвергнут комплекс монгольской скотоводческой лексики. Проведенный анализ позволил установить генезис монгольского номадного скотоводства и определить характер влияния на эту отрасль хозяйственной деятельности соседних тюркских племен. Все виды домашних животных, кроме лошади, являются тюркскими по происхождению.

Ключевые слова: лексика, скотоводство, заимствования, тюркские языки, монгольские языки

Хотя вопросы тюрко-монгольских языковых связей в мировой науке, в том числе и в отечественной, изучаются достаточно давно, в основном в рамках алтайской гипотезы, но до сих пор окончательно не выявлен характер установленных тюрко-монгольских лексических параллелей. В словарном составе монгольских языков эти соответствия являются наиболее многочисленными и представляют собой в основном тюркские заимствования в монгольских языках. По сути дела, наличие этих параллелей в старописьменном монгольском языке и явилось той базой, которая легла в свое время в основу гипотезы о родстве алтайских языков. Все общие тюрко-монгольские слова приписывались гипотетическому алтайскому праязыку.

Один из классиков алтаистики В.Л. Котвич установил, кстати, что около 50% грамматических форм являются общими для тюркских и монгольских языков и около 25 % представляют общую тюрко-монгольскую лексику [Котвич 1962: 351]. К сожалению, он не привел списка этих общих слов. Такой большой процент тюрко-монгольской языковой общности дал впоследствии основания предполагать, что это следствие бытования в прошлом тюрко-монгольского праязыка. Данное положение активно разрабатывалось в середине 20 века в отечественной науке. Как уже было сказано выше, хотя связь лексики тюркских и монгольских языков была установлена давно, но

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м).

до сих пор не было выявлено окончательное количество тюркских по происхождению слов в составе лексики не только старописьменного монгольского языка, но и современных монгольских языков. В настоящее время в связи с выходом в свет достаточно полных словарей старописьменного монгольского языка [Лессинг 1960], халха-монгольского языка [БАМРС 2001–2002], бурятского языка [Шагдаров, Черемисов 2010] и калмыцкого языка [1977] стало возможным анализ лексики современных монгольских литературных языков на предмет выявления в них тюрко-монгольского влияния.

Поставив перед собой цель выявить в современных халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках тюркские по происхождению слова, мы стали разрабатывать эту проблему, выиграв соответственно грант РГНФ. Критерием установления тюркского генезиса этих монгольских слов явилось наличие соответствующих слов в «Древнетюркском словаре» [1969], а также установление их тюркских праформ в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» [2001], что свидетельствует об исконности тюркского происхождения этих слов. Исследование нами проводилось по лексико-семантическим группам: лексика неживой и живой природы, хозяйственная деятельность человека, материальная культура, включая бытовую лексику, а также названия частей тела человека, лексика социально-политических и социально-экономических отношений.

В результате проведенного анализа нами были получены некоторые результаты, о которых хотелось бы ниже сказать несколько подробнее. Прежде всего сравнительно-историческому и этимологическому анализам мы подвергли комплекс скотоводческой лексики, включающей не только половозрастные названия видов скота, но и условия его содержания, т.е. характеристику пастбищ, кормовых трав, водопоев и вообще окружающей природы, а также названия молочных продуктов. В связи с тем, что кочевое скотоводство до сих пор является основным видом хозяйственной деятельности монгольских народов, данный пласт лексики представляется наиболее приоритетным. Проведенный анализ позволил установить генезис монгольского кочевое скотоводства и определить характер влияния на эту отрасль хозяйственной деятельности соседних тюркских племен.

В процессе исследования удалось установить, что все виды домашних животных, кроме лошади, включая верблюдов, крупный рогатый и мелкий рогатый скот, являются тюркскими по происхождению.

Так, лошадь имеет свое монгольское название *морь* – *морин*, что связывает монголов с тунгусо-маньчжурским языковым миром, в котором лошадь тоже называют *мурин*. Общетюркским названием лошади является *ат*.

Общемонгольское название верблюда *тэмээ(н)* (ст.-монг. *temegen*) совпадает с древнетюркским *tebä* id. Тюркскими же по происхождению являются и все остальные термины верблюдоводства: верблюдица – *ингэ* (ст.-монг. *inggen* < др.-тюрк. *iñän* id.), новорожденный верблюжонок – *ботго*, *ботогон* (ст.-монг. *botuγan* < др.-тюрк. *botu*, *botuq* id.), двухлетний верблюжонок – *тором* (ст.-монг. *torum* < др.-тюрк. *torum* «верблюжонок»), трехлетний верблюжонок – *тайлаг* (ст.-монг. *tajilyu*, ср.: др.-тюрк. *taj* – 1) жеребенок; 2) молодой конь), верблюжий повод – *бурантаг* (< др.-тюрк. *burun* – нос), верблюжье вьючное седло – *хом* (ст.-монг. *qom* < др.-тюрк. *qom* id.), холощенный рабочий верблюд, используемый на перевозке груза, – *атан* (ст.-монг. *atan* <

др.-тюрк. *atan* id.), возглас, при помощи которого побуждают верблюда лечь – *cөг!* (ст.-монг. *sög!*), по-тюркски означает «опустись на колени».

Крупный рогатый скот носит общемонгольское название *үхэр* (< др.-тюрк. *öküz, ögüz* – бык, вол, взят ротацирующий вариант), бык-производитель – *бух, буха* (ст.-монг. *buqa* < др.-тюрк. *buqa* id.), корова – *үнээ* (*üniye* < **üniye* < др.-тюрк. *iñäk* id.), новорожденный теленок – *тугал* (ст.-монг. *tuyul* < тюрк. *toy-* // *tuy-* – рождаться), теленок по второму году – *бяруу* (ст.-монг. *birayu* < **birayu* < др.-тюрк. *buzay, buzayu* – телёнок, взята ротацирующая форма), доить корову – *саах* (*saγa-* < др.-тюрк. *saγ-* id.), молоко – *сүү* (ст.-монг. *sün*, ср.: др.-тюрк. *süt* id.), простокваша – *тараг* (ст.-монг. *taraγ* < др.-тюрк. *tar* – пахта), пенка на кипяченом молоке – *өрөм* (ст.-монг. *örüm*, ср.: др.-тюрк. *ör-* – показываться, подниматься, *örü* – вверху, вверх, *örüš* – подъём, восхождение), кумыс из коровьего молока – *айраг* (ст.-монг. *ajray*, ср. др.-тюрк. *ajran* – напиток из кислого снятого коровьего молока), молочная водка – *архи* (ст.-монг. *ariki*, ср. тюрк. *araqı* – водка из сквашенного молока), сыр – *бяслаг* (старомонг. *bislaiγ*, ср.: др.-тюрк. *biš-* – 1) вариться, свариться; 2) зреть, поспевать), масло – *тос, тосон* (ст.-монг. *tosun*, ср.: др.-тюрк. *toj-* – наедаться, насыщаться) и ряд других терминов молочной пищи, имеющей тюркский генезис.

Монгольские термины, относящиеся к мелкому рогатому скоту – овце, козе, включая не только вид, но и половозрастные названия, тоже тюркские по происхождению. Так, овца в монгольских языках называется *хонь, хонин* (ст.-монг. *qonin*, ср. др.-тюрк. *qoj, qon, qoï, qojun, qojin* id.), баран-производитель – *хуц, хуца* (ст.-монг. *quča*, ср. др.-тюрк. *qoç, qoçınar* – баран, *qoçnar* – баран-производитель), ягненок – *хурга, хурьган* (ст.-монг. *quriγan* < **quriγan* < тюрк., ср.: др.-тюрк. *qozı* id., взята ротацирующая форма этого слова, характерная для болгарского ареала), коза – *ямаа, ямаан* (ст.-монг. *ımayan* < **ımayan* < др.-тюрк. *ımya* – коза, *jımya* – самка дикого горного козла), козленок – *ишиг, эшигэн* (ст.-монг. *išigen*, ср.: др.-тюрк. *eški, eškü* – коза), козел-производитель – *тэх, тэхэ* (ст.-монг. *teke* < др.-тюрк. *tekä* – козёл).

Тюркскими по происхождению являются также и слова, характеризующие пастбища, кормовые травы, водопой, загоны для скота. Так, отгонные пастбища, выпасы для скота во всех монгольских языках называются *отор* (ст.-монг. *otur*, ср.: др.-тюрк. *otyar-* – пасти < *ot* – трава, зелень). Один из видов пастбищной кормовой травы, называемой «пырей», носит название *хяаг, хяаг* (ст.-монг. *kıγay* < **qıγay* < тюрк. *қыйақ* – трава с режущими краями у листьев типа пырея < *қый-* – срезать наискось), осока – *өлөнг* (ст.-монг. *öleng*, ср.: др.-тюрк. *ölän* – лужайка (~трава?)), основной пастбищный корм верблюдов – верблюжья колючка, называется *хамхуул* (ст.-монг. *qamqayul* < др.-тюрк. *qamyaq* – одно из группы растений, известных под общим названием перекасти-поле; солянка (?)).

В степной, полупустынной и пустынной местности, куда переселились монгольские племена в тот период, когда у них был единый праязык, очень мало водопоев, поэтому древние монголы, переняв у тюрков пастбищное и молочное скотоводство, сохранили основные тюркские термины, относящиеся к водопоям, это: *худаг* – колодец (ст.-монг. *quduγ* < др.-тюрк. *quduγ, quduq* id., ср. также др.-тюрк. *quduγ, qujuγ* id.), *гол* – река (ст.-монг. *γol, γoul*, ср. др.-тюрк. *qol* – долина), *мүрэн* – большая река (ст.-монг. *mören*, ср.: др.-тюрк. *mürän* – река), *булаг* – родник (ст.-монг. *bulaγ* < др.-тюрк. *bulaq* – 1) источник; 2) канал, арык).

Тюркскими являются и термины, характеризующие местность. Это *тал*, *тала* – степь (старомонг. *tala* < др.-тюрк. *tala* id.), *цөл* – пустыня (ст.-монг. *čöl*, ср.: др.-тюрк. *čöllig*, *čölgi* – живущий в степи, степной), *хум* – песок (ст.-монг. *qum* < др.-тюрк. *qum* id.), *сайр* – высохшее речное русло (ст.-монг. *sajir*, ср. др.-тюрк. *saj* – 1) каменистое место вулканического происхождения; 2) пустынная равнина), *арал* – остров на реке, озере (ст.-монг. *aral* < др.-тюрк. *aral* – остров; чаща(?)), *таг* – горное плато (ст.-монг. *taγ* < др.-тюрк. *taγ* – гора), *сарьдаг* – высокие горные вершины (ст.-монг. *sariday* < **sari day*, ср.: тюрк. *saryğ dağ* – желтая гора), *бэлчир* – место слияния двух рек или дорог (ст.-монг. *belčir* < **beltir* < др.-тюрк. *beltir* – 1) скрещение дорог, перекресток; 2) место слияния рек), *адаг* – устье реки, дельта (ст.-монг. *aday* < др.-тюрк. *adaq* – 1) нога; 2) ножки, подставки; 3) нижняя часть, основание; 4) подножие; 5) устье реки, ср также др.-тюрк. *adaq*, *azaq*, *ajaq* id.).

Тюркскими являются и слова, называющие хозяйственные и иные постройки, такие как *хашаа* (ст.-монг. *qašīyan* < **qasiyan* < **qasiyan*) – загон для скота (ср.: др.-тюрк. *qasī* – загон для скота, связанный из прутьев), *алцаг* (ст.-монг. *alčay*) – шалаш, хижина для пастухов на отгонных пастбищах, лачуга, балаган, *алаčuk* (MNT, §118) – палатка; шатёр; шалаш < тюрк.: ср. др.-тюрк. *alači* – шатёр, в других тюркских языках представлены формы *алажық*, *алачық* – шалаш, шатёр; лачуга, домишко, хижина [см.: Севортян I: 130–132], *оцог* (ст.-монг. *očuγ*) – очаг для пастухов на отгонных пастбищах, состоящий из трёх камней, на которые ставится котёл для приготовления пищи < тюрк.: ср.: др.-тюрк. *očiγ* – очаг, печь, *očaγ* – печь, *oičuγ* – очаг, а также связанные с очагом такие понятия, как *оч* (ст.-монг. *oči* (< **oti* < **oti*)) – искра (< др.-тюрк. *ot* – огонь), *заль* (ст.-монг. *jali* < **jalin*) – пламя < др.-тюрк. *jalin* id.

Тюркскими же являются и некоторые погодные и атмосферные явления, такие как *салхин* (ст.-монг. *salkin*) – ветер (ср.: др.-тюрк. *salqim* – прохлада, холод), некоторые термины небесной сферы: *тэнгэр*, *тэнгри* (ст.-монг. *tngrī* id.) – небо (ср.: др.-тюрк. *tāŋri* – 1) небо; 2) бог, божество; 3) повелитель, господин).

Все эти термины убедительно свидетельствуют о том, что древние монгольские племена, будучи охотниками и рыбаками [Владимирцов 1934], переселившись в степные районы Центральной Азии и переняв у тюрков молочное скотоводство, усвоили весь комплекс кочевого номадного скотоводства, который от древних монголов перешел ко всем современным монгольским племенам, ставшими классическими кочевыми номадными скотоводами. В то же время монгольские племена сохранили навыки своего древнего занятия – охота и рыболовство. Среди этих видов хозяйственной деятельности встречается гораздо меньше тюрко-монгольских лексических соответствий. Их насчитывается буквально единицы.

Литература

Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А - Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. – М.: Academia, 2001. 486 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д - О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. – М.: Academia, 2001. 507 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. Θ - Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. – М.: Academia, 2001. 438 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. Х - Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. – М.: Academia, 2002. 506 с.

Владимиров Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. 676 с.

Калмыцко-русский словарь. – М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 765 с.

Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1962. 373 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. 822 с.

Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Том I А-Н. – Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография». 2010. 635 с.

Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Том II О-Я. – Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография». 2010. 707 с.

Lessing F. Mongolian-English Dictionary. – Berkley and Los Angeles, 1960. 106 p.

Источники

Севортыан I - *Севортыан Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. 767 с.

MNT – *Haenisch E.* Wörterbuch zu Mangḥol un Niuca Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. – Wiesbaden, 1962.

Rassadin Valentin I. Some preliminary results of research on Turkic-Mongolic parallels in the Mongolic lexicon

Summary. The article presents a comparative and etymological analysis of Mongolic terms of animal husbandry. Its results disclose genesis of the Mongolic terminology of nomadic animal husbandry and how it was influenced by the neighboring Turkic peoples. With the exception of the horse, all the terms denoting such animals are of Turkic origin.

Key words: lexicon, animal husbandry, borrowed words, Turkic languages, Mongolic languages

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМ
ОБРАЩЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ**

Х.К. Юлдашева, г. Кашкадарья

Резюме. В статье анализируются социолингвистические особенности форм обращения, социальная дифференциация форм обращения в речи коммуникантов в исторических романах, а также особенности форм обращения, свойственных представителям высших сословий.

Ключевые слова: формы обращения, адресант, адресат, социум, социальный статус, социальная роль

Как известно, формы обращения являются средствами, широко используемыми в речи и выполняющими важные функции в процессе коммуникации. Обращения отражают отношение адресанта к адресату и вместе с этим выполняют определенные задачи в зачатке диалога. В речи представителей различных слоев общества используются обращения в различной форме. В зависимости от социальной роли говорящего и слушателя, их возраста, половой принадлежности, профессии, социального статуса выбираются соответствующие формы обращения, которые меняются также в зависимости от изменения социальных ролей. Формы обращения могут считаться также одним из критериев измерения степени самосознания говорящих. В любом обществе представители каждой социальной страты, сословия, будь то правитель, бедняк, верующий, улем, шейх, будут использовать формы обращения, свойственные только своей речи. Таким образом, формы обращения можно анализировать в зависимости от того, представителями какого сословия являются адресант и адресат.

Возрастная дифференциация форм обращения своеобразно выражается в исторических романах. Формы обращения, свойственные речи взрослых людей, отличаются смысловой нагрузкой и разнообразием. В их речи используются такие обращения, как: *бўтам*, *бўталогим* ‘верблюжонок’, *арслоним* ‘львенок’, *тойчогим* ‘жеребенок’, *қулуним* ‘стригунок’, *қўзичогим* ‘овечка’, ‘крошка’, *жоним* ‘милый’, *болам* ‘сыннок’, *фарзанди азиз* ‘дорогой отпрыск’, *шер ўғил* ‘сыннок-львенок’.

Али Куичи хотел тихо закрыть дверь и вернуться к себе. Но Тиллабиби проснулась и, наспех вскочив с места, начала щебетать, повисши на шее сына.

– *Где ты ходишь, верблюжонок мой?*

Любимым словом Тиллабиби, представительницы степного племени мангыт, было “верблюжонок”.

Али Куичи с усмешкой погладил по плечу матери.

– *Откуда пришли вы сами, мать? Уже полночь.*

– *Брось мать, верблюжонок. Говори о себе: Что случилось, что потряслось?* (А. Якубов, “Сокровище Улугбека”).

Приведенный диалог происходит между Али Кушчи и его матерью Тиллабиби; в ходе диалога Тиллабиби использует в отношении сына слова *бўтам*, *бўталогим*. Такие единицы в узбекском языке характерны для речи старшего поколения. Эта дифференциация восходит к национальным особенностям, менталитету нации. Формы обращения в узбекском языке заметно отличаются и разграничиваются по возрастной категории.

Перед глазами Улугбека возник образ бабушки Сараймулькханым, глядящей его по голове вблизи шелкового шатра с открытым верхом. Изящные белые пальцы бабушки, обрамленные рядами золотых колец, были мягкими, как птичий пух, а ее голос, звенящий под его ушами, был приятным, как журчанье воды: «Если не спится, полюбуйся звездами, жеребёнок мой. Звезды – это ангелы божьи, витающие в облаках. А ангелы бывают добрыми. Если не спится, смотри на звезды, стригунок мой» (А. Якубов, “Сокровище Улугбека”).

Этот приведенный диалог происходит между Улугбеком и его бабушкой, которая в процессе общения использует такие единицы, как *тойчоғим*, *қулуним*. Эти обращения дифференцированы не только по возрасту, но и по половому признаку: такие формы обычно используются по отношению к мальчикам младшего возраста.

В процессе обращения друг к другу представителей правящего класса в их речи ярко проявляются учтивость и такт. В приводящихся в исторических романах речах правителей, активно используются единицы, свойственные сугубо их речи. Если проанализировать обращения по социальному положению человека, можно заметить некоторые отличия исторической речи от современных речевых традиций. Если в языке исторических романов обращения используют правители и члены их семей, а также их близкое окружение, то в качестве таких единиц выступают слова, свойственные представителям высшего сословия.

Это особенно ярко видно из описания дворцовой среды.

Как только Али Кушчи вышел во двор, кто-то мигом шмыгнул из здания справа и преградил ему путь.

– Постойте, устад! Что желают нукеры? Куда они хотят отвезти вас?

Али Кушчи узнал любимого ученика Мирама Челеби и обнял его за плечи.

– Не бойся, братец, его величество вызвал. Быстро вернись (А. Якубов, “Сокровище Улугбека”).

Обращение *устад* использовалась по отношению к образованным, интеллигентным людям.

Но в последней встрече сама Ханзаде бегим внезапно спросила:

– Мевляна, почему вы не женились до такого возраста? (П. Кадыров).

Форма обращения *мевляна* так характеризуется в Толковом словаре: «господин, правитель; спонсор, меценат (в обращении: «эй хукмдоримиз»); на мусульманском Востоке – почетный титул, добавляющийся к именам ученых и эрудитов, духовных наставников, высокопоставленных чиновников» [ЎТИЛ 2006: 517]. В приведенном диалоге принцесса Ханзаде бегим обращается этим словом к архитектору Фазлиддину.

Абдулла Ансари был человеком пятидесяти лет, полный, с тугими щеками, черными волосами. Алаи обернулся к нему:

– Таксир, тысячи и тысячи земледельцев, ремесленников, являющиеся гражданами этой страны, умирают с голоду (П. Кадыров, “Хумаюн и Акбар”).

В данном примере используется обращение *таксир*, которая является уважительным по отношению к сановникам и муллам. В XIV–XV вв. данное слово активно использовалось при обращении к представителям высшего сословия.

Большинство названий титулов и санов, использовавшихся в XIV–XV вв., сегодня не используется в современной речи, к ним относятся такие формы, как *даруга*, *эшик ага*, *мимар*, *амирул умара*, *визирь* и др. В отличие от современных обычаев и привычек, использование званий и чинов в качестве обращения носителю соответствующего титула являлось нормой для того времени.

Мулла Фазлиддин, стоящий, сложив руки, приблизился к даруге и промолвил:

– У меня есть другое подозрение, господин даруга (П. Кадыров).

В данном примере обращение реализуется «лексической единицей *даруга*, заимствованной из монгольского языка», которая означает правителя города или крепости [Ибрагимова 2008: 107], а ее сопровождает слово «господин». *Даруга* было одним из высоких званий того времени.

Только узнавший об этом мулла Фазлиддин чуточку растерялся. Но он, стараясь держать себя в руках, вышел к конному Якуббеку:

Господин эшик ага, разрешите вашему покорному слуге зайти на аудиенцию к Бабуру мирзе! (П. Кадыров, “Звездные ночи”).

В приведенном примере *эшик ага* ‘старший бек, по степени равный первому визирю’, выполняет функцию единицы обращения.

Кроме того, в языке исторических романов встречаются обращения к женщинам-коммуникантам по их социальному статусу. В отношении представительниц семейства падишаха активно используются такие единицы, как *бегим*, *хазрат бегим*, *маликам*.

Среди обращений, зафиксированных в языке исторических романов, обращения к людям в соответствии с их социальным статусом, чином встречаются чаще, чем по имени, т.е. здесь обращения дифференцируются главным образом по социальным и сословным признакам.

Литература

Ибрагимова 2008 – *Ибрагимова О.* Бобурномадаги унвон ва мансаб номлари // Ўзбек тили ва адабиёти, 2008. – № 4. – С. 107.

Искандарова 1993 – *Искандарова Ш.М.* Ўзбек нутқ одатининг мулоқот шакллари: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Самарканд, 1993.

Мўминов 2000 – *Мўминов С.М.* Ўзбек мулоқот хулқининг ижтимоий-лисоний хусусиятлари: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Т., 2000. – С. 11.

ЎТИЛ 2006 – Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Т.: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2006. – Том 2. – С. 517.

Halida Kuzieva Juldasheva. Sociolinguistic particular of forms of treatment used in the historical novel

Summary. The article is considered the sociolinguistic features of the forms of addressing specifying the forms of addressing units, which are used in the speech of communicants in historical novels on the effect of social factors, and specific features of the forms of addressing on position in the speech of the representatives of higher stratum (aristocrats).

Key words: forms of addressing, addressed, addressee, socium, social status, social role

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**«ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ ТУРЕЦКОГО СОЦИУМА»:
ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ДРАМАТУРГИИ
ТУНДЖЕРА ДЖЮДЖЕНОГЛУ**

Е.А. Оганова, г. Москва

Резюме. Статья посвящена исследованию женских образов в драматургии современного турецкого писателя Тунджера Джюдженоглу. В качестве магистральной «женская тема» проявляется в двух его пьесах – «Мои бедные женщины» и «Приют для женщин», в связи с чем автор подробно останавливается именно на них. В статье делается попытка выявить, как посредством женских образов драматург высвечивает проблемы, характерные для турецкого социума, а также проблемы, имеющие общемировую гуманитарную значимость.

Ключевые слова: современная турецкая драматургия, турецкое общество, образ женщины, традиции и обычаи

Драматургическое наследие Тунджера Джюдженоглу, являющегося продолжателем традиций таких талантливых турецких драматургов, как Орхан Асена, Неджати Джумалы, Тургут Озакман, Халдун Танер, Рефик Эрдуран и др., представлено более двадцатью жанрово разнообразными пьесами. Это трагедии, комедии, трагикомедии, политические драмы, пьесы-биографии, пьесы-аллегории и т.д. Лауреат многих турецких и международных театральных премий¹, Т. Джюдженоглу, начав свою литературную деятельность в середине 70-х гг. XX в., успешно работает и по сей день², причем о степени востребованности его пьес сегодня свидетельствует тот факт, что они переведены на многие иностранные языки (русский, немецкий,

¹ Всего писателю присуждено более 20 национальных и международных премий, в том числе Премия Союза турецких женщин, Премия Анкарского фонда искусства, Премия Министерства культуры Турции, Премия Фонда защиты прав человека Нидерландов и др.

² Летом 2016 г. драматург завершил пьесу «Брут, или убийство Юлия Цезаря» (Brüt ya da Jül Sezar'ın katili), написанную «по следам» пьесы В. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599) и актуализирующую проблему лидера и лидерства применительно к условиям современной жизни.

французский, испанский, арабский, японский и др.) и ставятся на сценах многих стран мира, в том числе в России, Германии, Франции, Польше, Австралии, США и др. – всего более 30 стран. Среди наиболее популярных пьес писателя, принесших ему поистине мировую славу, стоит отметить такие пьесы, как «Мои бедные женщины» (Kadıncıklar, 1983), «Маляр» (Boyası, 1996), «Лавина» (Çığ, 2001).

В своем творчестве драматург поднимает многие проблемы как турецкого социума (низкий уровень жизни, неграмотность населения, увеличение безработицы, невысокий статус женщины и пр.), так и проблемы, имеющие общемировую гуманитарную значимость (одиночество человека, взаимоотношения ребенка и матери, мужчины и женщины, страх, довлеющий над человеком в условиях тоталитарного общества, взяточничество и корыстолюбие власть имущих, их желание «пропиарить» себя в громких медийных проектах, бюрократизация административной машины и пр.)

Женские персонажи присутствуют во всех пьесах Т. Джюдженоглу, однако в качестве магистральной «женская тема» проявляется в двух его драмах: «Мои бедные женщины» (1983) и «Приют для женщин» (Kadın sığınağı, 2010), в связи с чем остановимся на этих пьесах подробнее.

Пьеса «Мои бедные женщины», по признанию автора, плод его длительной работы и наблюдений над турецкой действительностью [Sücenoglu 1984: 13]. В основе сюжета этой пьесы лежит жизнь обитательниц одного из публичных домов в Анкаре. Центральные женские образы – проститутки Нериман, Мехтап и Инджи глубоко несчастны. Находясь в финансовой кабале, они и слова поперек не смеют сказать своей хозяйке Хайрийе, которая выжимает из них все соки: заставляет работать без выходных, обслуживая многочисленных посетителей заведения, выставляет вон в холодный зимний день состарившуюся и уже не удовлетворяющую клиентов Мехтап, тут же найдя на ее место молоденькую проститутку. Но и Хайрийе не позавидуешь: именно из ее рассказа мы узнаем о тех ужасах, которые ждут женщину, вставшую на этот грешный путь.

ХАЙРИЙЕ: Молчать! Всех вас вышвырну на улицу! Да, так и сделаю. Приведу других, вот таких, как Инджи! Бессловесных работяг! Вам здесь что, благотворительный фонд какой или хоспис? На кой хрен мне такие как Мехтап?!

МЕХТАП: Но я же была больна.

ХАЙРИЙЕ: Да, но что-то слишком долго ты болеешь! Все наше заведение только на Инджи и держится! Ну и времена пошли! Так ли мы работали раньше? Как я убивалась? Ведь совсем еще девчонкой была! Да знаете ли вы, что мне пришлось пережить, пока я эту лавочку не открыла? Прошла огонь и медные трубы... Всюду попевала! Все были мной довольны! Позвали однажды меня в дом к двум мужикам сразу, а их там оказалось человек пятнадцать. И один, пьяный вдребезги, вдруг захотел отрезать мне нос. Все стали его упрашивать не делать этого, а он еще больше взвинтился – вытащил нож и на меня. Как я плакала, умоляла, валялась у его ног и в конце концов отговорила. Нос-то свой спасла, но в другом доме ногу покалечили, вот эту... и хромаю по сей день... А на что вы годитесь?... Чего же вам еще надо? Комната готова... Охрана – пожалуйста... сама полиция вас охраняет... врач к вашим услугам... не было у нас всего этого, и ничего, работали... А вы?... Одни только капризы... Хватит! Не буду я с вами больше нянчиться... [Sücenoglu 1984: 24–25]

Хайрийе морально опустошена, физически сломлена, ее главным увлечением в последнее время стало возведение фонтана, на котором будет вы-

гравировано ее имя, – своеобразная сублимация ее нерастрченного милосердия, однако все это не настоящие чувства, а лишь их буафория. Настоящих чувств она уже давно не испытывает, даже к Мехтап, которая проработала на свою хозяйку несколько десятков лет, а та даже не считает нужным проститься с ней и выбрасывает ее на улицу на верную смерть: за всю жизнь она так и не смогла заработать себе на жилье. Будущее Мехтап внушает страх даже другим обитательницам дома терпимости. Сама же она собирает свои скромные пожитки, находясь словно во сне, до конца не веря в реальность происходящего.

Нериман вынуждена отдавать свои жалкие крохи любовнику Хюсаметину, который, сам будучи пустым и никчемным человеком, ни в грош ее не ставит, закатывает ей скандалы и пр. Трагедия Нериман усугубляется тем, что у нее есть дочка, и ей приходится воспитывать ее одной.

Но хуже всего дела обстоят у самой молодой обитательницы публичного дома Инджи:

Вот встретила человека, полюбила и сбежала с ним из дому... все было как в сказке... а потом... не прошло и трех месяцев, как надоела я ему... насытился он мною и утёк, мерзавец... исчез... подонок... долго я его искала... бросалась во все стороны, но не смогла найти... нашла бы, задушила бы вот этими руками... так и не нашла... но брат мой нашел. Нашел и решил дело самым простым образом... пустил ему две пули в лоб... (*кричит*) 'Честь спасена!' – ликовавал мой братец. 'Да, честь спасена, но только наполовину! Теперь остается расправиться с этой шлюхой!' кричал он как бешеный. Я его знаю. Сказал – сделает. Вот и дрожу теперь всю жизнь...» [Cücenoglu 1984: 12].

Пьеса заканчивается трагично: брат Инджи все же находит ее, хитростью проникает к ней в комнату и убивает ее.

Драматург не ищет виновных ни среди обитательниц публичного дома, ни вне его. Однако за внешней холодностью как бы стороннего наблюдателя происходящего явственно проявляется его нежное отношение к «бедным женщинам»: передавая жизненную историю каждой из них, он будто дает им индульгенцию, объясняя приход каждой из них в публичный дом трагическими обстоятельствами, выявляет их душевные качества, которые они скрывают глубоко внутри и которые как бы растворяются в грубой прозе их жизни. В качестве примера можно привести лишь один эпизод. Когда брат Инджи бросается на нее с ножом, Мехтап, которая сама себя называет «сдохнувшим ишаком», не задумываясь, преграждает ему путь и, рискуя собственной жизнью, на какое-то время отводит от Инджи руку карателя. Такое отношение драматурга к своим героиням подчеркивается уже в заглавии пьесы «Kadıncıklar»: по-турецки аффикс -СІк, присоединяемый к основе имени (*kadın* 'женщина'), передает оттенок жалости, сострадания.

Пьеса, отмеченная тонкой психологической нюансировкой характеров обитательниц дома терпимости, у каждой из которых своя «история» падения, свои надежды, мечты и маленькие житейские радости, утвердила за Т. Джюдженоглу место одного из самых талантливых драматургов современности [Yüksel 1999: 59]. Это драматургическое произведение высоко оценили турецкие писатели и театроведы: пьесу называли «необыкновенной трагедией» (Эрол Той), в которой «комическое [переплетается] с социальной проблематикой» (Орхан Эрчин); отмечая ее реалистичность, усматривали сходство реалистического метода Т. Джюдженоглу с реализмом Э. Золя (Сечкин

Чылызоглу) [Süsenoğlu 1984: 10]. Стоит указать, что пьеса до сих пор с успехом ставится на сценах как турецких, так и мировых театров.

«Женская тема» является доминантной и в другой пьесе драматурга – «Приют для женщин», действие которой также происходит «за закрытыми дверями» турецкого социума. Несмотря на то что между написанием двух пьес прошло почти семнадцать лет, акценты, расставленные Т. Джюдженоглу при изображении проблем, с которыми сталкиваются турецкие женщины, не изменились.

В пьесе представлены одиннадцать обитательниц социального приюта, у каждой из которой особые жизненные обстоятельства, вынудившие покинуть родной дом и жить в этом учреждении. Все эти женщины принадлежат к различным социальным классам, приехали в Стамбул из различных уголков Турции (Орду, Измира, Диярбакыра и др.), их отличает разный уровень образования, возраст, круг интересов и пр. Представительницы Стамбула – управляющая Зейнеп и психолог Серап, хоть и не проживают сами непосредственно в этом приюте, но совершенно очевидно, находят для себя здесь успокоение, так как обе несчастливы в семейной жизни: с Зейнеп жестоко обращается муж (она приходит на работу с гематомой под глазом), Серап никак не может выйти замуж, поскольку ее молодой человек, с которым она уже долгое время встречается, все время находит отговорки, чтобы всячески оттянуть вступление в брак.

Особенно трогательно выписан драматургом образ старой женщины Дуду Кадын, которая вынуждена скрываться в приюте от издевательств своей невестки. Через этот образ Т. Джюдженогу раскрывает нам типичную не только для Турции парадигму взаимоотношения невестки и свекрови при абсолютно несамостоятельном, вялом сыне и муже (в случае с Дуду Кадын он, хотя и испытывает нежные чувства к ней, идет на поводу агрессивной жены).

Дениз скрывается в приюте от грубого поведения мужа, который к тому же ей открыто изменял.

Жительница Измира вынуждена была сбежать из дома, спасаясь от сексуального насилия в доме:

Жительница Измира: Один раз опять притащился домой, лыка не вяжет. Светало. Я только заснула. Вдруг чувствую – на меня что-то давит – открываю глаза. Изо рта у него несет падалью – раки и чесноком. Толкнула его, но силы не хватило! Тяжелый, зараза, как труп ишака. И еще штаны свои стянуть пытается. Я выскользнула из-под него. А потом палкой, которую всегда держала наготове, как хрястну по нему! По голове, по глазам... Куда придется. А теперь эта тварь говорит мне: спускайся!

Йетер, ставшая жертвой своего мужа – пьяницы и заядлого игрока. Он питает к ней страстные чувства, ежедневно по несколько раз приезжает в приют на машине, на которой каждый раз красуется новая надпись, свидетельствующая о глубине его чувств. Однако все эти внешне комические выходы иллюстрируют глубокий душевный слом героя, который стоит уже на грани безумия, не имея возможности гармонизировать свои отношения с женой.

Трагична и история Джезаир: отец воспитывал ее в строгости, родители выдали замуж без ее согласия, муж оказался «праведным» мусульманином, несмотря на слабые протесты героини, заставил ее полностью закрываться, пресек все ее попытки общения со своими сверстниками; родители Джезаир,

в душе сочувствуя дочери, призывали ее смириться и не перечить мужу. Однажды в гостях Джезаир посмотрела фильм, где женщину за неверность забили насмерть камнями, с тех пор эта женщина стала ей мерещиться, так как в реальной жизни она – пусть и не физически – но морально забивается своим мужем.

Джезаир: Иногда мы с ним выходили на улицу, так он через слово все про омовение, да про намаз, – все это ложь и фальшь. Каждый вечер стал ходить в мечеть и совершать намаз.

Трагическое начало пьесы достигает апогея в образе Зыльфо, жительницы Диярбакыра. Ее появлению в приюте предшествует чтение одной из обитательниц приюта – Фидан – заметки в газете, из которой мы узнаем, что Зыльфо сбежала со своим возлюбленным в Стамбул, не желая выходить замуж за навязываемого ей родителями жениха. Отец ее, поняв, что их дочь сбежала, впал в неистовство и собрал семейный совет, на котором единогласно было принято решение убить и саму Зыльфо, и ее возлюбленного. Эту миссию поручили брату Зыльфо, который через некоторое время выследил беглецов в Стамбуле и прямо на глазах у Зыльфо застрелил ее возлюбленного. Самой Зыльфо удалось убежать, и благодаря личному участию мэра Стамбула ее определили в женский приют.

В приюте появляется мать Зыльфо Хатун, которая уговаривает ее поехать домой и забыть все происходящее как страшный сон. Зыльфо, в иступлении целуя и обнимая «простившую» ее мать, собирается ехать; для того, чтобы ее никто не узнал, она надевает на себя черный хиджаб. Хатун перед выходом из приюта идет в туалет, откуда после мучительного колебания звонит своему сыну и сообщает, что закрытая в черный хиджаб Зыльфо сейчас сядет в ожидающее их у приюта такси. Когда Хатун обнимается с постояльцами приюта, на улице слышатся выстрелы – Зыльфо погибает от руки брата.

Физически мужчины в этой пьесе не присутствуют, однако из разговоров женщин о них и других косвенных свидетельств их существования, становится ясно, что мужчины тоже страдают. Так, мы знакомимся с содержанием письма мужа Йетер, в котором он бурно, на грани помешательства раскаивается в своих поступках. Из рассказа дочери Гюллю Фидан узнаем, что муж Гюллю специально приехал в Стамбул и тайно встречался с Фидан, чтобы с помощью дочери установить – пусть и призрачный – контакт со своей женой. Очевидно, не самые лучшие моменты своей жизни переживает и брат Зыльфо, который по требованию обычаев вынужден застрелить собственную сестру. Таким образом, можно заключить, что мужские образы в этой демонстративно «проженской» пьесе не однобоки: драматург не перекладывает всю вину на мужчин, делая их козлами отпущения за все те муки, которые женщинам приходится терпеть.

Можно ли сказать, что в рассмотренных пьесах звучат проблемы, характерные только для турецкого социума. С одной стороны, часть проблем, поднятых в этих пьесах, актуальна для любого общества (ситуация, когда женщина вынуждена выбирать между семьей и карьерой, недопонимание в семье, сложные отношения со свекровью, нежелание мужа, чтобы женщина работала, насилие в семье и пр.), с другой стороны, ряд вопросов, получивших освещение в пьесах, присущ именно турецкому обществу, а именно – подчеркнем – его ретроградной части: неслучайно, убийство, основанное на традициях, совершает все же житель Диярбакыра – города на юго-востоке

Анатолии. Тем самым драматург делает отсылку к тому, что варварские обычаи проявляют себя в первую очередь в менее развитых районах Турции, где действительно традиционный уклад жизни претерпел меньшие изменения по сравнению с центральными более развитыми районами страны.

Можно признать, что в пьесе «Приют для женщин» линия, выстроенная вокруг убийства на почве традиционных ценностей, является магистральной, а разрешение истории, связанной с Зыльфо, создающую своеобразную детективную интригу пьесы, знаменует собой и ее сценическую кульминацию. Т. Джюдженоглу посчитал важным поднять эту проблему в начале XXI в., призывая обратить внимание на то, что некоторые варварские обычаи, являющиеся глухими пережитками прошлого, к сожалению, не удается выкорчевать из турецкого общества и по сей день.

В связи с этим нельзя не вспомнить очень популярную, можно сказать, «знаковую» пьесу известного турецкого драматурга середины XX в. Гюнгера Дильмена «Жертва» (Kurban, 1967), основная коллизия которой построена на распространенной в мусульманском обществе традиции брать вторую жену. Несмотря на то что после реформ М.К. Ататюрка Турция стала светской страной, пережитки таких традиций, по свидетельству социологов, сохраняются и поныне, особенно это характерно для сельских мало развитых районов страны. В своей пьесе Г. Дильмен изобразил трагедию Зехры, муж которой Махмут не смог отказать себе в удовольствии взять в дом вторую жену – красавицу Гюльсюм, несмотря на свою искреннюю любовь и привязанность к Зехре. Зехра умоляет его этого не делать, но Махмут непоколебим. Другие женщины убеждают главную героиню смириться, ссылаясь на то, что вначале будет трудно, а потом она привыкнет, что не она первая, не она последняя, чей муж взял себе вторую жену, что мужчины придумали такой закон и др. На это Зехра им отвечает, что у нее в сердце есть другой закон, которому она и будет следовать. Сон подсказывает Зехре решение: лучше умереть, чем делить детей, мужа, дом с другой женщиной. Она запирается в комнате с детьми и в последний раз умоляет Махмута не совершать брак с Гюльсюм, однако Махмут не отказывается от данного Гюльсюм обещания. Несмотря на все уговоры, Зехра не открывает дверь. Когда же наконец Махмут взламывает дверь, он находит и Зехру, и детей мертвыми: против старых деревенских обычаев она выдвинула свой закон. Драму в пьесе переживает и Гюльсюм, с чувствами которой также никто не считается.

Попутно отметим, что в пьесе Г. Дильмена отчетливо прослеживается влияние трагедии древнегреческого драматурга Еврипида «Медея», это мнение разделяют и турецкие исследователи, например Севда Шенер [Şener 1970: 65]

Минорная окрашенность рассмотренных пьес Т. Джюдженоглу, подлинный трагизм описываемых ситуаций и обстоятельств, характерны и для большинства других пьес современной турецкой драматургии, «женская линия» в которых доминирует. В качестве примера можно привести многочисленные пьесы Адалет Агаоглу («Игра в дочки-матери», 1962, «Трещина в крыше», 1964, «Кокон», 1971 и др.), Улькер Кёксал («Саджиде», 1972, «Ребро Адама», 1979, «Взрослые дети мира», 1987 и др.) и т.д. (подробнее см.: [Оганова 2010]). Так современная турецкая драматургия откликается на актуальные проблемы, с одной стороны, волнующие, турецкий социум, с другой – имеющие общемировую гуманитарную значимость.

Литература

Оганова 2006 – *Оганова Е.А.* Идеино-художественные особенности драматургии Тунджера Джюджену // Вопросы тюркской филологии, 2006, выпуск VI. – С. 149–164.

Оганова 2010 – *Оганова Е.А.* Женская линия в современной турецкой драматургии // Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения», апрель, 2010. – М.: Ключ-С. – С. 255–259.

Cücenöğlü 1984 – *Cücenöğlü, Tuncer.* Kadıncıklar. – İst., 1984.

Cücenöğlü 2010 – *Cücenöğlü, Tuncer.* Kadın Sığınağı. – İst., 2010.

Cücenöğlü 2016 – *Cücenöğlü, Tuncer.* Brüt ya da Jül Sezar'ın Katili. – (рукопись)

Dilmen 1996 – *Dilmen, Güngör.* Kurban / Toplu oyunları 2. – İstanbul: Mitosboyut, 1996.

Nutku 1993 – *Nutku, Hülya.* Tuncer Cücenöğlü'nun Yazarlığının Gelişimi ve Oyunları // *Tuncer Cücenöğlü.* Toplu oyunları 1. – İst., 1993. – S. 9–31.

Şener 1970 – *Şener, Sevdâ.* «Kurban» üzerine bir inceleme // *Tiyatro Araştırmaları Dergisi*, 1970.

Tekerek 2004 – *Tekerek, Nurhan.* Tuncer Cücenöğlü'nun Oyunlarında Durumlar ve Soyutlamanın Getirdiği Evrensel Anlamlar: Helikopter, Zep, Юарка ve Матрюока // *Tiyatro Araştırmaları Dergisi*, 2004, sayı 18.

Yüksel 1999 – *Yüksel, Ayşegül.* Cumhuriyet Dönemi Türk Oyun Yazarlığı // *Cumhuriyetin 75. Yılında Türk Tiyatrosu.* – İst., 1999.

***Elena Oganova.* «Behind the closed doors of the Turkish society»:
women images in Tuncer Cücenöğlü's dramaturgy**

Summary. The article is devoted to researching women images in the plays of modern Turkish playwright Tuncer Cücenöğlü. Since «women line» dominates in his two plays «My poor women» and «Women's safehouse» the author mainly concentrates on them. The author makes an attempt to define how the playwright enlightens problems characteristic for the Turkish society and problems having worldwide humanitarian importance.

Key words: modern Turkish dramaturgy, Turkish society, women images, traditions and customs.

**О ПОРЯДКЕ НАЗНАЧЕНИЯ ИМЕННЫХ СТИПЕНДИЙ
В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

О.А. Кличев, г. Бухара

Резюме. В данной статье автор анализирует порядок отбора кандидатов и условия выделения именных стипендии Бухарского эмира, которые назначались учащимся исламских медресе и профессиональных училищ. Основным материалом для статьи стали архивные документы Центрального Государственного Архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз).

Ключевые слова: медресе, стипендия, эмир, образование, слушатель, училище, экзамен

Исламское образование на территории Средней Азии имеет многовековые корни. Начиная с раннего средневековья здесь появляется разветвленная сеть медресе, где преподавались как религиозные, так и естественные (мирские) науки. По существу, медресе заменяло систему среднего специального и высшего образования. Мавераннахр издавна был признан не только в мусульманском, но и во всем мире краем развития науки, культуры, в особенности, развития ислама с теоретической точки. Бируни, Ибн Сина и Улугбек внесли неоценимый вклад в развитие мировой науки. Мусульманский мир знает и изучает труды Имама ал-Бухари, Имама ат-Термизи, Абу-л-Лайса ас-Самарканди, Абу Мансура ал-Матуриди, Бурханиддина Маргинани и других, которые, по признанию современных мусульманских богословов, подняли изучение исламских наук до уровня научных дисциплин. Следует отметить, что все эти корифеи естественных и религиозных наук получили базовое образование в медресе. Среди городов, ставших центрами мусульманской мысли и исламского образования выделялись Самарканд, Хива, Бухара. В XV–XIX вв. здесь известны такие центры высшего образования, как «Мир Араб», «Шердор», «Улугбек», «Тиллакори», «Кукалдош», «Баракхон». К концу XIX в. в Бухарском эмирате насчитывалось 336, в Хивинском ханстве – 132, в Туркестанском крае – 348 медресе¹.

С конца XIX – начала XX в. Бухарский эмират оказался вовлеченным в орбиту тех поступательных событий, которые происходили в Российской империи, в частности в сфере образования. За короткое время в Бухарском эмирате и Туркестанском генерал-губернаторстве при активно функционирующих мактабах и медресе открывались новометодные и русско-туземные школы, прогимназии, гимназии и отдельные профессиональные училища.

Бухарские эмиры уделяли достаточное внимание сфере образования и просвещения. Традиция поощрения талантливых студентов, обучающихся в медресе, поддерживалась и в период правления последних эмиров из династии Ман-

¹ <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?1835>

гытов. До середины XIX в. 800 слушателям медресе Бухарского эмирата, которые читали книгу «Хидояи шариф»², выплачивалась соответствующая стипендия «дахъяк»³. В период правления эмира Музаффархана количество выплачиваемых «дахъяков» увеличилось на 200. Тогда их количество в Бухаре достигло 900, а в Шахрисабзе 200. Согласно сведениям Н.С. Лыкошина, правительство эмирата выделяло получателю дахъяка 120 таньга = 24 рубля в год⁴.

Получатели дахъяка в медресе или кандидаты на получение дахъяка каждый год 15 февраля, согласно указанию казикалона (высшее духовное лицо эмирата), должны были сдавать экзамен, который проходил во дворе казикалона. Там казикалон раздавал студентам дахъяки согласно списку. Слушатели, не проживающие на территории Бухары, в этот день должны были лично явиться на экзамен. После раздачи стипендии, казикалон сам составлял список и подсчитывал количество слушателей, которые по каким-либо причинам не явились в этот день. После этого вместо них набирались новые кандидаты на стипендию, и они сдавали экзамен перед широкой аудиторией. На новые места могли претендовать только те студенты, которые успешно сдали экзамены и сумели прочесть арабскую вязь. Данные мероприятия являлись традицией финансовой поддержки образования в медресе и слушателей, обучающихся в них. В конце XIX – начале XX вв. бухарские эмиры Музаффариддин, Абулахадхан и Алимхан оказывали финансовую поддержку не только слушателям медресе эмирата, но и учредили стипендии для малообеспеченных и талантливых учеников, обучавшихся в образовательных учреждениях России.

В результате изучения архивных данных было выявлено, что переписка между Российским политическим агентством в Бухаре и правительством эмирата является важнейшим источником для освещения данного вопроса. Переписку, связанную с учреждением стипендий в образовательных учреждениях Российской империи можно разделить на два периода.

Первый период начинается с учреждения эмиром Музаффариддином 28 февраля 1885 г. стипендии в честь 25-летия правления Александра II за счёт процентов благотворительного капитала в размере 32.650 рублей⁵. Порядок выдачи стипендии был утверждён Министерством народного образования России 14 июня 1885 г. Стипендия была учреждена в целях обеспечения получения бесплатного образования в российских городах учениками, имеющими подданство эмирата. В каждом образовательном учреждении в городах Петро-Александровск, Казалинск, Перовск, Ташкент и Самарканд устанавливалось две стипендии эмира для детей из Бухары.

Средства, выделенные на стипендию, хранились в Ташкентском казначействе в виде государственных ценных процентных бумаг и в период с 1885 по 1891 гг. их стоимость увеличилась до 43.095 рублей. О том, что средства, выделенные эмиром не используются по назначению, было сообщено Бухарскому эмиру. Известил его об этом главный инспектор училищ Туркестанского края Ф.М. Керенский через Российского политического агента П.М. Лессара. Глав-

² «Хидоя» (Хидояи шариф – Священная Хидоя) – известный труд по мусульманскому праву, составленный Али Маргинани.

³ Дахъяк – буквально «десятая часть»; в бухарских медресе так называли стипендию, которую в последние годы обучения получали лучшие учащиеся.

⁴ Лыкошен Н.С. Полжизни в Туркестане (очерки быта туземного населения). – Пгр.: Тип Б.Д.Брукера, 1916. –С.243.

⁵ ЦГА РУз.(Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан), ф.И-3, оп.1, д.79, л.109-110.

ный инспектор предложил с разрешения эмира использовать эти средства для строительства реального училища в городе Ташкенте⁶, взамен этого обеспечить бесплатное обучение в данном образовательном учреждении детей поданных эмира.

В ответном письме от 4 февраля 1891 г. на имя Ф.М. Керенского Российское политическое агентство в Бухаре отметило необходимость известить правительство Бухары о том, что дети бухарских поданных вместо обучения в религиозных учреждениях города могут получить бесплатное образование в Ташкентском реальном училище⁷. Бухарский эмир положительно решил этот вопрос. Это значит, что средства, учреждённые эмиром Музаффариддином в 1885 г. для стипендии в городах Туркестанского генерал-губернаторства, были потрачены на строительство здания реального учебного заведения в г. Ташкенте, возведение которого началось в 1891 г. Правительство эмирата обеспечило бесплатное обучение детям своих поданных в данном учебном заведении.

Второй период учреждения стипендий из средств бухарских эмиров приходится на период правления эмира Абдулахада и эмира Алимхана. К этому периоду можно отнести переписку между правительством эмирата и Российским политическим агентством в Бухаре, связанную с учреждением стипендий в Ташкентском реальном училище, в Ташкентском кадетском корпусе, в Туркестанской учительской семинарии и в сельско-детском приюте Императрицы Марии в Екатеринбурге и в Тульской губернии.

Необходимо отметить, что сведения, связанные с учреждением и порядком отбора кандидатов стипендий Бухарского эмира, были отражены в межправительственной дипломатической переписке между Российским политическим агентством и кушбеги эмирата, а также в официальной межведомственной переписке между канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства, главным инспектором училищ Туркестанского края и администрацией образовательных заведений.

Основная переписка по данному вопросу велась в период с 1898 по 1917 гг. кушбеги эмира Жан Мирзабием, Астанакулом и Мирзой Насруллою, Российскими политическими агентами А. Белявым, Я.Я. Лютшем, В.И. Игнатьевым, П.М. Лессаром, а также управляющими Политического агентства В. Петровым и Н.Шульгой.

Анализ документов канцелярии Политического агентства показал наличие важных сведений о том, что в Ташкентском реальном училище на основе средств Бухарского эмира были учреждены стипендии имени Великих князей Михаила Николаевича⁸ и Кирилла Владимировича⁹.

Сохранилась телеграмма Российского политического агента В.И. Игнатьева от 13 декабря 1898 г., направленная на имя Туркестанского генерал-

⁶ Ташкентское реальное училище было открыто в 1894 г. Первоначально имелось всего два класса и только к 1898 г. доведено до семи классов (шесть основных и один дополнительный – седьмой). См: *Кочаров В.Т.* Из истории организации и развития народного образования в Туркистанском крае. – Т.:1958. – С. 42.

⁷ ЦГА РУз. ф.И-3, оп.1, д.79, л.111.

⁸ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909). Сын императора Николая I, полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 16 апреля 1878 г.), генерал-фельдцейхмейстер (с 1852 г.), вёл деятельность в качестве представителя Государственного Совета (1881–1905).

⁹ Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938). Второй ребёнок третьего сына императора Александра III Владимира Александровича, племянник Николая II.

губернатора С.М. Духовского. В ней излагается, что Бухарский эмир Саид Абдулахадхон, в связи с 50-летним юбилеем Великого князя Михаила Николаевича, просит разрешить учредить две стипендии в Ташкентском реальном училище в размере 300 рублей, в счёт процентов 15.000 рублей¹⁰. После этого генерал-губернатор С.М. Духовский 15 декабря 1898 г. отправил письмо на имя Бухарского эмира; в нём он выражал свою благодарность за разрешение на учреждение двух стипендий в Ташкентском реальном училище в связи с 50-летним юбилеем Великих князей.

В Ташкентском реальном училище порядок представления кандидатов на стипендию имени Великого князя Михаила Николаевича на основе средств Эмира Саида Абдулахадхана был утверждён министром народного образования 6 июля 1899 г. Согласно пятому параграфу данного порядка, сведения о кандидатах на стипендию предоставлялись эмиру через Туркестанского генерал-губернатора на основе представления Педагогического совета Ташкентского реального училища. Утверждение кандидата входило в компетенцию эмира.

Архивные документы подтверждают, что конкурс на стипендию, выделенную для студентов учебных заведений, был очень большим. Правом участия в данном конкурсе пользовались и дети подданных Бухарского эмирата, и дети из малообеспеченных семей, а также семей, потерявших кормильца из других областей края.

Согласно сведениям из переписки, которая велась между кушбеги эмирата и российским политическим агентством, при представлении кандидатов на стипендию, в первую очередь, принималось во внимание их семейное положение, уровень знаний и соблюдение ими правил распорядка учебного заведения. Во многих случаях семьи, которые хотели, чтобы их дети стали стипендиатами, обращались с прошением на имя директора Ташкентского реального училища или Российского политического агента в Бухаре. Такого вида документы были написаны от имени Михаила Шудрина, Дустьмухаммда Кувватова, Алубека Диваева, Биби Усмон Хотимтовой и Биби Ойша Якубовой. В документе подробно изложены все сведения о кандидате и о его семейном положении.

После рассмотрения кандидатуры на Педагогическом совете учебного заведения и собирания необходимых бумаг (представление директора, выписка из протокола Совета, справка об успеваемости ученика и список кандидатов за подписью директора, где указывалось класс, фамилия, имя, отчество, оценки и прилежание, успехи, социальное положение) о принятом решении через Туркестанского генерал-губернатора извещали Политическое агентство в Бухаре. А политический агент отправлял список кандидатов кушбеги эмирата. Об этом можно узнать из следующего исторического документа:

«Уважаемый кушбеги Мирза Насруллабий, извещаю Вас о том, что в Ташкентском реальном училище одно место стипендии имени Великого князя Михаила Николаевича, учреждённой на основе средств Его Святейшества Эмира, освободилось. Согласно порядку распределения данной стипендии, Советом учебного заведения составлен список кандидатов на свободное место, который через Туркестанского генерал-губернатора будет доставлен Его Превосходительству Эмиру. Туркестанский генерал-губернатор в качестве кандидата на освободившееся место представил мне ученика мусульманина Ёкубова Ёкуба, получающего образование на первом классе данного учебного заведения. Известить Ваше превосходительство о данном кандидате также было пору-

¹⁰ ЦГА РУз. ф. И-47, оп. 1, д. 507, л. 1.

чено мне. Уважаемый Господин кушбеги, прошу Вас обратиться к Его превосходительству Эмиру по вопросу о выделении данной стипендии Ёкубову Ёкубу и прошу Вас известить меня об этом. Желаю Вам здоровья и милосердия Его Превосходительства Эмира, жду Вашего ответа. Управляющий политическим агентством: Подпись, (В. Петров., письмо № 1944 от 23 марта 1913 года)»¹¹.

В результате исследования писем с таким содержанием выяснилось следующее: последний этап выбора достойных учеников из числа кандидатов на стипендию полностью зависел от волеизъявления Бухарского эмира. О кандидате, получившем одобрение эмира, кушбеги эмирата лично сообщал в официальных письмах управляющему Российским политическим агентством в Бухаре либо самому политическому агенту.

Такого вида письма имели следующее содержание:

*«Уважаемый управляющий Политическим агентством Российского Императора. Согласно Вашему письму №1944 от 23 марта 1913 года, сведения о том, что освободилось место на стипендию имени Великого князя Михаила Николаевича, были представлены Его Превосходительству Эмиру. Извещаю Вас о том, что Его Превосходительство Эмир дал разрешение предоставить данную стипендию ученику Ёкубову Ёкубу». (10 день месяца жума дулаввал 1331 года хиджры – письмо № 860 от 2 апреля 1913 года)*¹².

Анализ ответного письма кушбеги показал, что в письме содержится текст-обращение (письмо), отправленное управляющим политическим агентством на имя главного инспектора училищ Туркестанского края. Этот текст рукописный, чёрными чернилами записан в правой части письма. Подпись в конце письма подтверждает, что автором текста был управляющий политическим агентством В. Петров.

Данную ситуацию в письме кушбеги можно оценить следующим образом. Во-первых, Политическое агентство, получив заключение правительства эмирата о кандидате на стипендию, отправило его главному инспектору училищ Туркестанского края через представление оригинала письма кушбеги. Во-вторых, записи под письмом могут означать, что письмо политического агентства, отправленное на имя главного инспектора, могло выполнять задачу чернового варианта письма, т.е. данные записи управляющего агентством использовались секретарями-переписчиками при составлении официального письма. Это подтверждает тот факт, что в процессе исследования было выявлено наличие двух видов текстов с одинаковым содержанием.

Анализ текстов переписки также показал, что вопросы, связанные с кандидатами на стипендию, учреждённую на средства Бухарского эмира, решались как на официальном межправительственном уровне в виде обмена письмами, так и непосредственно при встречах политического агента с эмиром. Это можно узнать из письма политического агента № 2158 от 14 марта 1914 г., отправленного на имя главного инспектора училищ Туркестанского края:

*«Ваше прошение за № 2272 от 29 февраля сего года по вопросу назначения кандидата на свободное место стипендии в Ташкентском реальном училище 9 марта я подробно изложил на встрече с его Превосходительством Эмиром. Его Превосходительство Эмир из числа кандидатов на стипендию одобрил кандидатуру Константина Преображенского»*¹³.

¹¹ ЦГА РУз.ф.И-3, оп.1, д.332, л.70.

¹² ЦГА РУз.ф.И-3, оп.1, д.332, л.71.

¹³ ЦГА РУз.ф.И-3, оп.1, д.332, л.74.

Первыми обладателями стипендии имени Великого Князя Михаила Николаевича, учреждённой на средства Бухарского эмира, в Ташкентском реальном училище стали выпускники Церковно-приходской школы в Новой Бухаре Камариддин Абдулменов и Мухаммад Собир Тазиев. Эти кандидаты были лично представлены эмиром и согласно его разрешению утверждены. Из архивных документов видно, что в период 1899-1918 гг. данной стипендии были удостоены Кувватов Хасан, Мирбадалиев Искандар, Осокин Георгий, Ёкубов Ёкуб, Янин Георгий и Мокин Василий

Вторая стипендия в Ташкентском реальном училище учреждена сыном Бухарского эмира Саид Алимханом, на основе благотворительных средств в размере 15.000 рублей, в честь Великого Князя Кирилла Владимировича, который остался невредимым после взрыва на броненосце «Петропавловск» в 1904 г. Согласно вышеуказанному порядку, этой стипендии каждый год удостоивались два ученика¹⁴.

Обладателями стипендии имени Великого Князя Кирилла Владимировича были Шамсуддинов Искандар, Мурашкин Павел, Вендигов Константин, Преображенский Константин, Нелюбин Владимир и Дашкин Илья (Ильяс). В процессе анализа прошений выяснилось, что в Ташкентском реальном училище сначала стипендий было две, а с 1905 г. стипендия была предоставлена четырём ученикам.

Выбор кандидатов в учебном заведении на освободившуюся стипендию объявлялся только тогда, когда предыдущий обладатель стипендии оканчивал учебное заведение или согласно собственному заявлению исключался из учеников. Но так как в реальном училище была внедрена семилетняя система образования, число стипендиатов с каждым годом увеличивалось. Вероятно, поэтому в ответ на ряд писем с просьбой предоставить детям стипендию эмира, Российское политическое агентство в Бухаре извещало о том, что места на стипендию заняты либо освободились. Обращения такого содержания отправили подданная Юсупова 30 сентября 1904 г. и Е. Крунёга 23 марта 1905 г. Важно отметить, что политическое агентство ответы на данные обращения отправляло через представителей администрации или полиции по месту жительства.

В результате сопоставительного анализа переписки Российского политического агентства и документов Ташкентского реального училища были выявлены некоторые особенности исследуемой проблемы.

1. Стипендии Бухарского эмира удостоивались как представители мусульманства, так и представители христианства;

2. Было выяснено, что среди стипендиатов были узбеки, казахи, киргизы, таджики и русские;

3. Большинство стипендиатов были из областей Туркестанского генерал-губернаторства и частично из городов в составе Бухарского эмирата;

4. Стипендиаты своё первичное образование получали в церковных школах (приходских училищах) таких городов, как Омск, Киев, Ташкент и Новая Бухара (Каган);

5. Социальное происхождение стипендиатов разнилось. Это были дети местных работников, управляющих, переводчиков, секретарей, военнотружеников, медсестёр и хлопковых инспекторов, а также дети чиновников административных учреждений Российской империи в Туркестане;

¹⁴ ЦГА РУз ф.И-3, оп.1, д.258, л.138.

6. Несмотря на то, что стипендии не были названы в честь Эмира Абдулахада и Эмира Алимхана, тексты межправительственной переписки подтверждают, что все решения, связанные с кандидатами на стипендию, принимались исключительно Бухарскими эмирами.

Всё свидетельствует о том, что и в Ташкентском реальном училище, и правительство эмирата, и администрация учебного заведения строго придерживались порядка назначения, на средства эмиров Абдулахада и Алимхана стипендий имени Великих князей Михаила Николаевича и Кирилла Владимировича. Поэтому Эмир Музаффариддин, выделивший средства для строительства Ташкентского реального училища, эмиры Абдулахад и Алимхан в 1893, 1895 и 1911 гг. были удостоены звания «почётный попечитель» данного учебного заведения¹⁵.

В начале XX в. правительство Бухарского эмирата наряду с Ташкентским реальным училищем также учредило стипендии для кадетов Ташкентского кадетского корпуса¹⁶ и слушателей Туркестанской учительской семинарии. Например, учреждённые в Ташкентском кадетском корпусе стипендии, который вёл свою деятельность в качестве военного учебного заведения Бухарского эмира, были утверждены 22 ноября 1906 г. с разрешения Российского императора. Уставной капитал данной стипендии был определён в размере 21.060 рублей¹⁷.

Первая переписка об учреждении стипендии в кадетском корпусе велась между руководством Бухарского эмирата, Российским политическим агентством в Бухаре, чиновниками дипломатического корпуса Туркестанского генерал-губернаторства и руководством Кадетского корпуса. В основном переписка была посвящена вопросам, связанным с учреждением стипендии.

Во втором пункте порядка распределения стипендии, учреждённой на основе средств Бухарского эмира в Ташкентском кадетском корпусе, указано, что обладатели стипендии должны называться «стипендианты Его Императорского Высочества Наследника Царевича»¹⁸. Кандидаты на стипендию по рекомендации командующего Туркестанского военного округа назначались сроком на три года. Это показывает, что порядок отбора резко отличался от порядка выбора кандидатов на стипендию в Ташкентском реальном училище. По этой причине количество писем, связанных с выделением стипендии для Кадетского корпуса и назначением кандидатов, сравнительно небольшое. Имеющиеся в наличии письма посвящены вопросам организации обучения на основе стипендии Бухарского эмира детей начальника полиции Бухары Н.К. Бабкина и фельдшера

¹⁵ ЦГА РУз ф.И-64, оп.1, д.2620, л.260-261.

¹⁶ 1 сентября 1900 г. согласно требованию начальника частей Туркестанского военного округа и решения Военного министра был открыт в Ташкенте в качестве второй подготовительной школы Оренбургского кадетского корпуса. А с 1 августа 1904 г. начал свою деятельность в качестве самостоятельной школы. В 1904 г. назывался корпус «Ташкентский имени наследника царевича кадетского корпуса», в 1917 г. был заново организован как Ташкентская военная гимназия. 22 июня 1918 г. был закрыт согласно решению комиссара Народного образования. См.: Путеводитель по фондам Центрального государственного исторического архива УзССР / Сост.Агафонова З.И., Халфин Н.А. – Ташкент, 1948. – С.150.

¹⁷ ЦГА РУз ф.И-2, оп.1, д.223, л.1.

¹⁸ ЦГА РУз ф.И-3, оп.1, д.257, л.71

больницы в Старой Бухаре О.И. Збровского. Это стипендиаты Лев Бабкин и Николай Збровский¹⁹.

Выплата стипендий, учреждённых в Ташкентском реальном училище, а также в Ташкентском кадетском корпусе, выполнялась на основе поступлений от средств, выделенных для данных учебных заведений из расчёта 5% годовых. Если в Ташкентском реальном училище из процентов от средств в размере 30.000 рублей выплачивали 4 стипендии, каждому по 300 рублей в год, итого 1200 рублей в год, то в Ташкентском кадетском корпусе размер средств составлял 21.060 рублей, были учреждены 2 стипендии каждая по 450 рублей в год, итого 900 рублей.

Ташкентское реальное училище деньги выделяло лично на имя ученика или прикрепленного к нему близкому родственнику. Это осуществлялось четыре раза в год – в марте, июне, сентябре и декабре. Руководство учебного заведения предоставляло стипендиату или его родственнику документ, дававший право получить соответствующую сумму (на каждого ученика 71 рубль 25 копеек), в счёт капитала стипендии эмира. Из документов было выяснено, что стипендиаты реального училища Г.Осокин, И.Дашкин, В. Мокин и В. Нелюбин получали стипендии, предоставляя документы на имя Л.Н. Осокина, А. Диваева, Л. Таранес, Мокиной и лично В. Нелюбина²⁰. Необходимо особенно отметить то, что стипендиаты эмира в Ташкентском реальном училище в отличие от стипендиатов действующего личного состава Ташкентского реального учебного заведения, обладателей стипендий имени Н.В.Скобелева и Т.И.Обухова получали денежные средства стипендии в два, а иногда и в три раза больше²¹.

В Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан был выявлен сборник писем, связанных с деятельностью слушателей в Туркестанской учительской семинарии, которые имели подданство Бухарского эмирата. Данное учебное заведение было основано в 1879 г. в Ташкенте, оно занималось подготовкой местных сотрудников и педагогических кадров для официальных учреждений и учебных заведений, которые вели свою деятельность не только на территории Туркестанского генерал-губернаторства, но и во всём Среднеазиатском регионе²².

Следует подчеркнуть, что в семинарии ученики получали образование независимо от их национальности и религиозных взглядов. Таким образом, слушатели, окончившие данное заведение, получали определённые навыки и право вести деятельность в государственных учреждениях края и в системе образования. Всё это в тот период было продиктовано политической, социальной и экономической жизнью общества, связанной прежде всего с расширением пределов Российской империи.

¹⁹ ЦГА РУз ф.И-3, оп.1, д.400, л.2.

²⁰ ЦГА РУз ф.И-3, оп.1, д.257, л.73-78., ф.И-64, оп.1, д.27575, л.39-,50..

²¹ Потому что устав стипендии, учреждённой в Ташкентском реальном учебном заведении для личного состава, составлял – 1.100 рублей, стипендии имени Т.И.Обухова – 2.700 рублей, вместе с этим устав стипендии имени Н.В. Скобелева составлял – 2500 рублей. См. ЦГА РУз ф.И-64, оп.1, д.2480, л.12-13.

²² Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1917). – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – С 146.

Источники и литература

ЦГА РУз. (Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан)
ф.И-3, оп.1, д.79, л.109-110.

ЦГА РУз.ф.И-3, оп.1, д.79, л.111.

ЦГА РУз.ф.И-47, оп.1, д.507, л.1.

ЦГА РУз.ф.И-3, оп.1, д.332, л.70.

ЦГА РУз.ф.И-3, оп.1, д.332, л.71.

ЦГА РУз.ф.И-3, оп.1, д.332, л.74.

ЦГА РУз ф.И-3, оп.1, д.258, л.138.

ЦГА РУз ф.И-64, оп.1, д.2620, л.260-261.

ЦГА РУз ф.И-2, оп.1, д.223, л.1.

ЦГА РУз ф.И-3, оп.1, д.257, л.73-78., ф.И-64, оп.1, д.27575, л.39-,50..

Агзамходжаев С. Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве // www.idmedina.ru/books/school-book/?1835

Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1917). – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Лыкошен Н.С. Поль жизни в Туркестане (очерки быта туземного населения). – Пг.: Тип Б.Д. Брукера, 1916.

Путеводитель по фондам Центрального государственного исторического архива УзССР / Сост. Агафонова З.И., Халфин Н.А. – Ташкент, 1948.

Klichev O.A. On the procedure for the appointment of nominal scholarships in the Bukharan Emirate (late XIX - early XX centuries.)

Summary. In this article the author analyzes the procedure for the selection of candidates and the conditions for the allocation of nominal scholarships of the Emir of Bukhara, who were appointed to students of Islamic madrasas and vocational schools. The basic material for steel articles archives documents of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (Central State Archive of the Republic of Uzbekistan).

Key words: madrasa, scholarship, Emir, education, student, college, exam

**ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

Т.К. Байниязова, г. Нукус

Резюме. Истоки современной каракалпакской литературы восходят к устному народному творчеству и классической литературе каракалпакского народа, а также лучшим традициям литературы Востока и Запада. В статье рассматривается вопрос о взаимосвязи литератур как одной из актуальных проблем современной литературоведческой науки. Данная проблема была разносторонне изучена каракалпакскими учеными-литературоведами, которые особо отмечают важную роль поэтического опыта родственных тюркоязычных народов в формировании и развитии национальной литературы каракалпаков.

Ключевые слова: литературные взаимосвязи, тюркоязычные народы, каракалпакское литературоведение, поэтический опыт, духовная культура

В процессе накопления поэтического опыта любая национальная литература сближается с духовной культурой других народов, вступая при этом во взаимосвязи, испытывая взаимовлияние, впитывая в себя лучшие достижения человеческой мысли.

Взаимосвязь литератур – это один из факторов, положительно влияющих на всестороннее развитие литературы и её обогащение инонациональным опытом. Данная проблема стала объектом исследования ученых-литературоведов, таких как Г.И. Ломидзе (1963), Д.С. Прокофьева (1990), М. Жолдасбеков (1990), А. Акматалиев (1991), Ф. Сулаймонова (1991) и др.

На своем историческом пути современная каракалпакская литература формировалась и развивалась на основе устного народного творчества и классической литературы каракалпакского народа, а также лучших традиций литературы Востока и Запада, и данное обстоятельство легло в основу содержания научно-исследовательских работ отечественных ученых-литературоведов.

Общие корни каракалпакской литературы с литературой других тюркоязычных народов восходят к периоду формирования каракалпаков как народности, что получило отражение как в национальной истории, так и в литературоведческой науке. С момента зарождения каракалпакского литературоведения отечественные ученые, проследивая пути развития национального искусства поэтического слова во взаимосвязи с литературой других народов, закономерно выявляли истоки отечественного фольклора и литературы.

Исторические события начала XX века послужили толчком к зарождению современной каракалпакской литературы, а затем и литературоведче-

ской науки. Если изначально в национальной литературе основное место традиционно принадлежало поэзии, то в последующем наблюдается зарождение нового явления – драматургии, а затем жанра прозы.

Зарождению и формированию каракалпакской драматургии и прозы способствовал творческий опыт татарского, русского, узбекского, казахского народов. Еще в начале исторического пути каракалпакской литературы писатель, в дальнейшем – видный представитель национальной фольклористики К. Аимбетов одним из первых выдвигает идею о творческом обучении у других народов: «русская литература – богатая литература, пользование ею – задача молодых писателей» [1]. В постижении мастерства реалистического отображения действительности каракалпакские писатели, наряду с ознакомлением с художественным творением на языке оригинала, придавали особое значение переводам. Помимо создания разнообразных по жанровой форме художественных произведений некоторые писатели занимались ещё и переводческой практикой.

Как известно, каракалпакская литература начала XX века носила синкретический характер. В литературном процессе активное участие принимают лучшие представители каракалпакского народа, в то же время занимавшиеся общественной деятельностью. Перенимая лучшие традиции братских народов и творчески внедряя новшества в национальную литературу, они способствовали дальнейшему её развитию и обогащению разнообразными жанрами. Зачинатели нового жанра – драматургии С. Мажитов и К. Ауезов, опираясь на лучшие образцы литературы братских народов, создали первые пьесы из жизни каракалпакского народа. Наряду с литературным творчеством, С. Мажитов занимался ещё и просветительской деятельностью, создав ряд учебников для национальных школ. Н. Даукараев, стоявший у истоков каракалпакской прозы, внес огромный вклад в национальную сокровищницу культуры, написав первые очерки, рассказы и повести, а также драму «Алпамыс».

Таким образом, зарождение, формирование и дальнейшее развитие современной каракалпакской литературы, а затем и национальной литературоведческой науки было вызвано велением времени.

В первых работах по изучению каракалпакской литературы указывается на её взаимосвязь с литературой родственных тюркоязычных народов. В 20-е – 30-е годы XX века публикуются первые статьи, в которых К. Ауезов, А. Бегимов, Н. Жапаков, Н. Даукараев рассматривается поэтический опыт братских народов и творчество отдельных его представителей с точки зрения развития родной каракалпакской литературы. Данная тенденция получила дальнейшее развитие в исследованиях ученых-литературоведов. Так, зачинатель каракалпакской литературоведческой науки Н. Даукараев правомерно указывает на этногенез каракалпаков, который восходит к древним тюркским племенам, позднее – к периоду Золотой Орды, а также Ногайской общности племен и родов и обращает внимание на отражение исторических событий в фольклоре и классической поэзии [Даукараев 1977: 48–78].

Поступательное движение литературного процесса способствовало появлению ряда исследований, освещающих проблемы теоретического и практического значения, в том числе статей, касающихся вопросов литературной взаимосвязи тюркоязычных народов.

В 50-х годах XX века впервые в каракалпакской литературоведческой науке М. Нурмухамедов обращается к исследованию взаимосвязи литератур в работе «О зарождении письменной литературы у полуоседлых и кочевых тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана», где учёный высказывает мнение о том, что истоки каракалпакской поэзии следует искать «в духовной жизни древних массагетов, черноклобуцких племен, кипчакского, ногайского союзов». М. Нурмухамедов считает, что решение вопроса о зарождении каракалпакской письменной литературы «правомерно будет начинать с Ногайского союза и поэтов того времени <...>. Именно в Ногайском союзе надо искать зачинателей письменной литературы каракалпакского, казахского, ногайского и других народов, чей этногенез связан с племенами, входившими в это крупное политическое объединение» [Нурмухамедов 1970: 3–15].

Проблема, поставленная М. Нурмухамедовым, заинтересовала И. Сагитова, который, опираясь на точку зрения узбекских, таджикских, киргизских, а также казахских ученых-литературоведов, предложил вопрос о времени зарождения каракалпакской письменной литературы отнести к VII–VIII векам, т.е. к первым Орхоно-Енисейским памятникам письменности тюркских племен, включив сюда же созданные немного позднее памятники письменности X–XV веков. По мнению С. Ахметова, подход И. Сагитова нельзя опровергнуть, но в то же время данная проблема требует специального исследования [Ахметов 1993:246].

Мнение М. Нурмухамедова поддерживается в докторской диссертации «Каракалпакская литература XIV–XVIII веков» (1984) К. Мамбетова, большая часть исследований которого посвящена изучению древней истории каракалпакского народа и дает представление об истоках национальной литературы, её взаимосвязи с литературными традициями Востока как в далеком прошлом, так и в настоящее время. В книге К. Мамбетова «Узбекские и каракалпакские литературные взаимосвязи» затрагиваются вопросы общности в фольклоре соседних народов, идейной близости творчества писателей и поэтов, а также мастерства художественного слова и взаимного перевода. Особо подчеркивая близкую духовную связь творческих личностей, учёный утверждает, что «литературные связи – главное звено дружбы народов» [Мамбетов 1992: 177].

Богатый исторический материал дает возможность К. Максетову осветить некоторые аспекты литературных взаимосвязей каракалпакского и русского, узбекского, казахского, таджикского, туркменского, татарского, башкирского народов, а также народов Дагестана в книге «Связи каракалпакской литературы с литературами братских народов». Данная книга изобилует ценными для сегодняшнего читателя фактами и сведениями и в целом передает возвышенный дух литературного процесса 70–80-х годов XX века [Максетов 1987].

Вопросы взаимосвязи тюркоязычных литератур были также затронуты К. Аимбетовым, Н. Жапаковым, Б. Исмаиловым, С. Ахметовым, И. Юсуповым, А. Каримовым, З. Насурлаевой и др. В годы независимости Республики Узбекистан каракалпакские ученые обращаются к более глубокому и разностороннему изучению проблемы литературных взаимосвязей, к ним также подключается молодое поколение литературоведов.

С первых дней независимости Республики Узбекистан в своей докторской диссертации «Инонациональный поэтический опыт и его роль в разви-

тии национальных литератур (на материале туркменской, узбекской и каракалпакской поэзии)» К. Курамбаев обращается к решению актуальных научных проблем на стыке литератур трёх народов – узбекского, туркменского и каракалпакского, и приходит к заключению «непрерывное условие прогресса любой национальной литературы – творческое освоение ею достижений литератур других народов вообще и художественного опыта народов сопредельных стран в особенности» [Курамбаев 1992: 66]. Начав свой путь с исследования взаимосвязей каракалпакской и узбекской литератур через изучение творчества узбекского поэта и драматурга Хамзы, К. Курамбаев и в дальнейшем занимается последовательным решением вопроса о литературной взаимосвязи живущих в тесном соседстве туркменского, узбекского и каракалпакского народов.

Молодая ветвь каракалпакского литературоведения также приступила к исследованию актуальных проблем современности в аспекте взаимосвязи литератур. Так, П. Алламбергенова (1999) на материале XIX века изучает традиции Мактымкули в каракалпакской литературе. Г. Курамбаева в книге «Миртемир и каракалпакская литературная среда» (2003) выдвигает свои взгляды относительно произведений узбекского поэта Миртемира, созданных в период его пребывания в Каракалпакстане, тогда как А. Хамидова и М. Бекбергенова ставят целью изучить созвучие каракалпакской литературы с западной литературой.

В 60-х годах XX века М. Нурмухамедов впервые в каракалпакской литературоведческой науке изучает каракалпакскую прозу через сопоставление творчества Т. Каипбергенова и Ч. Айтматова, то данное направление получает дальнейшее развитие в работах К. Камалова, С. Аллаярова, К. Худайбергенова и других ученых, обратившихся к исследованию проблемы взаимосвязи литератур. Традиции Ч. Айтматова находят все более яркое отражение в творчестве каракалпакских писателей, вследствие чего в начале 2000-х годов А. Султанов приступает к научной разработке данной проблемы. Подчеркивая: «поэтический опыт Ч. Айтматова – лиризм и романтизм, глубокий психологизм, правдивость образа героев, острая проблематика, решительность в описании конфликтов времени <...> был применен через внедрение достоверности жизни местного народа, правды конкретного исторического периода», на конкретных примерах А. Султанов доказывает, что в настоящее время мышление и духовное сознание нашего народа устремлены к сближению со всемирной цивилизацией. [Султанов 2007: 108].

В содержании научных работ каракалпакских ученых наблюдается тенденция от выявления исконной близости литературы тюркоязычных народов к конкретному изучению проявления взаимосвязей в литературе одного или нескольких народов, а также рассмотрению отражения иноязычного поэтического опыта в творчестве известных мастеров слова с охватом материала единого геополитического пространства бывшего Союза, так и периода после обретения союзными республиками государственной независимости. Вместе с тем общность территории народов, населяющих Хорезмский оазис, их близкие контакты в духовной сфере послужили фактором, обусловившим содержание большинства научных работ ученых, закономерно указывающих на проявление глубоких и разносторонних литературных взаимосвязей каракалпакских, узбеков, казахов и туркмен.

Обзор исследований по избранной нами научной проблеме дает в целом представление о сферах научного интереса каракалпакских ученых. Например, И. Сагитов ставит целью изучение литературных взаимосвязей на различных этапах истории народа, тогда как исследования К. Байниязова посвящены решению актуальных проблем литературоведческой науки во взаимосвязи родной и родственных туркменской, казахской и узбекской литератур.

В настоящее время взаимосвязь родственных народов получила дальнейшее развитие в качественно новом ключе. Проведение зарубежных научных симпозиумов и конференций дает широкие возможности ученым Каракалпакстана представлять на международном уровне свои разработки по актуальным проблемам современной литературоведческой науки. Так, ряд каракалпакских ученых участвовал в международной научной конференции «Мактумкули и духовно-культурные ценности мира» в Туркменистане (Ашгабат, 2008). Стало традицией участие отечественных литературоведов в конференциях Татарстана «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад» (Казань, 2013, 2014). Кроме этого, в научных журналах как ближнего, так и дальнего зарубежья издаются исследования наших соотечественников. Всё это способствует не только активизации литературного процесса, обмену накопленными знаниями в области литературы и литературоведения, но и сближению тюркоязычных народов, что имеет особо важное значение в деле сохранения культурного наследия отдельных наций в современных условиях интенсивной глобализации и всемирной интеграции.

Неоценима роль братских народов в формировании научного контингента Каракалпакстана. Большинство каракалпакских писателей и ученых получили необходимые знания в Москве, Ленинграде, Оренбурге, Алма-Ате, Ташкенте, Ашхабаде и других городах; некоторые из них занимались научными изысканиями, защитив позднее кандидатские и докторские диссертации под руководством видных ученых и в дальнейшем поддерживая тесную связь с корифеями науки, такими как Е.Э. Бертельс, Н. Маллаев, М. Ауезов, Г. Гулям.

С. Сейфуллин, С. Муханов, Айбек, Миртемир, Ч. Айтматов и другие крупные представители интеллигенции тюркоязычных народов участвовали в обсуждении важнейших вопросов национальной литературы и литературоведческой науки на Декадах и Неделях литературы и искусства, различных съездах писателей, встречах с представителями литературной среды Каракалпакстана, а также высказывали свои мнения по отдельным фактам литературного процесса при личных контактах с отечественными писателями и учеными-литературоведами.

Следует отметить, что, в свою очередь, научные кадры Каракалпакстана принимали деятельное участие в развитии науки и просвещения родственных народов. Например, каракалпакский ученый Н. Даукараев несколько лет преподавал в Костанайском педтехникуме, а затем – в Казахском педагогическом институте. Академик М. Нурмухамедов был членом-корреспондентом, позднее – вице-президентом Академии наук Узбекистана, выступал с докладами на международных конференциях в Бомбее, Мадраसे, Болонье, Галле, Багдаде, Стамбуле. Докторская диссертация К. Курамбаева была защищена в Ашхабаде.

Каракалпакский народ глубоко чтит память просветителя, писателя и поэта С. Мажитова, по праву считая его зачинателем литературных переводов на каракалпакский язык. Известный литератор, народный поэт Каракалпакстана и Узбекистана И. Юсупов занимался активной пропагандой творчества мастеров слова родственных народов, тем самым выполняя почетную миссию проводника лучших идей литературы родственных народов.

Имена наших соотечественников широко известны далеко за пределами Родины. Это доказывает, что ценный опыт поэтического мирозерцания и научного мышления каракалпакского народа стал достойным вкладом в мировую сокровищницу культуры.

Исходя из вышеуказанного, мы приходим к выводу, что каракалпакская литературоведческая наука с самого начала своего зарождения и формирования занималась последовательным изучением национальной литературы во взаимосвязи с литературой других тюркоязычных народов. В результате этого в каракалпакском литературоведении появились научные работы об инонациональном опыте в художественном творчестве, содержание которых пронизывает идея духовной общности родственных народов. С обретением независимости Республики Узбекистан каракалпакские ученые обращаются к решению данной проблемы в свете требований современности, особо отмечая при этом роль взаимосвязей братских народов в дальнейшем расширении горизонта национальных литератур.

Сведения о взаимосвязях каракалпаков с другими тюркоязычными народами мы также можем почерпнуть из материалов по национальной истории, языку и культуре, театральному искусству и других источников.

Как достижение научной мысли Каракалпакстана имеется ряд работ по взаимосвязи родной литературы с литературой русского, украинского, арабского, персидского и других народов, что требует всестороннего и глубокого изучения данной проблемы с целью выявления тенденций зарождения и развития национальной литературоведческой науки в аспекте эволюции теории литературы.

Литература

Даукараев 1977 – *Даукараев Н.* Очерки истории дореволюционной каракалпакской литературы. В кн.: Труды в 3-х томах. – Нукус: Каракалпакстан, 1977, т.2. – 356 с. (на каракалп. яз.)

Нурмухамедов 1970 – *Нурмухамедов М.* О зарождении письменной литературы у полуоседлых и кочевых тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана (на примере каракалпакской литературы). – Ташкент, Фан, 1970. – 16 с.

Ахметов 1993 – *Ахметов С.* Каракалпакская литературная критика. – Нукус: Каракалпакстан, 1993. – 296 с. (на каракалп. яз.)

Мамбетов 1992 – *Мамбетов К.* Узбекские и каракалпакские литературные взаимосвязи. – Нукус: Каракалпакстан, 1992. – 180 с. (на каракалп. яз.)

Максетов 1987 – *Максетов К.* Связи каракалпакской литературы с литературами братских народов. – Нукус: Каракалпакстан, 1987. – 212 с. (на каракалп. яз.).

Курамбаев 1992 – *Курамбаев К.* Инонациональный поэтический опыт и его роль в развитии национальных литератур (на материале туркменской, узбекской и каракалпакской поэзии). Автореферат ... доктора филол. наук. – Ашгабад, 1992. – 72 с. (на узбекском яз.).

Султанов 2007 – *Султанов А.* Поэтические традиции Ч. Айтматова в каракалпакской прозе. Монография. – Нукус: Билим, 2007. – 122 с. (на каракалп. яз.).

***Tazagul Bayniyazova. About studying of literary interrelations of the
Turkic peoples in the Karakalpak literature study***

Summary. In this article sources of modern Karakalpak literature go back to folklore and classical literature of the Karakalpak people, and also the best traditions of literature of the East and West. This article deals with the question of interrelation of literatures as one of actual problems of modern literary science. This problem has been studied by the Karakalpak scientists-literary studiers who especially note an important role of poetic experience of the related Turkic people in formation and development of the national literature of Karakalpaks.

Key words: literary interrelations, Turkic people, Karakalpak literature study, poetic experience, spiritual culture

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ЛЕКСИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП

М. Озшахин, г.Уфа

Резюме. В данной работе лексика башкирского языка представлена внутри ряда тематических групп, названных в классификации Э.Р.Тенишева (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М., 2003). Выборка сделана из 55 тыс. заголовочных слов в Словаре башкирского языка (I–II. – М., 1993). Исходя из предложенной классификации и полученных количественных данных сделан вывод о том, что башкирский язык обладает лексическим запасом, способным во всей полноте раскрыть взаимоотношения человека с природой и человека с человеком. Имеется потенциальная возможность для образования терминов во многих отраслях знаний.

Ключевые слова: башкирский язык, словарное богатство, тематический словарь

В течение всей жизни человек беспрестанно продолжает обогащать свой словарный запас новыми значениями начиная с окружающей древних людей природы, которая дополнялась за счет связей различных культур, наполненных своими реалиями. В этот период наименования сначала бывают отрывочными, единичными, затем они начинают отражать мировоззренческие представления узкой социальной среды, внутри которой находятся отдельные индивидуумы, затем и целого народа, и даже выплескиваются наружу в другие регионы, точно так же, как понятия и наименования у современных людей, что ведет к дальнейшему развитию. И это показывает единение данного народа с природой, и в связи с этим приобретенную им культуру. Вся история таких связей в наиболее первоначальном виде сохраняется в языке. Исследователь же в своих лексикологических наблюдениях опирается на этот чистейший источник и строит свои толкования.

Башкиры до сегодняшнего дня сохраняют свое уважение к природе. Однако в результате знакомства с мусульманской культурой, а позднее – благодаря совместному проживанию с другими народами, в их языке начинает проявляться лексическое своеобразие, свойственное именно данному народу.

Мы в этой работе пытаемся представить словарное богатство башкирского литературного языка в рамках различных тематических групп. Базой для исследования был выбран самый богатый на сегодняшний день источник – двухтомный словарь башкирского языка [Башкорт теленең һүзлеге, I–II]. Нами в рамках отдельных тем велось семантическое исследование заглавных слов, и в результате был создан башкирский тематический словарь. В нем представлено два раздела – «Анализ башкирского словарного богатства» и «Лексика башкирского языка». В данной статье речь будет идти лишь об анализе башкирского словарного богатства.

Анализ башкирского словарного богатства

1. Вселенная, Время: 1512 лексем

Внутри данной темы были рассмотрены, например, такие единицы, как *небо* и *время*. Следует сказать, что в башкирском словаре лексика, связанная со временем, занимает особое место – 161 слово соотносится с понятием времени. Кроме этого, в этом разделе можно рассмотреть и 441 слово, касающееся различных металлов и минералов. По причине того, что зимой бывает много снега, достаточное количество слов, связанных со снегом, было включено в словарь в качестве заглавных слов. По метеорологическим данным, снег выпадает в Башкортостане не раньше 12–20 сентября и лежит до 14–24 апреля, и это свидетельствует, что больше половины года человек живет здесь в контакте со снегом [Шәкүров 1997: 21]. Сюда относятся лексемы, например: *hiqa* “1. иней; 2. мягкий и готовый взлететь снег”, *hirgin* “комкообразный снег”, *hirindi* “собранный в кучу ветром снег”, *hélpe* “мягкий снег, снег из заносов”, *iraşqi* “снег, выпавший вперемежку с дождем”, *körendé* “сгребенный лопатой снег”, *kört* “толстый слой снега, плотный снег”, *kar* “снег”, *qayırsaq* “куча снега с обледенелым верхом”, *qırashaq* “мягкий снег, выпавший после промерзания почвы”, *qırpaq* “1. мелкий, влажный снег, выпавший после промерзания почвы; 2. иней в волосах”, *qıyırq* “первый выпавший снег”, *qırjaq* “смягчившийся снег на верхушках деревьев”, *qıruyaq* “мягкий снег на деревьях”, *layğı* “растаявший снег весной в верховьях гор”, *leşe ~ levşe ~ lüşe* “смягчившийся снег на верхушках деревьев”, *öröndö* “снег в виде налета, принесенного ветром”, *raşqi ~ reşe* “мягкий снег, выпавший вперемежку с дождем”, *sökört* “холмик снега, испещренный крупным и мелкими ямочками”, *şapran* “груда снега, холм, оставшийся весной”, *şıvışma* “растаявший снег, куча снега, который тает”, *yüşe* “оледеневший снег на дереве” [Özşahin 2013: 1192]. В некоторых примерах четко видно, что некоторые понятия времени тесно связаны с природными явлениями: *satlama ~ satnama ~ çatla* “трескаться, лопаться” (самый холодный период зимы), *bıva ~ bıv-* “душить, сжимать, щипать” (срез краткого времени, кратковременный период и т.д.). Из данных примеров видно, что между движением, выраженным глаголом, и временем имеется связь, и поэтому сохранились их наименования.

2. Растения: 765

Единение башкирского народа с природой, отразившееся в словарном богатстве, особенно четко проявляется в имянаречении неместных растений и де-

ревьев. Внутри данной темы можно увидеть 328 названий, данных чужим растениям, и 222 – различным деревьям. Категория чужих растений в целом образует группу, охватывающую примерно 1% всех лексических единиц. Из них 41 слово заимствовано из русского языка, 7 – из арабского и лишь 1 слово из персидского языков. Из русского языка в основном заимствованы наименования тропических растений и некоторых садовых культур, например: *agava*, *fikus*, *jénşen*, *mimoza*, *bambuk*, *gaolyan* и др.

3. Животные: 1087

Внутри темы, связанной с животными, также наблюдается преобладание понятий и названий, которые имеют отношение к неместному животному миру. В то же время, в башкирском крае, богатом речками и озерами, к примеру, 165 слов являются названиями рыб.

В разделе животных отдельную группу составляют названия домашних животных; всего – 252 лексемы. Среди них большая группа образована из названий лошадей (64 лексемы) и связанных с ним реалий.

В текстах, относящихся ко временам Второго тюркского и Уйгурского каганатов, как показала исследовавшая лексику этого периода Хатидже Ширин Узер, из 11 названий домашних животных 7 связаны с лошадьми (*adgır* “жеребец”, *ak* “белая лошадь”, *at*, *tay* “лошадь-однолетка или двухлетка”, *torug* “гнедая”, *yagız* “серая лошадь”, *yunt* “лошадь”) [User 2009: 217]. Названия лошадей зафиксированы и у Махмуда Кашгарского. Судя по нему, среди огузов название *kısırak* «яловая» имело хождение и в то время, а тюрки-хаканлы для этого значения употребляли слово *bi*. В значении же «нерожавшая кысрак» для других животных употребляли слово *kısır*, т.е. «яловая, нетельная» [Genç 1997: 333]. *Kısır* у башкир (кстати, как и у татар) является маркерным словом, наравне с *kısırak*, обозначавшим яловое, нетельное животное, среди которых второе имеет более обширное поле употребления. Однако, отмечая употребление данного слова в коневодстве с давних времен, видим, что башкиры употребляли не только его, но и другие лексемы, связанные с коневодством. Для примера можно привести обозначения особенностей животного – *alaşa*, *karta* «толстая кишка лошади», *kaşa* «мужские железы жеребца», *kikél* «волосы в налобной части лошади», *sese* «длинные волосы лошади в копытах», *teké* ~ *yabaq* ~ *yabağa* «весенняя шерсть-линька у лошади», *kéşemés* «часть ноги лошади выше таранной кости», *kışlık* «жидкость, текущая у лошади из носа» и др. Также см.: *kolán* ~ *kolokas* ~ *kolokoy* ~ *kolón* и т.д. “жеребенок, кулан”, *kolonsaq* “новорожденный жеребенок (до трех месяцев)”, *konajın* ~ *konan* ~ *konansa* “двух-трехлетняя яловая лошадь”, *taysa* “жеребенок женского пола”, *kuraq* “заводчик, животное, содержащееся в стойле” и др. Названия, данные лошади по масти и характеру, также показывают богатство лексем. Ср. по цвету, масти: *kirsey* “гнедожелтоватый”, *körensey* “коричневатый”, *küksey* ~ *kükseney* “чальный”, *kolasay* “светло-гнедой”, *yérense* ~ *yérensey* “красновато-желтый” и др. Исходя из характера даны следующие названия: *beħmet* ~ *beħmüs* “рысак”, *izév* “лошадь, не бывшая в упряжи”, *hibaysa* “верховая лошадь”, *möstek* “усталая лошадь”, *tol* “беговая лошадь”, *tolpar* “крылатый конь”, *yılkı* “грузовая лошадь” и др. У слова *yılkı* в анатолийских говорах

и в азербайджанском языке есть также и значение «стадо», что показывает сужение значения.

4. Человек: 1379

В рамках данной семантической группы обращает на себя внимание богатство наименований частей тела человека, а также та роль, которые они играют в современной истории языка в образовании различных терминов. В башкирском словарном составе выделено 431 заглавное слово, связанное с частями тела; заимствований – 56, что относительно мало. Другая проблема, которая привлекает к себе внимание – присутствие лексем, обозначающих части тела человека, в качестве ядерного слова при наименовании разных артефактов [Özşahin 2011: 196].

Кроме этого есть 613 слов, связанных с болезнями, а также имеющих отношение к медицине. Естественно, среди этих лексических единиц гораздо больший процент занимают слова, заимствованные из русского языка, в особенности слова из области медицины, имеющие латинские корни; таких заимствований из русского языка 328.

В этой категории зафиксировано 237 слов, имеющих отношение к родственным отношениям и семье. Здесь зафиксировано 18 арабских, 7 русских и 4 персидских заимствования. Присутствие арабских заимствований в наименовании семейных отношений и родственных связей в области исламской культуры понятно.

5. Материальная культура: 9549

В рамках категории материальной культура мы выделили много тематических подгрупп. Внутри 19 подгрупп констатируется наличие 1410 слов по теме «инструменты и имущество». В башкирских названиях инструментов и материалов имеется много лексических единиц, касающихся упряжи коня и охотничества, что объясняется широким распространением среди башкир коневодства и охотничества. Слова *avin*, *beremét*, *halmavır*, *hukki*, *karputkis*, *kur* и др., употребляемые в охотничестве, – продукт древней охотничьей культуры. К наименованиям упряжи относятся лексемы *allık*, *dağa*, *kıyışka*, *kolatka*, *koyoşkan*, *уарта* и др.

У башкир относительно широко распространено производство металлических сосудов, в особенности инвентаря из железа. Большое внимание к чаю в башкирской культуре проявляется и в особом именнаяречении связанной с чаем посуды; ср.: *bağırsa*, *bilay*, *boşloq*, *eleyke*, *qomaq*, *legeli*, *samavır* и др.

В то же время, например, сосуды для молочных продуктов: *evketev*, *merké*, *mışiv*, *sit* –изготавливаются из дерева (в основном из липы). Для хранения продуктов типа кумыса применяются сосуды из различных органов лошади. Дерево липа, ее кора и сучья считаются самыми ценными после железа материалами для изготовления сосудов.

Другая подгруппа – «одежда, украшения и ювелирные изделия»; здесь 689 слов. Часть из них является заимствованной из русского языка (223 слова), что свидетельствует о серьезном влиянии русской культуры на башкир. Другие

же заимствования относятся к арабскому и персидскому мирам, и в количественном отношении они относительно одинаковы: 23 арабских и 24 персидских заимствований.

Башкиры, ведущие полукочевой образ жизни, были вынуждены сами выделывать и материал для одежды, шить ее и украшать вышивками. Естественно, такое состояние отразилось в наименовании изделий ручного труда башкирских женщин; сюда можно отнести: *aşlama, balaq, beylev, börmət, buylıq, élgés, élme, inés, küžev, küžek, haplam* и др.

6. Духовная культура: 2607

Внутри темы «духовная культура» выделено четыре подгруппы: религия-верования, абстрактные термины, понятие-воля-движение-чувства, ценности-добродетельство-изъяны. В подгруппе «понятие-воля-движение-чувства» собрано 1135 слов; в последней подгруппе выявлены 816 слов. Следует подчеркнуть, что под в названиях «ценности» отмечено много лексем с положительной оценкой.

В «религии» собрано 427 слов. Конечно, среди них имеются и заимствования, для них самым выжным источником необходимо признать, несомненно, арабский язык, из которого заимствованы 217 слов. Количество же персидских заимствований по исламу – 28. В башкирском словарном составе имеются слова с новым значением, когда к иноязычному корню присоединяются тюркские суффиксы; ср.: *ažansı, bedelsé, doğalıq, doğası, dindeş, mullatay* “пожилой мулла” < *mulla+atay*. Рядом со словом *namazlık*, свойственном мусульманскому миру, в башкирском образовано новое слово *bélenlék* “namazlık” и др. Рядом с ними есть родившееся в христианском мире понятие о Деде Морозе и его дочери или помощнице, которая называется сложным словом *qarhuliv* < *qar+huliv* “снегурочка”.

В башкирском лексиконе отражено богатое культурное и понятийное наследие. Изделия народных умельцев отчетливо показывают прочную эстетическую связь между башкирами и природой. Язык также с успехом обслуживает современное технологическое производство, богат специальной терминологией. Всё это свидетельствует о лексическом богатстве башкирского языка.

Литература

Башкорт теленең һүзлеге / Словарь башкирского языка. В двух томах. I – А-М; II – Н-Я/ Авторзәр: Агишев Л.М., Бишев Ә.Ф., Зәйнуллина Г.Д., Ишмөхәмәтов З. К. Кусимова Т.Х., Ураксин З. Ф., Яруллина У.М. – М.: Русский язык, 1993.

Шәкүров – *Башкортостан*: Кыскаса энциклопедия / Баш мөхәррир: Р.З. Шәкүров. – Өфө: Башкортостан дәүләт ғилми нәшрияте, 1997.

Genç Reşat, Kaşgarlı Mahmud'a Göre XI. Yüzyılda Türk Dünyası. – Ankara: TKAЕ Yayınları, 1997.

Öner Mustafa, Başkurtça Söz Varlığı Üzerine Notlar, Cengiz Han ve Oğullarının İcraatlarının Türk Dünyasındaki Akisleri // İstanbul Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, Sabancı Müzesi, Emirgan. 7-8 Aralık. – İstanbul, 2006.

Öner M., Kaya M.Y., Özşahin M. Lehçe-i Tatarî'nin Söz Varlığı Üzerine Bir İnceleme (Altınorda ve Varisleri II: Uluslararası Konferansı (22-24 Nisan). // Ayaz Tahir Türkistan İdil-Ural Vakfı. – İstanbul, 2005.

Özşahin M. Başkurt Türkçesi Söz Varlığı, //Ege Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı Yayınlanmamış Doktora Tezi. – İzmir, 2011.

Özşahin M. Kıpçak Söz Varlığında Mevsimler. //Turkish Studies. International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Vol. 8/4. Spring – Ankara, 2013, p. 1187–1196.

User Hatice Şirin. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları // Kömen Yayınları. – Konya, 2009.

Murat Ozshahin. Vocabulary wealth of the Bashkir language in terms of themes

Summary. This work deals with the world of the Bashkir language through different thematically groups based on E.R.Tenishev's classification given in the book 'Comparative-historical grammar of Turkic languages: vocabulary' (Moscow, 2003). A new classification of 55 thousand words based on the Dictionary of the Bashkir language (vol. I and II, Moscow, 1993) has been formed. Basing on this classification and the received quantity data the following conclusion has been made: the Bashkir language has the power to reveal the relationship of people with nature as well as the relationship between people themselves. A great number of words nowadays have the potential to form new terms in different spheres of life.

Key words: the Bashkir language, vocabulary wealth, thesaurus, thesaurus of the Bashkir language.

**БОТАНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В «ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК»
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Надежда Озакдаг, г. Афьонкарахисар (Турция)

Резюме. Основная цель работы заключается в фиксации названий деревьев, кустарников, трав, ягод и т.д. в «Диване лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского и выявлении их фонетических и семантических соответствий в современном гагаузском языке. Работа не включает этимологические изыскания по выявленным ботаническим названиям.

Ключевые слова: Диван лугат ат-турк, гагаузский язык, ботанические термины

Уникальное произведение «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского можно назвать жемчужиной сокровищницы мировой языковедческой науки, фундаментом всей нынешней тюркологии. Этот гениальный труд представляет собой собрание интереснейших и тончайших наблюдений над фонетикой, грамматикой и лексикой тюркских языков, своеобразной «тюркской энциклопедией» XI в., бесценным источником сведений об общетюркской культуре, истории, фольклоре, мифологии, географии и т.д.

Знаменитый словарь тюркских языков, составленный Махмудом Кашгари в 11 в. содержит около 9200 корневых слов, собранных у более чем 20 средневековых тюркских народов. Первые подробные сведения о названиях растений в тюркских языках можно получить именно в этом словаре.

Ботаническая лексика является одним из наиболее интересных пластов словарного состава тюркских языков, включая в себя такие группы, как деревья, кустарники, травы, культурные растения и злаки, цветы и т.д. Следует отметить, что на сегодняшний день эта лексика в сопоставительном плане с современным гагаузским языком не привлекалась, поэтому будет интересным проследить сохранность древних лексем в гагаузском языке и выявить их сходения. В то же время изучение народных названий растительного мира всегда привлекало внимание филологов. Что касается тюркских языков, то данная проблематика представлена в ряде работ. Здесь можно назвать материал по реконструкции названий растений в лексическом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» под редакцией Э.Р.Тенишева, фундаментальную работу К.М. Мусаева «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» [Мусаев 1975], публикацию И. Хауеншилд «Der Mensch als Symbol und Metapher in türkischen Pflanzennamen» [Hauenschild 1994], работу А.Г. Шайхулова «Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков» [Шайхулов 1988] и др.

Материалом для нашего исследования послужили данные, извлеченные из источников следующего характера:

1) терминологические, энциклопедические, этимологические, гагаузско-русские и русско-гагаузские словари;

2) древнетюркские и средневековые письменные памятники.

Рассмотренные нами в сравнительном плане названия из растительного мира позволяют выделить в них три основных генетических пласта: 1) общетюркский; 2) собственно гагаузский; 3) заимствования.

Исследованные ботанические названия можно объединить в три группы. В первой группе даны названия растений в «Диване лугат ат-турк», совпадающие по форме и по значению растений в современном гагаузском языке. Во второй группе собраны названия растений, подвергшиеся фонетической и семантической модификации в гагаузском языке. И в третьей группе даны растения, существующие в измененном виде в гагаузском языке.

1) Ботанические названия, совпадающие как по форме, так и по значению:

alma/almıla 'elma' [DLT IV, 21]; 'apple' [EDPT, 146]; гаг. alma 'яблоко';

armut 'armut' [DLT IV, 36]; EDPT [-]; гаг. armut 'груша';

arpa 'arpa' [DLT IV, 36]; 'barley' [EDPT, 198]; гаг. arpa 'ячмень';

kabağ 'yaş iken yemeği yapılan bir sebze' [DLT IV, 242]; 'gourd, pumpkin, marrow' [EDPT, 582]; гаг. kabağ 'тыква';

üzüm 'üzüm' [DLT IV, 721]; 'grapes' [EDPT, 288]; гаг. üzüm 'виноград';

kaşık 'kaşık, kaşıklık' [DLT IV, 259]; 'reed, cane, rush' [EDPT, 628]; гаг. kaşık 'камыш, тростник'.

памук 'памук' [DLT IV, 473]; 'cotton' [EDPT, 345]; гаг. памук 'хлопок, хлопчатник';

2) Ботанические названия из «Дивана лугат-ат-турк», подвергшиеся фонетической модификации в гагаузском языке:

ađırık 'ayrık otu, cynodon dactylon' [DLT IV, 8]; ayrık [DLT IV, 55]; 'A grass with divergent creeping rhizomes; couch-grass.' [EDPT, 65]. Это трава, которую турки называют ađırık. Огузы заменили đ на й. Этот термин в гагаузском языке живёт как айрык 'пырей';

ayva 'ayva' [DLT IV, 52]; 'quince; as the name of an exotic fruit' [EDPT, 268]; гаг. ayva 'айва';

buğday/budğay 'buğday' [DLT IV, 111, 110]; 'wheat' [EDPT, 312]; гаг. buoday/booday 'пшеница';

kağun 'kavun' [DLT IV, 250]; 'melon' [EDPT, 611]; гаг. kaun 'дыня';

kađın 'kaşın ağacı' [DLT IV, 248]; 'birch tree, Betula' [EDPT, 602]; гаг. kaşın 'берёза';

kenpe 'bir ot adı' [DLT IV, 301]; 'a plant' [EDPT, 727]; гаг. kenevir 'конопля';

buturğak 'Pitrak, fıstık biçiminde çengelli bir diken' [DLT IV, 121]; 'a tree which has split and is bound round to save it from collapse; a thorn tree.' [EDPT, 309]; гаг. pıtrak 'репейник, колючка';

sarmusağ/samursağ 'sarımsak' [DLT IV, 494]; 'garlic, allium sativum' [EDPT, 853]; гаг. sarmısak 'чеснок';

soğan/soğun 'soğan' [DLT IV, 526]; 'onion' [EDPT, 812]; гаг. suan 'лук, луковичка';

sögüt / söküt 'sögüt ağacı' [DLT IV, 532]; 'willow-tree' [EDPT, 819]; гаг. süüt 'ива';

tarığ 'ekin, bitki, arpa, buğday, tane, tohum, zahire' [DLT IV, 577]; 'grain, wheat, millet' [EDPT, 538]; гаг. darı 'пшело';

turma 'turp' [DLT IV, 657]; 'radish' [EDPT, 549]; гаг. trup 'редиска, редька';

yorınça / yorınçğa ‘yonca’ [DLT IV, 803]; ‘clover’ [EDPT, 971]; гаг. yonca ‘клевер’;

yuñ / yuñ ‘yün, yün sümeği, pamuk’ [DLT IV, 825]; ‘wool; cotton’ [EDPT, 941]; гаг. ün ‘тонкая шерсть’;

kümürken/kümürgen ‘dağ soğanı’ [DLT IV, 397]/ kewürken, [DLT IV, 309]; küwürken /küwürgen [DLT IV, 403]; ‘wild onion’ [EDPT, 691]; гаг. kömüren ‘дикий чеснок’;

yaruşgak ‘dikenli bir ot, pıtrak.’ [DLT IV, 746]; ‘a spinous plant, with burs like hazel nuts, which stick to the tails of horses’ [EDPT, 881]. гаг. yarışkan ‘осот’;

burçaq ‘burçak’ [DLT IV, 117]; ‘beans, beads of sweat’ [EDPT, 357]; гаг. борчак ‘горох’.

3) Ботанические названия в «Диване лугат ат-турк», совпадающие по форме с гагаузскими, в последнем имеют другое значение:

añduz ‘andız, bu otun kökü çıkarılarak atın karnı ağrıdığı zaman tedavi edilir.’ [DLT IV, 26]; ‘a medicinal shrub, ‘elecampane [Inula helenium]’ [EDPT, 180]; гаг. andız ‘кустарник, роца’;

çim ‘ayrık otu.’ [DLT IV, 153]; ‘turf, peat’ [EDPT, 421]; гаг. çim ‘дёрн, молодая зелень’;

tirek ‘kavak’ [DLT IV, 625]; ‘the poplar tree’ [EDPT, 543]; гаг. direk ‘столб, опора’;

tit ‘dağda biten çam fistiği ağacı’ [DLT IV, 619]; ‘larch tree which grows in the mountains’ [EDPT, 449]; гаг. dut ‘тутовник, шелковица’;

erük ‘şeftali, kayısı, erik gibi meyvelere verilen genel ad’ [DLT IV, 193], ‘stone fruit’ [EDPT, 222]; ‘общее название для персиков, абрикосов и слив, их различают по прилагательным. Так, персики называют tülüg erük, абрикосы — sağğ арук, сливы — кара erük.’; гаг. erik ‘слива’;

4) Некоторые растения, представленные в Диване, в гагаузском языке имеют иное наименование:

aluç ‘şeftali’ [DLT IV, 22]; ‘a fruit, probably the fruit of the Crataegus azarolus, Neapolitan medlar’ [EDPT, 128]; гаг. şefteli ‘персик’;

aşlıq ‘buğday’ [DLT IV, 43]; ‘food, provisions; cereals’ [EDPT, 261]; гаг. buuday/booday ‘пшеница’;

bitrik ‘fıstık’ [DLT IV, 97]/ şekirtük ‘fıstık’ [DLT IV, 557]; ‘no doubt the basic meaning is pistachio nut’ [EDPT, 307]; гаг. fistaşki ‘фисташка’;

bulğuna ‘ılgın ağacına benzer gevrek, kırmızı bir ağaçtır, develer yer’ [DLT IV, 115];/ malğuna ‘ılgın ağacına benzer bir ağaç’ [DLT IV, 406]; /yılğın ‘İlgın, ılgın ağacı, tamariska.’ [DLT IV, 783]; ‘a red, pliant tree the shape of a tamarisk eaten by camels’ [EDPT, 338]; гаг. katina ‘тамарике’;

büsteli ‘kara pazı denen sebze.’ [DLT IV, 126]/ püstüli ‘kara pazı denilen, yenilen bir ot.’ [DLT IV, 476]; ‘edible orach or mountain spinach, Atriplex hortensis’ [EDPT, 372]; гаг. lobada ‘лебеда’;

bütüğe ‘patlıcan’ [DLT IV, 127]; ‘egg-plant’ [EDPT, 304]; гаг. mor patlacan ‘баклажан’;

işğun/ uşğun/ kuşğun ‘Farsçası ‘aşhun’ olan bitki, poy otu’ [DLT IV, 221, 701, 387]; ‘sorrel, rhubarb’ [EDPT, 259]; гаг. labada ‘щавель’;

kumlaқ ‘Kırçak illerinde yetişir, yaprağı fasulye yaprağına benzer sarmaşık gibi bir ot’ [DLT IV, 377]; ‘hop plant, humulus lupulus’ [EDPT, 628]; гаг. şerbet otu ‘хмель’;

kürt 'kayın ağacı, bundan yay, kamçı, değnek gibi şeyler yapılır' [DLT IV, 401]; 'a kind of tree, he mountain birch, *Betula alba*' [EDPT, 738]; гаг. kayın 'берёза';
 süt ötrüm 'mercimeğe benzer, ishal veren bir ot.' [DLT IV, 554]; EDPT [-]; гаг. sütlen 'молочай';
 sarıg turma 'havuç' [DLT IV, 491]; 'yellow radish' [EDPT, 549]; гаг. morkva 'морковь';
 kıçı 'hardal' [DLT IV, 311]; 'mustard' [EDPT, 590]; гаг. ardal/hardal 'сурепка, сурепица';
 murç 'karabiber' [DLT IV, 415]; 'pepper' [EDPT, 771]; гаг. kara biber 'черный перец';
 toğrak 'kavak ağacı' [DLT IV, 632]; *populus euphratica*; 'poplar' [EDPT, 472]; гаг. kavak 'тополь';
 geşür/gezer/gizri 'havuç' [DLT IV, 211]; 'carrot' [EDPT, 754]; гаг. morkva 'морковь';
 tirek 'kavak' [DLT IV, 625]; 'the poplar tree' [EDPT, 543]; гаг. kavak 'тополь', kara kavak 'чёрный тополь, осоколь';
 yörgenç 'ağaçlara sarılıp onları kurutan bir çeşit bitki, sarmaşık' [DLT IV, 805]; 'bindweed, *Convolvulus arvensis*' [EDPT, 965]/ çeңlik 'sarmaşık otu' [DLT IV, 141]; 'bindweed, *Dolichos lablab*' [EDPT, 426]/ mandar 'ağaçlara sarılan bir bitki, sarmaşık' [DLT IV, 406]; plant which wraps itself round trees and often causes their death; it is ivy' [EDPT, 767]; гаг. sarmaşık 'плющ';
 yandağ tiken 'geven dikenі' [DLT IV, 741]; 'camel-thorn' [EDPT, 947]. гаг. genger 'чертополох';
 уарқан/уавқан 'yavşan otu' [DLT IV, 744]; 'wormwood' [EDPT, 872]; гаг. pelin 'полынь';
 zargunçmud 'bir çeşit güzel kokulu ot, fesleğen базилик' [DLT IV, 828]; 'the wild tamarisk; a kind of basil; *Basilicum glabratum*' [EDPT, 989]. гаг. feslen 'базилик огородный'.

5) В «Диване» некоторые ботанические названия даются без подробного толкования; например, как '... одно растение', '...одна трава', '...одно дерево', или указывается только цвет, съедобность растения и т.п., или же по его описанию сложно определить соответствующее ему название в гагаузском языке; особенно, если имеется несколько видов этого растения. Так, приведенные Махмудом Кашгарским названия yörgenç 'ağaçlara sarılıp onları kurutan bir çeşit bitki, sarmaşık', çeңlik 'sarmaşık otu' и mandar 'ağaçlara sarılan bir bitki, sarmaşık', определенно указывают на разновидности плюща, однако по этим трем названиям сложно определить ботанический вид растения.

amşuy 'Bir çeşit sarı erik' [DLT IV, 8]; 'a kind of plum, yellow' [EDPT, 164]; 'вид жёлтой сливы';

atğak 'Sarı renkte bir bitki' [DLT IV, 48]; 'a plant with yellow flowers' [EDPT, 47] 'растение желтого цвета';

қарғақ тармақ 'Bir çeşit bitki' [DLT IV, 268]; 'crow's foot' [EDPT, 549] 'вид травы';

süzgün 'Rengi kara, dikenli bir dağ ağacı' [DLT IV, 554]; 'a kind of mountain tree with black thorns' [EDPT, 862] 'горное колючее дерево, черного цвета';

iñliç 'Kebapla yenir, sarımsağa benzer bir dağ otu' [DLT IV, 233]; 'mountain plant like garlic, eaten with roast meat' [EDPT, 185] 'горная трава похожая на чеснок, едят с кебабом';

uğlı ‘Kaşgar’da yetişen ve yenen beyaz ve tatlı bir havuç’ [DLT IV, 687]; ‘parsnip; it is a white sweet-flavoured root vegetable grown in the city of Kashgar and eaten’ [EDPT, 84] ‘сладкий белый морковь, растущий в Кашкаре, съедобный’;

yoldurğa/yoldruğa ‘Kılıç gibi uzunca bir bitki’ [DLT IV, 799]; ‘a thistle, that is a plant which grows tall as if it was a sword’ [EDPT, 924] ‘трава, по длине похожая на саблю’ и др.

В качестве итога проведенного исследования можно сказать, что большинство названий деревьев, растений, трав и ягод в современном гагаузском языке являются общетюркскими и частично сохраняются в современном языке. Ботаническая лексика в своем развитии обогащалась и иноязычными словами.

Глубокое исследование гагаузской терминологии всего растительного мира несомненно внесет большой вклад как в историческую лексикологию гагаузского языка, так и других тюркских языков.

Литература

Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С.135-192.

Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М., 1975.

Севортян Э.В. и др. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974–2003.

Сравнительный словарь тюркских диалектов I-II [Karşılaştırmalı Türk Lehçeleri Sözlüğü I – II] Kültür Bakanlığı Yayınları / 1371, Анкара, 1991.

Тенишев Э.Р. – Отв. ред. / Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М., 2001.

Шайхулов А.Г. Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. – Казань, 1988. – С. 107-114.

DLT – *Atalay B.* Divanü Lügat-it-Türk Tercümesi. C. IV, TDK Yayınları: 521, Ankara, 1999.

EDPT– *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth Century Turkish. – Oxford, 1972.

Hauenschild I. Botanica im “Divan lugat at turk” // Journal of Turkology, Volume 2, Number 1, Molnar & Kelemen Oriental Publishers, Hungary, 1994 – С. 25-100.

Ozakdag Nadezhda. Botanic terms in Dīwān Lughāt al-Turk and their correspondences in the Gagauz language

Summary. The article aims at collecting names for trees, bushes, grasses, berries, etc. in the work of Mahmud Kashgari "Dīwān Lughāt al-Turk" and at establishing their phonetical and semantic correspondences in the modern Gagauz language without their etymological analysis.

Key words: Dīwān Lughāt al-Turk, Gagauz language, botanical terms

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ТУРЦИИ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ СИМПОЗИУМЫ
В ТУРЦИИ**

Ш.Х. Акалын, г. Анкара

Резюме. В статье дается краткий обзор истории турецкой лексикографии. Автор характеризует работу третьего Международного семинара по тюркской лексикографии, организованного университетом Османгази (3-4 ноября 2016 г., г. Эскишехир).

Ключевые слова: лексикография, история, тип словаря, семинар

Тюркская лексикография, история которой насчитывает около тысячи лет, началась с «*Diwan lugat at-turk*» – знаменитого словаря, подготовленного Махмудом Кашгари в XI в. Созданный с целью обучить тюркскому языку арабов и продемонстрировать функциональную близость тюркского и арабского языков, этот словарь является поистине произведением искусства, включающее языковые образцы многих средневековых тюркских языков и диалектов и представляющее важную информацию относительно тюркских племенных объединений, существовавших тысячу лет назад.

Созданный в Хорезме примерно через шестьдесят лет после «*Дивана тюркских языков*» труд «*Muqadimmat al-adab*» преследует цель представить лексику арабского и персидского языков, этот словарь был полезен тем, кто хотел изучать арабский язык. Словарь принадлежит авторству Замахшари – ученому, который, ведя свою родословную от хорезмийцев, занимает видное место в арабской традиции составления словарей. Данный труд содержит также интересный языковой материал, отражающий состояние тюркского языка Хорезма.

Представляющий собой компиляцию языковых примеров и образцов устного творчества куманов, народности, проживавшей в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа, памятник «*Codex Cumanicus*» предположительно был создан в конце XIII в. Первый раздел этого труда, в котором языковой материал представлен на латинице, включает в себя словарь кыпчакского языка и грамматические правила. Этот раздел, в котором приводятся латинские соответствия персидских и кыпчакских слов, в тюркологической литературе принято называть итальянским, поскольку есть предположение о том, что он был составлен миссионерами-итальянцами.

Помимо этих первых словарей, следует отметить рукопись «*Bahshayish Lugat*», предположительно созданную в X в., и двуязычные арабо-персидские и арабо-тюркские словари. «*Lahcat al-lugat*», созданный Мехмедом Эсадом Эфенди в XVIII в., является первым словарем, в котором турец-

ким лексическим единицам даются их арабские или персидские соответствия.

В то же время в XVIII в. начинают создаваться монолингвальные толковые словари турецкого языка. Джеймсу У. Редхаусу принадлежат работы «Muntahabat Turkiyu» (1842) и «Muntahabat Lugat Osmaniyya» (1852), которые включают лексические единицы преимущественно арабского, частично персидского происхождения, с небольшим дополнением слов собственно тюркского происхождения.

В последней четверти XIX в. начинают появляться словари османско-турецкого языка, включающие в себя турецкие, арабские и персидские слова, а также слова, заимствованные из таких языков, как итальянский, греческий и французский. Первый пример такого словаря – труд Ахмеда Вефика Паши «Lehçe-i osmanî» (1876). Труд Сами Фрашери «Kamus-ı türki» (1900) является значимой вехой в истории развития турецкой лексикографии с точки зрения названия, лексической базы и принципов составления. До этой работы в название словарей обычно входило слово «османский», этот же труд, названный «Турецким словарем», заложил основу создания турецких словарей на многие годы вперед.

Заслуживает внимание тот факт, что в этот период создателями словарей выступали преимущественно поэты, писатели, драматурги, переводчики и издатели. Например, Ахмед Вефик Паша был государственным деятелем, переводчиком и драматургом.

Сами Фрашери – автор первого в турецкой литературе современного романа «Тааşşuk-ı Talat ve Fitnat» («Любовь Талата и Фитнат»). «Lugat-i Naci» был составлен поэтом Муаллимом Наджи. Издатель и писатель Эбуззия Тевфик Бей явился создателем «Lugat-i Ebuzziya». Эта был тот период развития турецкой лексикографии, когда словари готовились поэтами, писателями и издателями, хотя все они и не были лингвистами.

С момента организации Турецкого лингвистического общества (ТЛО), лексикографические изыскания в Турции приобрели институциональный характер. Идея создания турецкого словаря обсуждалась на Первом совете по вопросам турецкого языка в 1932 г. во дворце Долмабахче. По решению административного совета ТЛО подготовка «Türkçe Sözlük» («Словаря турецкого языка») была поручена Хасану Решиду Танкуту, главе лингвистического отдела, и Али Джанипу Йонтему, главе отдела лексикографии и филологии ТЛО. Однако некоторое время спустя Али Джаним Йонтем по состоянию здоровья не смог продолжить работу над словарем, и по решению административного совета ТЛО эта задача была поручена доктору Мехмеду Али Агакаю, главе отдела публикаций. Здесь следует отметить, что Агакай был по специальности терапевтом, а не лингвистом или лексикографом. Помимо первого издания, завершено в 1945 г., под руководством Мехмета Али Агака было подготовлено три последующих издания «Словаря», вышедших в свет соответственно в 1955, 1959 и 1966 гг. Начиная с пятого издания, опубликованного в 1969 г., и до последнего одиннадцатого издания, вышедшего в свет в 2011 г., все издания «Türkçe Sözlük» готовились специальными советами, в состав которых входили лингвисты и специалисты по турецкому языку.

В этот период, когда прикладная лексикография, развиваемая усилиями ТЛО, демонстрировала серьезные успехи, исследования по теоретической и прикладной лексикографии на базе университетов, к сожалению, находились в забвении. Несмотря на то что в рамках университетских курсов преподавались

такие дисциплины, как «Турецкая лексикография» и схожие с ней, эти учебные дисциплины в основном были сфокусированы не на принципах лексикографии и методах составления словарей, а представляли собой введение в историю составления турецких словарей с анализом представленной в них лексики и языковой характеристики этих словарей.

Разработка теоретических основ непосредственно лексикографии в Турции долгое время оставалась на уровне частных инициатив отдельных исследователей. Впервые Центр теоретической и прикладной лексикографии был создан в Анкаре при университете Хаджеттепе Шюкрю Халюком Акалыном в 2014 г., и с тех пор исследования по лексикографии стали проводиться институционально.

Центр теоретической и прикладной лексикографии при университете Хаджеттепе организовал в 2015 г. международный симпозиум «Исследования по турецкой лексикографии», а в 2016 г. также международный семинар по случаю 90-летия Тюркологического конгресса в Баку в 1926 г..

В 2015 г. при университете Османгази в Эскишехире был основан Центр теоретической и прикладной лексикографии. Эти два центра теперь проводят научные изыскания в сфере лексикографии. Центр при университете Хаджеттепе возглавляет Шюкрю Халюк Акалын, Центр при университете Османгази в Эскишехире – Эрдоган Боз.

Научные встречи, посвященные вопросам турецкой лексикографии, проходят в различных форматах. Первым мероприятием, посвященным вопросам турецкой лексикографии, стал «Международный лексикографический симпозиум», организованный в 2014 г. университетом Сакарья. Эту традицию поддержало в 2015 г. отделение лингвистики филологического факультета Стамбульского университета. Третий симпозиум – что уже позволяет говорить об устоявшейся традиции проведения подобных научных встреч – был организован 3–4 ноября 2016 г. Центром научной и прикладной лексикографии при университете Османгази в Эскишехире.

3 ноября 2016 г. директор Центра Эрдоган Бог, вице-председатель ТЛО Биляль Чакалды и президент университета Османгази Хасан Гёнен обратились к участникам с приветственным словом. Приглашенный на симпозиум Хеннинг Бергенхольц, работающий в Центре лексикографии в Бизнес-школе Ааргус в Дании, представил свой доклад под названием «Информационные инструменты для широкого круга пользователей и для специалистов». В своей презентации Бергенхольц сфокусировал внимание на типах лексикографии и лексикографических подходах и всесторонне рассмотрел практические и теоретические изыскания в этой области.

Симпозиум проходил одновременно в трех залах, в ходе восемнадцати сессий его участники представили восемьдесят семь презентаций. Сессии были названы в честь выдающихся личностей тюркской лексикографии, таких как Махмуд Кашгари, Замахшари, Абу Хайян, Мютерджим Асым, Мехмед Эсад, Ахмед Вефик Паша, Сами Фрашери.

Основной темой этого симпозиума стала лексикографическая терминология, которой было посвящено много презентаций:

А.Д. Хут, Н.С. Башкан (Турция) «Прикладное изучение турецкой лексики, заимствованной из французского языка посредством социальной сети Инстаграм, сквозь призму лексикографической терминологии».

Э. Боз, Ф. Бозкурт, Ф. Догру (Турция) «Корпусное исследование терминов турецкой лексикографии».

Э. Бзхалава (Грузия) «Функция имен-концептов, заимствованных турецким языком из других языков».

Ф.Э. Оздемир, А.Б. Оздемир (Турция) «Опыт создания базы данных турецкой лексикографической терминологии».

Г. Дурмушоглу, В.Й. Гюмюш, Й. Озтюрк, Х. Серпиль, Г. Эрен (Турция) «Лексикография и институциональная стандартизация терминология: о приспособлении турецко-английской терминологической базы в университете Анадолу».

М. Аксан, Й. Аксан (Турция) «Турецкая репрезентация общих терминов: лексикография и корпусная лингвистика».

Ш.Х. Акалын (Турция) «К вопросу о терминах в словарях разного типа для детей дошкольного и школьного возраста и их типах».

Также я особо хотел бы выделить следующие интересные презентации, представленные на симпозиуме:

А. Баубек (Румыния) «Лексикографические исследования турецкого языка в румынской тюркологии».

А. Колукыса (Турция) «Исследования полисемии в японско-турецких словарях (обращаясь к турецкому корпусу текстов)».

Б. Озкан (Турция) «Исследования в сфере корпусной лингвистики ‘Сделай это сам’ применительно к турецкому языку и использование лексикологического модуля».

Г. Мукеррем (Грузия) «Исследование идиом турецко-грузинского словаря в Грузии».

К.Б. Станек (Польша) «Необходимость создания когнитивного определения, основанного на взаимосвязи между языком и культурой на примере слова ‘кошка’».

Л. Джанари (Албания) «Словари и лингвистические исследования албанских ученых относительно туркизмов в албанском языке».

О. Ахмед (Македония) «Применение турецких компьютерных исследований в сфере корпусной лингвистики для решения лексикографических задач».

Н. Байрактар-Эртен (Турция) «Предикат ‘çik-’ в свете полисемии и фразеологических единиц».

С. Куманлы (Турция) «К вопросу о лексикографических методах в “Лугат-и тюрки-араби-фариси”».

В. Пидвойний (Украина) «Типология турецко-украинских специализированных словарей».

Следует также отметить, что на симпозиуме были представлены презентации, темы которых не были непосредственно связаны с лексикографией. В связи с этим нас критиковали за то, что по терминологии было сделано меньшее количество презентаций, чем ожидалось, а также за то, что к участию были допущены те докладчики, презентации которых могли быть представлены на любой тюркологической научной встрече – кроме тех, проблематика которых была непосредственно связана с означенной темой симпозиума. В то же время в некоторых докладах использовались спорные методы исследования, такие как представление малого количества обсуждаемых примеров словарных статей или критика самого словаря в целом. Более того, некоторые докладчики критиковали словари, даже не затрагивая основную тему исследования. В последующих симпозиумах по лексикографии эти недочеты будут приняты во внимание, и презентации, проблематика которых не соответствуют основной теме и подтемам симпозиума, не будут включаться в его программу.

С материалами симпозиума, включающими в себя аннотацию представленных докладов на турецком и английском языках, можно ознакомиться, пройдя по ссылке:

<http://sozluksempozyumu.ogu.edu.tr/Storage/SozlukSempozyumu/Uploads/bildiri-ozet-kitapçığı.pdf> .

Я бы хотел выразить свою глубокую признательность специалистам и офисному персоналу Центра научной и прикладной лексикографии при университете Османгази в Эскишехире, и в первую очередь его директору Эрдогану Бозу, за прекрасную организацию этого двухдневного симпозиума – поистине научного праздника турецкой лексикографии.

Şükriü Halûk Akalin. Lexicography studies in Turkey and international lexicography symposiums in Turkey

Summery. In article is given the short review of history of the Turkish lexicography. The author characterizes work of the Third International Lexicography Symposium, which was organized by Eskişehir Osmangazi University Lexicography Research and Application Center (3-4 November 2016).

Key words: lexicography, history, dictionary type, seminar

**СОХРАНЕНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, ФОЛЬКЛОРА,
ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

А.С. Сарсамбекова, г. Тюмень

В тюменском издательстве «Печатник» вышел в свет сборник, в котором представлены материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения»¹. Такая конференция ежегодно проводится в Тюменском государственном университете при финансовой поддержке Правительства Тюменской области (Губернатор В.В. Якушев) и Комитета по делам национальностей Тюменской области (председатель Е.М. Воробьев). Статьи опубликованы на русском, татарском, казахском, башкирском, чувашском языках.

Несмотря на то что конференция заявлена как Всероссийская, ее необходимо признать международной, поскольку в сборнике представлены результаты полевых исследований не только российских, но и зарубежных исследователей. Статьи, включенные в сборник, поделены на 4 тематических раздела – языкознание, история, литература, педагогика. Наряду с этим, заслуживают отдельного внимания и приложения к сборнику, которые состоят из двух самостоятельных частей. Первое приложение, подготовленное Х.Ч. Алишиной, называется «Указатель опубликованных статей в сборниках материалов «Сулеймановские чтения» с 1990 по 2015 гг.», посвященное 25-летию общественного движения сибирских татар. Данный указатель является очень хорошим методологическим подспорьем для работы исследователя, поскольку может служить отправной точкой для проведения изыскательских работ по тюркским народам России. Второе приложение, подготовленное Х.Ю. Миннегуловым, называется «Казанская тюркологическая школа (Библиографические сведения о 12 ведущих казанско-татарских тюркологах)». Автором была проделана скрупулезная работа по подготовке данных об известных ученых-тюркологах.

Первый раздел материалов «Сулеймановские чтения» – «Языкознание» содержит статьи, посвященные истории формирования, развитию и современному состоянию тюркских языков. Особого внимания заслуживает статья Х.Ч. Алишиной «Академик Диляра Тумашева известна в научном мире как специалист по языку сибирских татар». Данная статья полезна не только филологам, но и этнографам, историкам, поскольку в ней приводится интересный материал по этногенезу и этнической истории сибирских татар. Например, утверждение автора об изначальной языковой общности сибирских та-

¹ Сулеймановские чтения (девятнадцатые): Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием «Сохранение татарского языка, фольклора, традиций и обычаев в современных условиях» (Тюмень, 20 мая 2016) : Труды и материалы / Под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Х.Ч. Алишиной/. – Тюмень: Печатник, 2016. – 342 с.

тар и казахов является новым ракурсом изучения этнических процессов в период Средневековья на территории Западной Сибири. Далее в статье проводится анализ работ Д.Г. Тумашевой «Татарские диалекты Западной Сибири» (Тюмень)», «Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам», автором оценивается вклад ученого не только в лингвистику, но и в этнологию, поскольку введенный Д.Г. Тумашевой в научный оборот материал является ценным для изучения этногенеза и этнической истории тюркских народов Западной Сибири.

Несомненно, будут интересными для читателя статьи о межэтническом взаимодействии народов на территории Евразийского пространства, которое было изучено путем выявления и анализа заимствований в современных языках, исследования общей лексики в лексической системе, этнопонимов (Р.А. Бекиров и В.В. Попенака «Арабские заимствования в русском языке»; А.А. Исакова «Языковые контакты русских и татар [на материале «Словаря диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой]»; Р.Ш. Исмагилова «Семантика обрядовых слов, связанных с рождением ребенка у тюменских татар»; Г.Н. Ниязова «Лексика материальной культуры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар в «Словаре диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой»; М.Р. Саттарова и Г.Ф. Имамова «Лексические особенности татарского и чувашского языков»; Р.М. Саяфи и Х.В. Султанбаева «Персидские заимствования в разноструктурных языках на примере татарского и армянского языков»; Д.Б. Рамазанова «Себер ареалы татар диалектларындагы татар-монгол янәшәлекләре»; М.Г. Усманова «Этнопонимы исторического Башкортостана [на примере этнонима *кыпсак* “кыпчак”]»).

Второй раздел – «Литературоведение», включает в себя несколько тематических блоков. Например, ряд статей посвящен биографиям тюркских писателей и их вкладу в сокровищницу мировой литературы, также исследователями были изучены образы, представленные в их творчестве (Р.М. Алиев «О многогранном творческом наследии М.А. Хубиева»; А.М. Муртазалиев «Своеобразие литературного наследия Кадиржана Кафлы»; У. Мустафаев, Т.Б. Усеинов «Мемет Ниязийнинъ иждадында ветан севги мевзусы»; М. Набигулаева «Литературная и общественная деятельность Гамзата Цадасы в годы войны»; Л.В. Челтыгмашева «Первый хакасский романист Н. Доможаков (к 100-летию юбилею писателя)»; Ш.Э. Юнусов «Проблема художественной интерпретации исторических фактов в романе Нузета Умерова «Бейбарс – султан Египта»; Г.Р. Юсупова «Шәүкәт Гаделшәнең “Урманнарға кабам” шигыренә анализ»).

Следующий блок состоит из полевых исследований авторов, изучивших народный фольклор. Ряд статей посвящен исследованиям роли фольклора в духовной культуре, в обрядах календарного и жизненного циклов (Л.А. Ниязова и Б.С. Ниязова «Пословицы и поговорки сибирских татар»; Ю.Н. Елезарова и М.Р. Саттарова «Село-Чура авыл жирлегенең бәйрәм һәм йолаларында жырларның роле»). Представлен анализ образа и образной системы крымско-татарской ашыкской поэзии Т.Б. Усеинов «Крымскотатарская ашыкская поэзия. Образ и образная система»).

Также интересны исследования, рассматривающие анимистические и тотемические верования тюрков Евразии (А.Р. Фәхрутдинова «Су анасы образының жанр үзенчәлеге»; Ф.А. Исхакова «Образ волка в башкирском народном творчестве»; Е.В. Федотова «Народные повествования об огненном змее ВЁРЕ СЪЛЕН чувашей юга Тюменской области [по материалам

экспедиции 2006 г.]»; Г.С. Ханова «САК-СУК бэйете варианттары хақында [БашДУ-ның фольклор кабинетында һақланған материалдар буйынса]»; Г.В. Юлдыбаева «XXI быуат башкорт фольклорында САК-СУК бэйете»).

Наряду с этим, авторами было уделено внимание и современным направлениям, считающимися актуальными в европейской науке (Л.А. Меметова «Проблема женской эмансипации в крымскотатарском поэтическом контексте периода пробуждения»). Наконец, в научный оборот введен относящийся к началу XX в. полевой материал участника Первой мировой войны (Е.В. Федотова «Неизвестная чувашская традиционная рекрутская песня времен первой мировой войны»).

Третий раздел – «История», состоит из нескольких тематических блоков: этногенез, этническая история и этнокультурные процессы сибирских татар; история Сибирского ханства; автобиографии выдающихся деятелей; процессы в духовной культуре тюркских народов Евразии.

Данный раздел начинается со статьи Р.И. Айтбаевой «История села Ембаево. Нигматулла хаджи. Автобиография». На наш взгляд, это очень хороший материал с этнологической точки зрения. История села Ембаево (тат. *Манжел*) реально демонстрирует, насколько сложен был процесс этногенеза сибирских татар. Особенно важно то, что сохранен авторский стиль, создается впечатление, что не читаешь статью, а словно берешь интервью у старожилы села, поэтому данная работа может выступать не только в качестве литературного источника, но и этнографического (полевой материал). Эта статья Р.И. Айтбаевой является первой из ряда статей, в основу которых положен исключительно полевой материал.

Далее идет большая серия статей этнокультурного содержания: (А.Д. Падукова, А.Т. Агджоян, Д.О. Долинина, М.Б. Лавряшина, М.А. Кузнецова, Р.А. Схалыхо, О.А. Балаганская, М.В. Ульянова, З.А. Тычинских, О.П. Балановский, Е.В. Балановская «Многообразие и своеобразие генофонда сибирских татар»; М.Р. Зазулина «Этносоциальное развитие сибирских татар Тюменской области: общие тенденции и локальные вариации»; З.А. Тычинских «Параллели в традиционной культуре заболотных и барабинских татар»; А.В. Чичулин, К.А. Сомов и С.В. Сомова «Из истории погребальных обрядов сибирских татар в XIX– начале XXI вв.»; Л.Х. Фаизова «О работе по сохранению и развитию татарской культуры в условиях сельской местности (на примере Тобольского района)»; Ю.У. Сафаралеева «Из истории развития ислама у сибирских татар»; Г.С. Хисаметдинова «Об исламском просвещении в Тюменском регионе в конце XX-начале XXI в.»).

Считаем необходимым отметить статью Д.М. Исхакова «К вопросу о концепциях этнического становления сибирских татар», в которой автор констатирует, что существующие современные подходы относительно этногенеза сибирских татар не раскрывают данный вопрос, поэтому в настоящее время назрела необходимость нового исследования.

История Сибирского ханства и служилых татар были рассмотрены в статьях Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина «Приход шибанидов к власти в Искере в 1563 году: значение в истории и историографии Сибирского ханства» и Я.Г. Солодкина «Маитмас Ачекматов (к истории служилых татар Тюмени конца XVI–первой трети XVII вв.

Тематический блок, в котором рассматриваются автобиографии выдающихся деятелей, включает в себя следующие статьи: Р.Т. Айтбаева «Пе-

дагогическая династия Кармановых»; Х.Ч. Алишина «Художница с мировым именем Альфея Мухаметова»; Р.В. Шайдуллин «Тагиров Индус Ризакович – ученый и общественный деятель»; Р.С. Кутумова «Айтмухаметов Тухтасын-хаджи Сафаралеевич (1845-1915)»; К.С. Садыков «Еще раз о сподвижнике Мусы Джалиля Салиме Аникине и его товарищах». На общем фоне выделяется работа С.М. Кучаровой «Дневник военных лет Мирхата Шарапова», которая интересна и тем, что может рассматриваться и как источник, поскольку в научный оборот включён полевой материал с сохранением авторского стиля;

Духовная культура тюркских народов Евразии представлена статьей Н.И. Захаровой «О чувашской свадебной нарядке *Туй Ҷитти*» и А.С. Сарсамбековой, С.К. Ботбайбековой и Е.С. Сарсамбековым «Қазіргі таңдағы ордалар тарапынан берілетін баталар».

Четвертый раздел – «Педагогика», является эмпирическим и включает статьи педагогов-практиков. В данном разделе, на наш взгляд, необходимо выделить несколько тематических блоков. Например, ряд статей посвящен биографиям выдающихся педагогов (Ф.Г. Ялалов «Грани многомерного таланта академика М.И. Махмутова»; А.Ш. Валишина «Проблемное обучение в современном образовании (по творчеству М.И. Махмутова)»; Р.А. Яруллина «Флера Сагитовна Сайфулина (к 50-летию юбилею ученого, педагога, профессора)»; Р.М. Кильметова и А.Р. Файзуллина «Родное имя – душа народа»).

Следующий тематический блок содержит эмпирический материал, рассматривающий роль и значение этнокультурного компонента в современном образовании (Х.Х. Кирамова «Этнокультуралы мәктәп шартларында. Себер-татар әдипләренең ижатын өйрәнү»; Н.И. Айнитдинова «Из опыта работы учителей школы с этнокультурным компонентом»; А.В. Мостафина «Хәтерләүдән курыкма син, үткәнәңне онытма син»; Г.Х. Муллачанова «Система работы районного методического объединения учителей родного (татарского) языка и литературы Тюменского муниципального района»; Г.Х. Муллачанова «Организация творческой работы по изучению этнокультурного (татарского) компонента для разновозрастной группы на интегративной основе»; Ф.М. Сафарова «Туган телгә мэхәббәт туган жирдән башлана»; Н.И. Пачежерцев «Детский центр «Этнос» как модель по формированию идеи дружбы народов среди детей»; М.Х. Рахимова «Реализация этнокультурного компонента в учебно-воспитательном процессе начальных классов»; З.М. Калгаманова «СМИ – важнейший фактор формирования мировоззрения детей»; Т.М. Тимканова «Якуб Зәнкиевның тәрбияви ролен дәрәсләрдә куллану (Икмәк – изге нәрсә)».

Наконец, представлены статьи, которые, на наш взгляд, отражают состояние этнопедагогике на современном этапе (А.С. Халилова «Стихи Джалиля – свидетели его борьбы и мужества»; В.Р. Масымова «Изучение творчества Мусы Джалиля во внеурочной деятельности»; А.И. Ваганова «Онытмадык... Мәңге онытмабыз алар батырлыгы турында!»; Н.М. Валиева «Использование музейной педагогики для приобщения к национальной культуре»; Р.Г. Гадиев «О преподавании татарского народного искусства»; И.И. Дружин и Э.Ф. Кадырова «Игры наших бабушек и дедушек»; Г.Х. Ташкеева «Особенности гендерного воспитания детей у сибирских татар: исторический аспект»; Ф.Б. Гарифуллин «Основы религиозной культуры и светской этики [из истории медресе «Белем» в Тюмени в 1990^е годы]»; З.М. Макуло-

ва и Г.Ш. Бикшанова «История названия деревни Карбаны Ярковского района Тюменской области»).

Сборник вышел под эгидой Российского комитета тюркологов ОИФН РАН. Членами редакционной коллегии являются такие известные и авторитетные тюркологи Российской Федерации, как А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Д.М. Насилов, Р.Р. Замалетдинов, Х.Ю. Миннегулов, К.М. Миннулли, А.М. Меметов (Республика Крым, Симферополь); А.В. Толстикова (Тюмень), З.А. Тычинских (Тобольск).

В качестве заключения считаем необходимым отметить, что ценность данного сборника очень высока, поскольку здесь представлен свежий исследовательский материал на различные темы, есть также и полевой материал, который можно использовать как источник. Данный труд имеет высокую практическую и теоретическую значимость. Он адресуется преподавателям высших учебных заведений, учителям, аспирантам и студентам.

В качестве пожелания необходимо отметить, что материалы «Сулеймановских чтений» необходимо включать в базы Scopus и WebofScience для увеличения читательской аудитории и знакомства ученых с работами исследователей стран СНГ.

**О ПОСТРОЕНИИ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ
С АРАБО-ПЕРСИДСКИМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ
В НЕКОТОРЫХ КАЗАХСКИХ СЛОВАРЯХ**

Хусейн Кахраман Мутлу (г. Афьонкарахисар)

Резюме. В казахском языке имеется относительно большое количество заимствованных арабо-персидских лексических единиц. Очень важна форма передачи этих заимствований в словарях в качестве заглавных слов: необходимо, чтобы в подаче материала был применен унифицированный подход. Это положение относится не только к арабо-персидским заимствованиям, но и к другим иноязычным заимствованиям.

Различия алфавитов казахского, арабского и персидского языков вызывает затруднения в графическом оформлении заглавных слов. Эти затруднения чаще всего обнаруживаются в передаче арабских и персидских слов. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо для этих целей разработать особый алфавит на основе кириллицы или латиницы.

Ключевые слова: алфавит, арабский, персидский, казахский, словарь, слово, транскрипция, пояснение

Словарь является одним из основных справочных источников, откуда можно почерпнуть знания о написании, произношении, происхождении и значениях слова в каком-либо из языков. Словари могут быть одноязычными и многоязычными. В данной работе объектами исследования взяты толковый и переводные словари типа казахско-казахский, казахско-русский, казахско-турецкий и казахско-монгольский.

Первым словарем, где речь шла о казахском языке, был русско-казахский словарь, изданный в 1774 г. и названный «Словарем Скалона». Он был продублирован Генрихом Юлиусом Клапротом в его французско-казахском словаре, увидевшем свет в 1825 г. Словарь, который представлен во второй части подготовленной в 1861 г. Николаем Ивановичем Ильминским «Русской грамматики для киргизских (казахских) детей», а также словарь к текстам в учебнике Ибрая Алтынсарина, вышедшем в 1879 г., являются совершенно другими трудами [Bauniyazov, Bauniyazova 2014: 87].

После них в 1883 г. Эшмухамметом Бакиным был издан русско-казахский и казахско-русский словарь, а в 1897 г. напечатан казахско-русский словарь Василия Владимировича Катаринского. Более обширный русско-казахский словарь был подготовлен и издан в 1954 г. под редакцией Сауранбаева [Bauniyazov, Bauniyazova 2014: 87].

В данной статье будут рассмотрены формы подачи в некоторых словарях арабо-персидских заимствований в качестве заглавных слов. Исследова-

ние будет строится на базе восьми лексических единиц (*арман, дәрмен, дерт, кітап, кітапхана, мұғалім, мемлекет, нан*), которые, на наш взгляд, довольно часто употребляются в казахском языке. В конце исследования представим модель, где будет предлагаться построение статьи с арабо-персидскими заимствованиями в казахских словарях.

Построение словарных статей в любом словаре считается самым важным при характеристике этого словаря. В рассмотренных словарях, если даже и нет единства в оформлении статей с арабо-персидскими заимствованными словами, ясно виднеются некоторые общие требования для написания этих лексем и подачи иллюстративного материала.

1). Построение статей со словами *арман, дәрмен, дерт, кітап, кітапхана, мұғалім, мемлекет* и *нан* в 16-ти томном «Словаре казахского литературного языка» («Қазақ әдеби тілінің сөздігі»), написанном по типу «казахско-казахский».

АРМАН [ир. ارمان] зат. *Көксеген мақсат, тілек, қиял*. Тоқсанға жасым келген соң өлім жақын көрінді. Бар *а р м а н ы м* айтайын. Батырларша жорықта өлмедім октан қайтейін! (*Ақтам-берді жырау*) [ҚӘТС I/629];

ДӘРМЕН [ир. درمان] зат. 1. *күш-қуат, шама*. – Ата, Қазақтың жолын бірден артық білесіз ғой. Сізге ескерткенім болмаса, ақыл айтар *д ә р м е н* де бар ма – *деп* тілмар жігіт жыпылдата сөйлейді (*С. Бегалин, Уақыт*), [ҚӘТС. IV/573];

ДЕРТ [ир. درد] зат. *Ауру, індет, кесел*. Әлжан еңтігін басып, әңгімесін алғады. – Қорықпа, жеңеше үйреншікті *д е р т* кой, – деді (*Ә. Сараев, Тосқауыл*), [ҚӘТС IV/650];

КІТАП [ар. كتاب] зат. 1. *Мерзімсіз баспасөз басылымы көркем әдеби қоғамдық саяси, ғылыми-практикалық мазмұндағы туынды*. Өйткені оның әрбір тасы үлкен тарих айнасы, сырлы сандық, жұмбақ, қаттап-қаттап қойған қалын *к і т а п т а р* іспетті (*Н. Баяндин, Ата Мекен*), [ҚӘТС VIII/656];

КІТАПХАНА [ар. + ир. كتابخانه] зат. *Баспа өнімдерін пайдалану ісін ұйымдастырып, оқырмандарға мәнени ағарту және ғылыми бағытта көмек көрсететін мекеме*. Қазақстанның *к і т а п х а н а л а р ы н а н* көптеген әдебиеттің шығармаларын табуға болады (*Ғ. Мүсірепов*), [ҚӘТС VIII/659];

МҰҒАЛІМ [ар. معلم] зат. *Мектепте басқа да кейбір орта оқу орындарында оқушыларға сабақ беретін оқытушы ұстаз, маман*. *М ұ ғ а л і м* Ыбырайдың сөзін ұғып қалды, қалдырмай қай орынға алып барды (*О. Шипин, Дастан*), [ҚӘТС XI/323];

МЕМЛЕКЕТ [ар. مملكة] зат. 1. *Белгілі бір аумаққа иелік етіп сол жердегі халықтың еркін дамуына мүмкіндік беретін, қоғам табиғатынан туындайтын ортақ істерді атқаруға қажетті басқарудың жоғары дәрежеде ұйымдасқан жүйесі, саяси билік ұйымы*. *М е м л е к е т т і*ң қоғам өміріне тікелей және жанама әсер ететін ерекше органдары болады («*Егемен Қазақстан*»), [ҚӘТС XI/179];

НАН [ир. نان] зат. 1. *Бидай ұнына ашытқы салып, су қосып илеген қамыр*. Ұн әкеп, қол батырып тағы *н а н ғ а*, Түрің жоқ ренжірге, шағынарға (*Ж.Жайықбаев, Ләйле*), [ҚӘТС XI/478].

2) Построение словарной статьи с этими же словами в словаре «Арабско-персидские заимствования в современном казахском языке» («Қазіргі қазақ тіліндегі арап-парсы кірме сөздері»), написанном по типу «казахско-русский» словарь:

АРМАН п. [ارمان *арман*: 1. желание, стремление, чаяние; 2. сожаление, раскаяние; печаль; 3. заветная мечта, греза; неисполненное желание] – 1. *заветная мечта, цель*. Болдым ғашық, туған дала мен саған, Алыс жүрсем, арманым сен аңсаған (*Қ.А.*); 2. *сожаление, печаль*. Қартайдық, қайғы ойладық, ұлғайды арман, шошимын кейінгі жас балалардан (*Абай*), [ҚҚТАР 31];

ДӘРМЕН п. [درمان *дәрман*: 1. лекарство, сндобье; 2. лечение] – *сила, мочь, возможность*. Ауру байғұс ағашқа шығуға дәрмені жоқ жерде құлады да, созылып өлген кісі болды да жатты (*Ы. А.*), [ҚҚТАР 90];

ДЕРТ п. [درد *дәрд*: 1. боль, недуг, болезнь, страдание; мука, мучение; 2. скорбь, печаль; 3. сочувствие – 1. *болезнь, недуг*. Көңілің суын ішсең ашыдады, дененде бар дертіңді қашырады (*Ы. А.*), [ҚҚТАР 93];

КІТАП а. [کتاب *кітаб*: 1. книга; 2. письмо; послание, грамота] – *книга*. Кітапты тастай беріп, шегеде ілулі тұрған сия мен қауырсын қаламын алды (*Б.М.*), [ҚҚТАР. 147];

КІТАПХАНА а. п. [خانه *хане*: дом, жилище کتابخانه *кітабхане*: библиотека] – *библиотека*. Алматының боз тұман жамылған бұлыңғырсылау күндерінің бірі еді. Екеуі кітапханадан қайтты («Қаз. әдеб.»), [ҚҚТАР 147];

МЕМЛЕКЕТ а. [مملکت *мәмләкәт*: империя; государство; царство] – *государство*. СССР бұдан былай да блогтарға қосылмаған мемлекеттердің агрессия мен гегемонизм күрестеріне қарсы, туындаған даулы мәселелер... (*КПСС съезінің материалдары*), [ҚҚТАР 195];

МҰҒАЛІМ а. [معلم *муғаллим*: 1. обучающий; 2. учитель; 3. мастер; 4. хозяин] – *учитель, педагог*. Мен мұғалім болған кезде, Торсом үйінің саяси салмағы да ел ішінде азайған екен (*С. М.*), [ҚҚТАР. 199];

В данном словаре заглавное слово представлено заглавными буквами и выделено черным цветом (т.е. применен жирный шпифт), источник же представлен в виде сокращения строчными буквами. Затем в квадратных скобках указано арабское или персидское написание в оригинале и курсивом представлено чтение на этих языках, после по очередности даны значения слов. После закрытия квадратной скобки значения слова повторно записаны курсивом, затем же приведено иллюстративное предложение (или предложения) из литературных источников. Сокращение источника взятого предложения дано в скобках курсивом.

3) Построение словарной статьи в «Персидско-казахском толковом словаре» («Парсыша-қазақша түсіндірме сөздік»), построенном по типу «казахский-казахский» словарь:

ارمان *арман*, арман 1. Тілек, мақсат, ықылас, 2. Өкініш, офық; қайғы, уайым. Білімнен күшті құрал жоқ. Адам жақсыны арман етсе, өмірде бәрі жақсы болады (*М. Горьки*). [ПҚТС 18];

درمان *дәрман*, дәрмен 1. Дәрі, дауа, шара, ем. 2. Қуам, әл. Бардың ісі пәрменмен, жоқтың ісі дәрменмен. (*Мақал*). [ПҚТС 105];

درد *дәрт* дерт 1. Ауру, сырқат, науқас азап, Мұң, қасірет, қайғы, уайым. Әліф дек ай йүзіңе ғибрат еттім, Би бәлай, дертіңе нисбат еттім (*Абай*), [ПҚТС 105];

کتابخانه (а-п) *китабханә* кітапхана (китаб+ханә, кітап+хана). Кітап сақтайтын жай. Ұлы ақындар мекен еткен Ғырат, Ғазна, Бағдаттың сарайларына, кітапханаларына әкетеді (*М. Әуезов*), [ПҚТС 170];

نان нан нан. 1. Қамырдан пісірілетін тағам, 2. Құнды қорек. Еңбектің наны тәтті, жалқаудың жаны тәтті (*Мақал*), [ПҚТС 215].

В данном словаре авторы придерживались алфавитного порядка, собственного персидскому языку. Затем жирными буквами указали произношение в персидском и форму написания в казахском языке. После пояснения по порядку значений, приведены иллюстративные предложения, где искомое заглавное слово выделено жирным шрифтом. Основное различие данного словаря от других это – написание заглавного слова по-персидски.

4) Заглавные слова в «Казахско-монгольском словаре» («Қазақша-моңғолша сөздік»), как и указано в названии, даны по «казахско-монгольскому» типу:

АРМАН I хүсэл, мөрөөдөл. орындалған ~ биелэгдсэн хүсэл;ына жету хүсэл нь биелэгдэх, санасандаа хүрэх. [ҚМС 31];

ДӨРМЕН бяр, тэнхээ, хүч, чадал. ~ і жоқ бяргүй, чадалгүй; ♦ күш қазандай қайнайды, күресуге дәрмен жоқ ам бардан бөх, хүч нь амандза хүсэл нь аврагад, үг нь үнэг гүйцдэг, үйлс нь мэлхий гүйцэгдэггүй. [ҚМС 89];

ДЕРТ 1. өвчин, өвчин зовлон, өвчин эмгэг; ~ тию өвчин тусах; ~ ұлғаю өвчин нь үгдрэх; 2. ш. у. зовлон, гүниг, уйтгар; куандырсын ~ ін жаз баярлуулж уйтгары минь тайл. [ҚМС 90];

КІТАП ном. ~ оқу ном унших; ~ түптеу ном үдэх; ~ түптеуші ном үдэгч. [ҚМС 168];

КІТАПХАНА номын сан. [ҚМС 168];

МЕМЛЕКЕТ улс. ~ тер арасында улсуудын хооронд [ҚМС 218].

МҰҒАЛИМ бағш [ҚМС 221];

НАН талх; ~ пісіру талх барих, талх хийх; ~ кесу талх жүсэх; ~ ның ашытқысы талхны хөрөнгө; ~ жеу талх идэх. [ҚМС. 226].

В словаре, заглавные слова даны также заглавными буквами и жирным шрифтом, затем указаны монгольские значения. В иллюстративном материале заглавное слово заменено тильдой. В конце помещены монгольские соответствия иллюстративных материалов.

5) Подача заглавных слов в «Казахско-турецком словаре» («Қазақша-түрікше сөздік») осуществлено по типу «казахский-турецкий» словарь:

АРМАН (*arman*) *зат. ұр.* Nayal, arzu, emel, ülkü, maksat. [ҚТС 50];

ДӨРМЕН (*därmen*) *зат. ұр.* Derman, güç, mecal. [ҚТС122];

ДЕРТ (*dert*) *зат. ұр.* 1. Dert, hastalık. 2. ауыс. Aksilik, inatçılık. 3. ауыс. Kaugı, dert, gam. ҚТС 125];

КІТАП, -бы (*kitap, -bı*) *зат. ар.* Kitap. *кітап білу* а) Kur'an okumak. б) Kur'an üstüne yemin etmek. [ҚТС. 265];

КІТАПХАНА (*kitaphana*) *зат. ар. ұр.* Kütüphane, kitaplık. [ҚТС 265];

МҰҒАЛИМ (*muğalim*) *зат. ар.* Muallim, öğretmen. *мұғалімдер бөлмесі* öğretmenler odası [ҚТС 385].

МЕМЛЕКЕТ (*memleket*) *зат. ар.* Memleket, devlet. [ҚТС 377]

НАН (*nan*) *зат. ұр.* 1. Екмек. *нан атсын (ұрсын)* Ekmek çarpsın. 2. Namur. [ҚТС 396].

И в казахско-турецком словаре, как и в привезенных других словарях, заглавное слово передано заглавными буквами и выделено жирным шрифтом. В отличие от других лексикографических пособий, здесь произношение казахских слов дано в скобках по-казахски латинскими буквами. Затем грамматические пояснения даны в виде сокращений.

Подведем итоги. Если в словаре будет оформляться словарная статья, содержащее в качестве заглавного арабское или персидское слово, то данное слово обязательно должно быть написано буквами действующего алфавита, затем оно должно быть продублировано графикой на базе кириллицы или латиницы..

В некоторых словарях указано оригинальное написание слова, относящегося к конкретному языку, в то же время в других словарях такое написание отсутствует. Если это слово является заимствованным, обязательно должны быть указаны оригинальное написание на языке, откуда оно взято, и его произношение. Особенности слов, например, долгота гласных звуков в арабском и персидском в словах типа *ārmān*, *dermān*, *kitāb*, *nān*, должны найти отражение и в словаре.

Как обычно, в словарях заглавное слово пишется заглавными буквами и выделяется жирным шрифтом. Источник заимствования в сокращениях для арабского языка рекомендуется указать в виде *a.* или *ar.*, для персидского же – *p.* или *ip.*

В представленных словарях наблюдается разноречивость и в подаче иллюстративного материала, и заглавных слов, которые присутствуют в составе иллюстративных предложений или группы слов. В написании этих иллюстративных материалов применен то курсив, то прямой шрифт. С целью выделения слов внутри этих иллюстративных материалов употреблены то курсив в разбивку, то выделение цветом.

Литература

Bayniyazov A., Bayniyazova J. Kazakistan'da Kıpçak Sözlükleri ve XVIII–XX. Yüzyıllar Arası Sözlük Çalışmaları, Bilig Dergisi, Güz 2014, Sayı: 71. – Ankara 2015, s. 81-92.

Базылхан Б. Қазақша-Монғолша Сөздік, Монғол Халық Республикасы, Ғылым Академиясының Тіл мен Әдебиет Институты. – Ұланбатыр 1977.

Коç К., Bayniyazov A., Bayniyazova J. Қазақша-Түрікше Сөздік / Kazak Türkçesi-Türkiye Türkçesi Sözlüğü, Akçağ Yayınları. – Ankara 2003.

Қазақ Әдеби Тілінің Сөздігі – Онбес Томдық; Құраст. Т. Жанұзақ, С. Омарбеков, Ә. Жүнісбеков; Қазақстан Республикасы Мәдениет Министрілі Тіл Комитеті. – Алматы 2011.

Рүстемов Л. Қазіргі Қазақ Тіліндегі Араб-Парсы Кірме Сөздері, Ғылым Бас. – Алматы 1982.

Оңдасынов Н.; Парысша-Қазақша Түсіндірме Сөздік, Білім Бас. – Алматы 2003.

- ҚӘТС – Қазақ әдеби тілінің сөздігі
ҚҚТАР – Қазіргі қазақ тіліндегі араб-парсы кірме сөздері
ҚМС – Қазақша-монғолша сөздік
ҚТС – Қазақша-түрікше сөздік
ПҚТС – Парысша-қазақша түсіндірме сөздік

***H.K. Mutlu. About construction of an entry with the Arabo-Persian loans
in some Kazakh dictionaries***

Summary. In the Kazakh language there is a relatively large number of words borrowed from the Arabic and Persian languages. Therefore, representation of these words in dictionaries in the form of entry words is very important. In this aspect, it is essential to have some unified approach to representation of material in dictionaries related to the Kazakh language. It refers not only to borrowings from the Arab and Persian languages, but also to words borrowed from other languages.

There are also difficulties related to alphabets of Kazakh, Arabic and Persian languages. The existing difference in this sphere from time to time causes some difficulties in the form of entry words in dictionaries. Such difficulties refer to graphical representation of Arabic and Persian words. Therefore, we consider that a special alphabet should be developed because of Cyrillic and Latin alphabets.

Key words: alphabet, Arabic, Persian, Kazakh, dictionary, words, transcription, explanation

АННОТАЦИИ

Yusuf Has Hacib. Kutadgu Bilig. 3 cild: Viyana Nüshası. Fergana Nüshası. Kahire Nüshası. – Ankara: Türk Dil Kurumu / Türk Dil Kurumu Yayınları: 1163/ A-B-C, 2015.

Среди важных историко-литературных произведений, созданных в средневековье, «Кутадгу билиг» («Наука быть счастливым»), которое Йусуф Хас Хаджиб начал писать в Баласагуне и в 1069-1070 гг. завершил в Кашгаре, занимает особое место. Это стихотворное произведение по праву считается первым великим произведением тюркской литературы со всех точек зрения. Оно было преподнесено в дар правителю Западного уйгурско-караханского государства Тавгач Бугра Карахану Абу Али бин Хасан Арслану. Судьба произведения была не такой простой, оно то забывалось, то вновь входило в активное употребление.

Известно, что до наших дней дошло 3 списка «Кутадгу билиг». Один – в уйгурской графике и два – в арабской. Естественно, они несколько отличаются друг от друга, так как не являются копиями какого-либо одного списка. Если даже посмотреть на количество бейтов, их в Наманганской (Ферганско-Наманганской) рукописи 6107 (переписана в начале XIII в. арабскими буквами, начало и окончание отсутствуют), в Каирской (Египетской) – 5800 (написана также арабскими буквами, относится примерно к середине XIV в., так как была подготовлена для Гыйззетдина Ай-Демир Девалдара) и в Гератской (хранится в Вене) – 5971 (переписана уйгурскими буквами в 1474 г. с какой-то арабграфичной копии, была привезена из Токата для уйгурского писаря в Туркестанской канцелярии Шейхзаде Абдурразака Бахши).

Имеется ряд исследований разной направленности и разного достоинства, и во многих из них те или иные особенности памятника рассматривались как бы на основе единого, критического текста, скомпонованного из трех списков. О недостатке такого подхода в тюркологии говорилось много. В 1942-43 гг. Турецкое Лингвистическое общество (Турецкая Республика) издало факсимиле всех трех списков отдельными книгами, в 1986 г. такое же издание было выполнено и в Урумчи (Синьцзянский автономный округ КНР). И вот, наконец, в 2015 г. Турецкое Лингвистическое общество вновь подготовило, но уже более качественно и учитывая все новшества в книгопечатном деле, новое издание.

На наш взгляд, издание выполнено прекрасно, даже в виде подарочного издания, каждый список представляет собой отдельную книгу (значит, в блоке 3 книги), разного цвета. Во внешнем оформлении – картонная обложка, сделанная под старину (как бы из бычьей кожи с тисненной орнаментацией), все надписи и рамка выполнены под золото, обрезанные части также окрашены под золотой цвет, корешок имеет рельефные выпуклости, как в старых книгах, тесьма, применяемая меж-

ду страницами также подобрана под общий тон книги. Внутри – цветные фотопроизведения, где общая тональность снимков сделана как бы «под старину», снимки четкие, пагинация страниц указана лишь на левой странице и соответствует пагинации, что в самих списках, в колонтитуле указаны строфы, – и всё сделано оформительно эстетично, надеюсь, будет удобно для исследователей.

Во всех книгах имеется Вступление, Введение и некоторые добавочные сведения. Отношение к ним может быть весьма двояким, если, например, в книге о Венском списке есть в Приложении раздел «Публикации», где дана насыщенная и краткая информация о факсимильных изданиях и о некоторых публикациях уйгурографического текста. Во Введении же к книге о Каирском арабографическом списке, автором которого выступает проф. др. Зюхал Олмез, имеются рассуждения о языке текстов, о перебое графофоном в списках, здесь употреблен весьма сомнительный термин «Хорезмский тюркский язык» (имеется в виду литературный язык), на котором, оказывается, написаны и «Кысас-уль Анбия», «Нахдж-уль Фарадис», «Коран терджумаси»; данные рассуждения, на наш взгляд, выбиваются из общей канвы. К сожалению, ни в одной из трех книг нет сведений о публикациях по данной теме в Советском Союзе, а затем и в Российской Федерации и в других самостоятельных тюркских республиках. А это украсило бы издание.

В целом же, турецкие коллеги подготовили прекрасное издание, надо их с этим поздравить, и остается надеяться, что тюркологи исследователи активно будут пользоваться этими факсимильными источниками.

Ф.С. Хакимзянов

X X
X

GÜNER Galip. Kuman Bilmeceleri Üzerine Notlar [Заметки о куманских загадках]. – İstanbul: Kesit Yayınları, 2016. – 168 s.

«Кодекс Куманикус», который, как предполагают, был написан в конце XIII – начале XIV вв. христианскими миссионерами или торговцами, отражает особенности тюркского языка, переданного латинскими буквами. «Кодекс Куманикус» состоит из двух частей. Первая часть содержит словарь и грамматику, написанные итальянскими торговцами с целью облегчения торговых отношений. Эту часть иногда называют и итальянским Кодексом. Вторую же часть называют немецким Кодексом, т.к. он написан по-немецки. В данной части помещены такие материалы культуроведческого характера, как молитвы, загадки и пословицы. Здесь можно увидеть образцы самых древних тюркских загадок. Памятник письменности «Кодекс куманикус» в свое время был исследован такими тюркологами, как Клапрот, Куун, Банг-Кауп, Грэнбек, Джафероглу, Титце, Дрымба, Гаркавец и т.д. В Турции данный памятник был изучен Дж. Демирджи, Акартюрком Караханом, Мустафой Аргуншахом и Галипом Гюнером с различных точек зрения. Теперь опубликовано новое исследование Г. Гюнера под названием «Kuman Bilmeceleri Üzerine Notlar» («Заметки о куманских загадках»).

Его работа состоит из Предисловия, Введения, заметок о куманских загадках, факсимиле (60а-60б), транслитерации и транскрипции текстов загадок, списка Источников. В Предисловии (7–9) даны основные сведения о памятнике и о его содержании.

Загадки, помещенные в «Кодексе» как с точки зрения их структуры, так и с точки зрения содержания являются базовым материалом для многих загадок в тюркском мире (с. 14). После того как во Введении (с. 11–16) даны сведения об основах и главных особенностях загадок, перечислены исследования по данной теме. Исследования предыдущих авторов, в особенности фундаментальная работа А. Титце «The Koman Riddles and Turic Folklore», а также изданные в 2015 г. под названием «Codex Cumanicus» совместные разыскания Г. Гюнера с М. Аргуншахом послужили базой, на которой строилась рассматриваемая нами работа. Кроме всего, автор указывает во Введении (с.16) и те источники, с авторами которых он ведет научную полемику в части чтения текстов.

Раздел, который озаглавлен «Заметки о куманских загадках» (с.17–150), представляет собой основную исследовательскую часть работы. Здесь помещены и исследованы 47 загадок. Приведем пример:

4. İtip itip irgalmas,
İçindegi çayhalmas.

Ol uru.

‘Толкай, толкай, не качнется
Не пошатнется.

Это – амбар для пшеницы’ (с. 29).

21. Kökçe ulaḥım kögende semirir.

Ol ḥu[v]un

‘Зеленый мой козленок на длинной веревке жиреет.

Это – дыня’.

Когда текст и значение исследуемой загадки не вызывает сомнений, приводится лишь мнение автора, а в других же случаях, в которых есть спорные моменты, приведены и высказывания других исследователей. Для загадок, имеющих несколько вариантов чтения, на суд читателя представлены все имеющиеся варианты.

После серьезного и детального исследования 47 загадок следует часть «Факсимиле» (с. 151–153), здесь читателю представлены копии анекдотов, имеющих в Кодексе.

В разделе «Транслитерация и транскрипция загадок» (с.154–162) под номерами и столбиком даны тексты загадок в транслитерации и транскрипции, собранные на с. 60а–60б «Кодекса Куманикуса», Напримр:

60а

1. tap tap tamızık tamadırgan tamızık kolægæfi ba[...]

tap tap tamızık tama durgan tamızık kölegesini ba[r] (s.157).

4. kök jibekî çırmadım ol kınadır

Kök yibekini çırmadım. Ol kınadır (s.157).

Источники же, использованные в ходе исследования, нашли отражение в части «Источники» (с. 163–168).

На наш взгляд, данное издание, которое является итогом исследования текстов самых старых тюркских загадок, не пройдет мимо внимания тюркологов. Остается лишь пожелать дальнейших успехов его автору.

Гюлиах Йылмаз

PERSONALIA

МИРАС ХАМЗОВИЧ ИДЕЛЬБАЕВ (К 70-летию ученого)

9 декабря 2015 г. доктору филологических наук, профессору кафедры башкирской литературы, фольклора и культуры ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа), чл.-корр. Российской академии естествознания Мирасу Хамзовичу Идельбаеву исполнилось 70 лет.

М.Х. Идельбаев родился в 1945 г. в дер. Ишбирды Баймакского района Башкирской АССР. Окончив в 1963 г. школу-интернат № 1 г. Уфы, поступил учиться на филологический факультет Башкирского гос. ун-та им. 40-летия Октября (БашГУ). В 1964–1967 гг. служил в рядах пограничных войск КГБ СССР. После окончания вуза в 1971 г. работал собственным корреспондентом Башкирского радио по Зауральской зоне, заведующим отделом Сибайского горкома ВЛКСМ, редактором отдела «Учитель Башкортостана». В 1974–1977 гг. учился в аспирантуре Башкирского филиала АН СССР (ныне – Уфимский научный центр РАН) и до 1984 г. работал младшим и старшим научным сотрудником отдела литературы Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы БФ АН. С 1984 г. работает в Башкирском гос. ун-те. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Башкирская литература второй половины XVIII века и творчество Салавата Юлаева»; в 2001 г. – докторскую диссертацию «Изустная литература в системе башкирской словесности».

За время работы в БашГУ М.Х. Идельбаев разработал и вел курсы «История башкирской литературы», «Введение в литературоведение», «Теория литературы», «Методика преподавания башкирской литературы», ряд спецкурсов; руководил выполнением курсовых, преддипломных и дипломных работ и педагогической практикой студентов по башкирскому языку и литературе. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации и получили утверждение ВАК РФ 3 соискателя. Студенты, магистранты и аспиранты уважают его за профессионализм, высокую требовательность и справедливость. В 2006 г. М.Х. Идельбаев победил в общеуниверситетском конкурсе «Человек года БашГУ» в номинации «Лучший преподаватель го-

да»; в 2012 г. по результатам анкетирования среди студентов признан лучшим преподавателем факультета.

Мирас Хамзович успешно сочетает педагогическую деятельность с научными исследованиями. Основные направления его научной деятельности – древние и средневековые общетюркские и башкирские литературные памятники, современная башкирская литература и теория литературы, башкирская авторская изустная поэзия, методика преподавания литературы. Имеет более 550 научных публикаций в республиканских, российских и зарубежных изданиях.

Свыше 60 из них – монографии, учебники, учебные пособия и программы для вузов и школ (40 – в соавторстве); в том числе – монографии «Изустная литература в зеркале истории» (Уфа, 1999), «Башкирская изустная литература» (Уфа, 2000), «Башкирская литература XVIII века и творчество Салавата Юлаева» (Уфа, 2004), «Завещание из древности» (Уфа, 2007), «Авторская изустная поэзия в системе художественной словесности: на материале башкирской литературы» (Германия, 2013), «Уроки литературы в школе» (Уфа, 2013), вузовские учебники и учебные пособия «Башкирская изустная литература» (Уфа, 2007), «Башкирская литература XIV – XIX вв.», «Методика преподавания башкирской литературы» (Уфа, 1988; Уфа, 2007), «Методика преподавания литературы» (Уфа, 2011), «Методические рекомендации для учителей литературы: 5 кл.» (Уфа, 2013; в соавторстве), учебник-хрестоматия «Слушай меня, народ»: импровизации йырау и сэсэнов XIV–XX вв.» (Уфа, 2013).

Идельбаев М. Х. – один из авторов 6-и томной «Истории башкирской литературы» (Уфа, 1990; на русск. яз. – Уфа, 2012); энциклопедии «Салават Юлаев» (Уфа, 2004), 4-х томной «Истории литературы Урала» (Екатеринбург, 2012), 7-и томной «Истории башкирского народа» (Уфа, 2013), школьных учебников с многократными обновленными переизданиями – «Родная литература» (5, 6 классы), «Книга для внеклассного чтения» (5, 6 классы), «Башкортостан, родная земля» (5, 6 классы татарских школ РБ), «Живые родники: история, литература и культура Башкортостана» (1-2 и 3-4 классы небашкирских школ РБ), то же – для 1-2 и 3-4 классов татарских школ РБ. Им разработаны электронные учебники «Методика преподавания литературы» (Уфа, 2012), «Башкирская литература XIV–XIX вв.» (Уфа, 2013), «Башкирская изустная литература» (Уфа, 2014) и «Слушай ты меня, народ: хрестоматия импровизаций йырау и сэсэнов» (Уфа, 2014).

М.Х. Идельбаев внес большой вклад в изучение жизни, деятельности и творчества национального героя башкирского народа Салавата Юлаева, которому посвятил более 100 научных публикаций, монографию и художественное произведение; составил и опубликовал с предисловием и комментариями полный сборник его поэтического и документально-публицистического наследия «Салават Юлаев: Стихотворения. Песни. Документы» (Уфа, 1994). В настоящее время работает над новыми вузовскими учебниками и хрестоматиями по древней и средневековой истории башкирской литературы.

М.Х. Идельбаев является членом диссертационного совета Д - 212.013.06 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при БашГУ, членом совета факультета, членом Научного совета по литературоведению при Отделении гуманитарных наук АН РБ, членом Постоянной комиссии Министерства образования РБ и членом Комиссии администрации

Ленинского района г. Уфы по реализации Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан». Ведет большую профориентационную работу среди учащейся молодежи, ежегодно в качестве председателя жюри принимает участие в республиканских олимпиадах школьников по башкирскому языку и литературе, в качестве члена жюри – в столичных и республиканских конкурсах «Учитель года по башкирскому языку и литературе», юных сказателей по эпосу «Урал батыр». Он лауреат литературной премии им. народного поэта Башкортостана Р. Гарипова. В 1995 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник народного образования Республики Башкортостан». В 2006 г. награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, в 2009 г. – нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

М.Х. Идельбаев с 1987 г. является членом Союза писателей СССР, РФ и РБ, автором нескольких книг художественной прозы на историческую тематику: «Испытание» (Уфа, 1984), «Спутники» (Уфа, 1989), «Сын Юлая Салават» (Уфа, 1994; в переводе на русский язык – Уфа, 2004), «Красные снега» (Уфа, 2001), «Идель-йорт» (Уфа, 2013).

*А.Х. Вильданов,
Р.Д. Мустафина*

ЗИННУР ГАЗИЗОВИЧ УРАКСИН
(К 80-летию со дня рождения)

Зиннур Газизович Ураксин родился 5 ноября 1935 г. в селе Максютово (Давлеткулово) Тюльганского района Оренбургской области. После окончания в 1950 г. Аллабердинской семилетней школы (Оренбургская область), поступил в Мраковское педагогическое училище Кугарчинского района БАССР. Отслужив в 1954–1956 гг. в Советской Армии, трудовую деятельность он начал учителем в Федоровском районе Башкирской АССР, затем продолжил в родной Аллабердинской школе.

Еще в годы учебы в педагогическом училище у Зиннура Газизовича проявился интерес к языку, литературному творчеству, журналистике. Его стихи, рассказы и заметки часто публиковались в Кугарчинской районной газете. Страсть к перу сопровождала его всегда и повсюду, и благодаря этому в 1958 г. он был приглашен на работу в редакцию Тюльганской районной газеты «Заря коммунизма», где год проработал на посту заведующего отделом.

В 1959 г. З.Г. Ураксин поступает на русское отделение филологического факультета Башкирского государственного университета. Еще на младших курсах он выступит с докладами и сообщениями на студенческих научных конференциях. На старших курсах Зиннур Газизович начинает составлять картотеку по синонимам башкирского языка и далее выбирает тему дипломной работы по синонимической системе башкирского языка, которая в те годы была совершенно не разработанной в научном плане. Стремление к научному поиску талантливого студента было замечено его руководителем дипломной работы — известным ученым Т.М.Гариповым. В 1963 г. по совету своего руководителя Зиннур Газизович поступает в аспирантуру Института истории, языка и литературы БФАН СССР. В 1966 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Фразеологические синонимы в современном башкирском литературном языке». После защиты он приступает к работе в Институте истории, языка и литературы в качестве младшего научного сотрудника (1966–1968), участвует в организации сектора языка и становится его заведующим (1969 г.). В 1975 г. З.Г. Ураксин защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. В 1978 г. он назначается заместителем директора ИИЯЛ УНЦ РАН по науке, с 1988 г. возглавляет институт. В 2002 г. Зиннур Газизович с целью сосредоточения творческого потенциала на научной и творческой работе

по собственному желанию уходит с поста директора ИИЯЛ и заведует отделом языка (2002–2005 гг.). Скончался З.Г. Ураксин 3 марта 2007 г.

Научная деятельность Зиннура Газизовича многогранна. Своими фундаментальными исследованиями (им опубликованы более 300 научных трудов) он внес значительный вклад в развитие таких направлений башкирского языкознания как лексикография, лексикология, социолингвистика, этнолингвистика, терминология, топонимия, грамматика, стилистика, историческая грамматика башкирского языка¹ Но наибольший вклад он внес как лексиколог: башкирская и тюркская фразеология стали основным направлением его научной деятельности. Его докторская диссертация «Фразеология башкирского языка» явилась вкладом не только в башкирскую и тюркскую лексикологию, но и сыграла значительную роль в становлении современной научной башкирской лексикографии как прикладной, так и теоретической.

Зиннур Газизович является и основоположником социолингвистического направления в башкирском языкознании. Его научные работы по социальной и функциональной лингвистике, опубликованные с конца 70-х годов по 90-е годы прошлого столетия, имели не только теоретическое, но и практическое значение: они сыграли значительную роль в разработке программ «Возрождение и развитие башкирского народа» и «Языки народов Республики Башкортостана». В подготовке указанных документов принимал самое активное участие и сам Зиннур Газизович.

Но среди всего многообразия научных интересов Зиннура Газизовича лексикография занимает доминирующее положение. За все время активного научного творчества им опубликованы более 20 лексикографических трудов.

Интерес ученого к фразеологии не остался чисто теоретическим, в 1973 г. он совместно с Ф.А.Надршиной и Х.Г.Юсуповым подготовил и издал башкирско-русский фразеологический словарь, который был значительно переработан, дополнен и переиздан в 1985 г. В 1989 г. в Москве под редакцией Э.Р.Тенишева выходит объемный русско-башкирский фразеологический словарь автора. Фразеологическая тематика завершается изданием в 1996 г. толкового фразеологического словаря башкирского языка.

Велика роль Зиннура Газизовича в составлении, редактировании и издании первого толкового словаря башкирского языка. Словарь охватывает более 55 тысяч заглавных слов и фразеологических единиц, слова имеют нормативную характеристику, унифицирована орфография ряда слов и словоформ. Толковый словарь вышел в свет в двух томах в издательстве «Русский язык».

После завершения работы над толковым словарем, Зиннур Газизович выдвинул перед филологами ИИЯЛ задачу составления на базе его словника большого академического башкирско-русского словаря. Он был не только руководителем группы составителей и ответственным редактором, но и непосредственным составителем словарных статей. Данный словарь также был издан в издательстве «Русский язык».

¹ Мурзабулатов М.В., Уразбаева З.Г., Ураксин Ю.З., Тикеев Ф.С. Ураксин Зиннур Газизович: Биобиблиографический указатель. – Уфа: Гилем, 2005. – 56 с.

Большой русско-башкирский словарь был издан в 2005 г. в двух томах в научном издательстве «Башкирская энциклопедия». Словарь содержит более 60 тыс. слов и фразеологических единиц, наиболее активно употребляемых в русском литературном языке.

В начале 21 в. интерес к башкирскому языку резко возрос, стало расширяться и углубляться его изучение через систему образования. Учитывая это, Зиннур Газизович предлагает создать на базе двухтомника однотомный толковый словарь современного литературного языка. Работа была завершена в течение двух лет, и в 2004 г. словарь был издан в издательстве «Башкортостан». В словарь вошли наиболее употребительные в литературном языке слова. В отличие от двухтомника, толкования слов были обобщены и несколько сокращены, а иллюстративный материал представлялся в виде распространенных словосочетаний.

Таким образом, первый толковый двухтомный словарь башкирского языка сыграл важную роль в развитии башкирской лексикографии, именно благодаря ему были разработаны все выше рассмотренные крупные словари национального языка, которые в свою очередь выступили катализатором разработки отраслевых, терминологических и учебных словарей.

Зиннур Газизович, как признанный лексикограф, не только руководил и выступал ответственным редактором, но и сам участвовал в их разработках. За эти годы З.Г. Ураксин создал в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН свою школу лексикографов, которая достойно продолжает традиции своего учителя, традиции разработки крупных академических лексикографических трудов. Одним из ярких примеров в этой области на сегодня является разработка в ИИЯЛ десятитомного академического словаря башкирского языка.

Зиннур Газизович всегда считал культуру главным фактором исторического процесса, основой развития общества и придавал большое значение проблеме изучения развития культуры и искусства в республике. В 1991 г. по его инициативе в ИИЯЛ было создано новое подразделение – Отдел культуры и педагогики. Сотрудники отдела начали многоплановое изучение истории культуры Башкортостана, оказывали помощь учебным заведениям по организации новых кафедр, разработали программу «Культура Башкортостана: комплексные исследования».

Во второй половине 80-х гг. ученые подняли вопрос о создании в республике энциклопедии. З.Г. Ураксин как ученый, знающий цену справочным материалам, был не только активным сторонником, но и организатором данной инициативы. В апреле 1991 г. Зиннур Газизович на базе отделов языка и литературы института создал специальную группу, которая в последующем была преобразована в Отдел энциклопедии Башкортостана. Благодаря усилиям директора, отдел в дальнейшем стал самостоятельным научным издательством «Башкирская энциклопедия».

Зиннур Газизович был председателем научно-редакционного совета издательства и главным редактором многотомной Башкирской энциклопедии. Но, даже оставшись с 1998 г. только заместителем председателя редакционного совета и главного редактора, он до конца своей жизни был неотлучным от энциклопедии: принимал активное участие во внештатном редактировании и рецензировании статей, составлении словника, в написании огромного количества энциклопедических статей Башкирской энциклопедии.

В 1991 г. при отделе языкознания по инициативе директора была образована группа «Автоматизация лексикографии», которая в январе 2002 г. выделилась из отдела и стала функционировать как самостоятельная «Лаборатория лингвистики и информационных технологий». Перед сотрудниками лаборатории были поставлены конкретные задачи: реализация среды для функционирования башкирского языка в информационных технологиях (разработка шрифтов и драйверов, локализация жизненно необходимых программных продуктов); разработка машинного фонда национального языка; создание общезыковых и терминологических словарей в сети Интернет; составление частотных словарей; математическое исследование башкирского языка; разработка компьютерных моделей и алгоритмов автоматического словоизменения и слогаделения (для реализации в последующем лингвистического процессора национального языка). Все поставленные задачи были блестяще решены. Сотрудниками лаборатории были изданы частотные словари, монографии по автоматическому порождению словоизменительных форм и по принципам экономии в грамматике башкирского языка, разработаны клавиатурные и экранные драйверы, локализованы программные продукты FineReader, Лексикон, Диска Командир, Хамелеон. Совместно с компанией Microsoft осуществлена поддержка башкирскому языку на уровне операционной системы. Разработанный лабораторией Машинный фонд башкирского языка стал вторым лингвистическим ресурсом такого рода на всем постсоветском пространстве и был высоко оценен коллегами из московских академических институтов. Эти наработки позволили коллективу лаборатории приступить в дальнейшем к созданию национального корпуса и свободно открытой в сети Интернет терминологической базы башкирского языка.

З.Г. Ураксин внес существенный вклад в организацию всей науки в республике. Он принимал самое активное участие в подготовке Указа Президиума Верховного Совета БАССР «Об учреждении Академии наук Башкирской АССР» от 1991 г.. И во многом благодаря авторитету его слова, его умению влиять на оппонентов была проведена интеграция научных сообществ республики в единую Академию наук Республики Башкортостан. Будучи вице-президентом Академии наук, он приложил много усилий для координации совместной работы республиканской академии с Академией наук РФ. Именно при нем были расширены международные связи Академии наук РБ, в частности с Международной Тюркской академией, членом которой он был избран в 1998 г.

Масштабность деятельности Зиннура Газизовича как руководителя и организатора республиканской науки проявилась и в подготовке новых кадров. Он был научным руководителем и консультантом более 20 кандидатских и докторских диссертаций. Им подготовлены научные кадры не только для башкирского языкознания, но и для русистики, романо-германской филологии, тюркологии (хакасский, турецкий языки).

Личность, чья жизненная позиция — забота о родном языке, не может жить не проявляя активность в общественной жизни. З.Г. Ураксин был известен не только в Башкортостане и в регионах России, но и за пределами Российской Федерации как активный общественный деятель. Зиннур Газизович долгие годы возглавлял на общественных началах Терминологическую комиссию (Терминологическая комиссия при Верховном Совете БАССР и Терминологическая служба при Правительстве РБ), был заместителем председателя исполкома Всемирного курултая башкир (1992-2002), членом

Президентского Совета Республики Башкортостан (1994-2004), членом Комитета по делам ЮНЕСКО при Правительстве РБ (1998-2004). Был заместителем председателя Комиссии по реализации закона «О языках народов Республики Башкортостан» при Кабинете Министров (1999-2002).

Вся общественная деятельность Зиннура Газизовича была направлена на развитие языка и культуры родного народа.

Вся многогранная деятельность академика З.Г. Ураксина была достойно оценена государством. В 1984 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР», через 12 лет он стал заслуженным деятелем науки Российской Федерации. За плодотворную научную и общественную деятельность он награжден орденом «Дружбы народов» (1999). Его имя носит одна из улиц г. Уфы. Но самую высокую оценку деятельности и жизненным поступкам дают люди. Светлая память о Зиннуре Газизовиче будет оставаться надолго в республике, в регионах РФ и далеко за пределами нашей страны.

З.А. Сиразитдинов

САРИЯ ФАЗУЛЛОВНА МИРЖАНОВА
(К 90-летию со дня рождения)

Научная общественность Республики Башкортостан широко отметила 90-летие со дня рождения известного русского и башкирского языковеда-диалектолога, лексикографа и педагога, доктора филологических наук, старшего научного сотрудника Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, заслуженного работника культуры Башкирской АССР Сарии Фазулловны Миржановой (1924 – 2000).

Этой дате была посвящена XIV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», состоявшаяся 20–22 ноября 2014 г. Ее организаторами выступили Институт языкознания РАН, Уфимский научный центр РАН, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Академия наук Республики Башкортостан, Министерство образования Республики Башкортостан. К началу этого научного форума были изданы сборник материалов конференции [Актуальные проблемы диалектологии 2014] и библиография С.Ф. Миржановой [Сария Фазулловна Миржанова 2014].

Миржанова Сария Фазулловна (башк. *Мирйәнова Сәриә Фазулла кызы*) родилась 24 декабря 1924 г. в деревне Кускарово (д. Мирьян Кускар) 3-его Тамьян-Катайского кантона Башкирской АССР (ныне деревня Кускар относится к территории Абзелиловского района РБ).

Ее юность и период становления как личности приходятся на тяжелые годы войны. Она в 1943 г. заканчивает Темясовское башкирское педагогическое училище и начинает работать учительницей русского языка и литературы в Аскаровской средней школе. В 1948 г. завершает обучение в Магнитогорском учительском институте и получает квалификацию учителя русского языка и литературы. С этого времени и до конца августа 1955 г. она преподает русский язык и литературу в Сибяевской средней школе и школе №14 г. Хабаровска.

С 1 сентября 1955 г. Сария Фазулловна на целых сорок лет, т.е. до 1995 г., связывает свою судьбу с Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (тогда – Уфимский институт истории, языка и литературы АН СССР), начав работать старшим лаборантом. В 1956 г. завершает обучение на заочном отделении филфака Башкирского гос. пединститута им. К.А. Тимирязева.

В 1967 г. С.Ф. Миржанова защищает кандидатскую диссертацию на тему «Кубалякский говор башкирского языка» [Миржанова 1967].

Она, как и остальные ее коллеги-диалектологи, отдает всю себя созданию диалектологического фонда Института истории, языка и литературы БФ АН СССР, на основе которого затем были изданы три тома «Словаря башкирских говоров» – в 1967 («Восточный диалект башкирского языка»), в 1970 («Южный диалект башкирского языка»), в 1987 («Западный диалект башкирского языка») и в 2002 («Словарь башкирских диалектов»). Во всех четырех изданиях С.Ф. Миржанова выступила в качестве одного из соавторов.

В конце 50-х – середине 60-х гг. прошлого века ею были опубликованы статьи «Материалы экспедиции 1958 г. (Предварительное сообщение)» [Миржанова 1958], «Кубалякский говор» [Миржанова 1963], «Кубалякский говор и его отношение к другим говорам башкирского языка» [Миржанова 1966а], «Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка» [Миржанова 1966б], которые не потеряли своей актуальности и сегодня.

С середины 60-х – начала 70-х гг. XX века башкирские языковеды Нагим Хажигалеевич Ишбулатов (1928–2006), Нажиба Хаерзамановна Максютлова (1932–2004) и Сария Фазулловна Миржанова заявляют о себе в качестве пионеров нового направления в башкирской диалектологии – системного описания башкирско-финно-угорских языковых параллелей. В этой связи С.Ф. Миржановой были опубликованы две работы под одним и тем же названием: «Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка» [Миржанова 1969; Миржанова 1971].

В 1979 г. выходит монография С.Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» [Миржанова 1979], которая легла в основу ее будущей докторской диссертации. Поднятые в этом труде проблемы свидетельствуют о широком научном кругозоре ученого-диалектолога: ведь в монографии дается не только лингвистическая характеристика южного диалекта башкирского языка и системы его говоров, но рассматривается еще и проблема формирования и дальнейшего становления его территориальных говоров.

В 1991 г. увидела свет монография «Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)» [Миржанова 1991]. Ровно через пятнадцать лет, в 2006 г., она была переиздана, так как к этому времени успела превратиться в библиографическую редкость [Миржанова 2006].

С 1973 г. С.Ф. Миржанова начинает заниматься также терминологией родства в диалектах башкирского языка [Миржанова 1973].

С.Ф. Миржанова по праву считается и лексикографом, поскольку она принимала самое активное участие в создании «Башкирско-русского словаря» [Башкирско-русский словарь 1996] и «Русско-башкирского словаря» [Русско-башкирский словарь, 1–2, 2005] в качестве одного из составителей.

Кроме этого, она является соавтором «Диалектологического атласа башкирского языка» [Диалектологический атлас 2005], хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» [Образцы башкирской 1988].

С.Ф. Миржанова запомнилась и как фольклорист, поскольку во время комплексных экспедиций, проводимых ИИЯЛ БФ АН СССР, ею было собрано большое количество фольклорных текстов, записано много башкирских народных песен, которые затем вошли в тома академического издания «Башкирское народное творчество».

С.Ф. Миржанову помнят и как исполнительницу башкирских народных песен, солистку народного фольклорного ансамбля «Кубаир» БФ АН СССР, уча-

стницу и победительницу смотров художественной самодеятельности всех уровней. В 70-80-х гг. прошлого века Всесоюзная фирма звукозаписи «Мелодия» выпустила несколько пластинок с народными песнями в ее исполнении.

За сорок лет работы в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН ею было написано и издано более 40 научных работ.

За большие успехи в работе и активное участие в общественной жизни С.Ф. Миржанова была награждена Почетной грамотой Президиума Академии наук СССР (1974 г.), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Башкирской АССР (1976 г.). В 1985 году ей было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Башкирской АССР».

Сария Фазулловна Миржанова скончалась 25 ноября 2000 года в г. Уфе после продолжительной болезни. Похоронена на Тимашевском кладбище г. Уфы.

Идеи, выдвинутые С.Ф. Миржановой, не потеряли своей актуальности и сегодня. Один из ведущих тюркологов-диалектологов России, ее татарстанский коллега, Д.Б. Рамазанова, озаглавила свою статью, посвященную жизни и деятельности С.Ф. Миржановой, – «Сария Фазулловна Миржанова как многогранный ученый» [Рамазанова 2014]. В этом названии – ее правда и сила.

Литература

Актуальные проблемы диалектологии 2014 – Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (г.Уфа, 20-22 ноября 2014 г.) / Отв.ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – 300 с.

Башкирско-русский словарь 1996 – Башкирско-русский словарь / Под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус. яз., 1996. – 884 с.

Диалектологический атлас ... 2005 – Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2005. – 232 с.; 169 карт.

Зайнуллин 1981 ... – *Зайнуллин М.В., Ишбердин Э.Ф., Юсупов Ф.Ю., Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка // Советская тюркология, 1981. – С. 101 – 103.

Каримова 2014 – *Каримова Р.Н.* Роль С.Ф. Миржановой в изучении диалектов башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (г.Уфа, 20-22 ноября 2014 г.) /Отв.ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 13 – 16.

Максютова 1975 – *Максютова Н.Х.* Свадебные термины в башкирском языке // Башкирский языковедческий сборник. – М.: БФ АН СССР, 1975. – С.32 – 42.

Максютова 1983 – *Максютова Н.Х.* Термины коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. – Уфа: БФ АН СССР, 1983. – С. 18-26.

Миржанова 1959 – *Миржанова С.Ф.* Материалы экспедиции 1958 г. (Предварительное сообщение) //Башкирский диалектологический сборник. – Уфа, 1959. – С.195 – 212.

Миржанова 1963 – *Миржанова С.Ф.* Кубалякский говор // Башкирская диалектология. – Уфа, 1963. – С.128 – 190.

Миржанова 1966а – *Миржанова С.Ф.* Кубалякский говор в его отношении к другим говорам башкирского языка // Итоговая научная сессия Уфимского

института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 г. Тезисы докладов. – Уфа, 1966. – С.45 – 50.

Миржанова 1966б – *Миржанова С.Ф.* Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка // Башкирская лексика. – Уфа, 1966. – С.89 – 102.

Миржанова 1967 – *Миржанова С.Ф.* Кубалаякский говор башкирского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. (10.02.06). – Уфа, 1967. – 29 с.

Миржанова 1969 – *Миржанова С.Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка//Научная сессия по этногенезу башкир. - Уфа, 1969. - С. 175-178.

Миржанова 1971 – *Миржанова С.Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка //Археология и этнография Башкирии. Т.4 . - Уфа, 1971. - С. 282-286.

Миржанова 1973 – *Миржанова С.Ф.* Терминология родства в диалектах башкирского языка // Советская тюркология. - 1973. - № 4. – С.99 – 109.

Миржанова 1979 – *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

Миржанова 1981 – *Миржанова С.Ф.* О древних этноязыковых связях башкир и венгров // Советская тюркология. – 1981. - № 1. – С.38 – 48.

Миржанова 1984 – *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении): Автореф. дисс. докт. филол. н. (10.02.06). – Баку, 1984. – 48 с.

Миржанова 1991 – *Миржанова С.Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). - Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991.- 296 с.

Миржанова 2006 – *Миржанова С.Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Изд-е 2-е. - Уфа: Китап, 2006.- 296 с.

Образцы башкирской ... 1988 – Образцы башкирской разговорной речи. 1-е изд-е. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. – 224 с.

Рамазанова 2014 – *Рамазанова Д.Б.* Сария Фазулловна Миржанова как многогранный ученый // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (г.Уфа, 20-22 ноября 2014 г.) / Отв.ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 10 – 12.

Русско-башкирский словарь ... Т.1. 2005 – Русско-башкирский словарь: в 2 т. Т.1. А-О. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 808 с.

Русско-башкирский словарь ... Т.2. 2005 – Русско-башкирский словарь: в 2 т. Т.2. П-Я. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 680 с.

Сария Фазулловна Миржанова. ...2014 – Сария Фазулловна Миржанова. Биобиблиография / Сост. Р.Н.Каримова, У.М.Зарипов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – 40 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Миржанова Сария Фазулловна //Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.4. Л-О /Гл. ред. М.А.Ильгамов. – Уфа: Башк. энцикл., 2008. – С. 222 – 223.

*Ю.В. Псянчин,
Р.Н.Каримова*

НЕКРОЛОГИ

КАРИМ ГАЙСЕЕВИЧ ИШБАЕВ (9.02.1937 – 15.03.2015)

15 марта 2015 г. на 79 году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался известный башкирский языковед-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры башкирского языка Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (до 2012 г. – ФГБОУ ВПО «Стерлитамакская государственная педагогическая академия имени Зайнаб Бишевой») Карим Гайсеевич Ишбаев (башк. *Карим Файса улы Ишбаев*)¹, заслуженный деятель науки Российской Федерации (2009 г.) и Республики Башкортостан (2002 г.).

К.Г. Ишбаев родился 9 февраля 1937 г. в селе Аллабердино Тюльганского района Оренбургской области. В 1950 г. он поступил в Мраковское педучилище, находящееся в Кугарчинском районе соседнего Башкортостана; получив диплом учителя начальных классов, К.Г.Ишбаев начинает с 1954 г. работать в Исянгильдинской школе Хайбуллинского района Башкирской АССР. В 1958 г. поступает на филологический факультет БашГУ 40-летия Октября и завершает обучение в 1963 г.

К.Г. Ишбаев с 1963 по 1976 г. трудится учителем, завучем и директором своей родной Аллабердинской школы Тюльганского района Оренбургской области. Одновременно учится заочно в аспирантуре при Ордена «Знак Почета» Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне – ФГБУН «Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН») по специальности 10.02.06 «Тюркские языки». В 1975 г. под научным руководством проф. З.Г. Ураксина защищает кандидатскую диссертацию на тему «Инфинитивные формы глагола в башкирском языке»¹.

Позднее, в 1982 г., диссертация К.Г. Ишбаева под грифами двух вузов – Башкирского и Стерлитамакского гос. пединститутов, издана в качестве вузов-

¹ Ишбаев Карим Гайсеевич: Биобиблиографический указатель / Сост. З.К. Ишкильдина. – Уфа: Гилем, 2012. – 64 с.

ского учебника, который используется и сегодня. Затем основные теоретические положения работы после обновления и дополнения новым фактологическим материалом в соавторстве с З.Г. Ураксиным были включены в академическое издание «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М., 1981) в качестве разделов «Инфинитивные формы глагола» и «Имя действия».

В 1976 г. К.Г. Ишбаев был приглашен на работу в Стерлитамакский гос. пединститут. За 39 лет работы в педвузе Карим Гайсеевич прошел большой трудовой путь от старшего преподавателя до заведующего кафедрой башкирской и русской филологии и методики преподавания. Он с 2009 г. являлся профессором кафедры башкирского языка. В 1986 г. по его инициативе и при его участии увидел свет комплексный вузовский учебник «Современный башкирский язык».

Со второй половины 80-х гг. XX в. К.Г. Ишбаев начинает разрабатывать такое актуальное и сложное по своим проблемам направление языкознания, каким является словообразование. Результатом многолетних исследований в этой области явилась монография «Словообразование башкирского языка» (Уфа, 1994), легшая в основу докторской диссертации на тему «Проблемы словообразовательной системы башкирского языка» (1996). В 2000 г. он утвержден в ученом звании профессора.

К.Г. Ишбаевым впервые в истории башкирского языкознания на основе учета имеющихся в языке конкретных явлений были введены в научный оборот термины «морфема», «словообразовательное значение», «словообразовательный тип», «словообразовательное гнездо», «морфонема», «морфема» и т.д. Все это, в свою очередь, привело к выделению таких абсолютно новых направлений в башкирском языкознании, как морфемика, морфонология и историческое словообразование.

Только за последние пятнадцать лет им были опубликованы монографии «Морфонология башкирского языка» (Уфа, 2000; в соавторстве), «Башкирский язык. Морфемика. Словообразование» (Уфа, 2000), «Морфемика. Словообразование. Морфонология башкирского языка» (Уфа, 2006; в соавторстве), «Имя прилагательное в башкирском языке» (Уфа, 2011), научно-справочные издания «Словарь паронимов башкирского языка» (Уфа, 2001; в соавторстве), «Словообразовательный словарь башкирского языка» (Уфа, 2005; в соавторстве) и сборник научных статей «Вопросы башкирского и сопоставительного языкознания» (Уфа, 2011; в соавторстве). Только за последние годы им опубликована монография «Словообразовательная парадигма частей речи в башкирском языке» (2013), изданы в соавторстве словари «Русско-башкирский и башкирско-русский словарь морфемно-словообразовательных терминов» (2012), «Словарь паронимов современного башкирского языка» (2013), «Краткий словообразовательный словарь башкирского языка» (2015).

Перу К.Г.Ишбаева принадлежат 7 монографий, 8 учебников и учебных пособий, 4 словаря, 5 учебных программ и свыше 120 научных статей по разным аспектам словообразования и морфологии башкирского языка.

К.Г.Ишбаев вырос в видного специалиста в области башкирской филологии, внес большой вклад в подготовку учительских и научных кадров для учебных заведений Республики Башкортостан и соседних областей Российской Федерации.

К.Г.Ишбаев вел большую научно-организаторскую работу. С 1998 г. он параллельно работал заведующим Отделом социальных и гуманитарных наук Ин-

ститута прикладных исследований АН Республики Башкортостан; руководил лабораторией башкирской филологии; являлся членом Отделения социальных и гуманитарных наук АН Республики Башкортостан, членом редколлегии научного журнала «Проблемы востоковедения».

К.Г.Ишбаев принимал активное участие в общественной жизни родной педагогической академии, города Стерлитамака и Республики Башкортостан.

За многолетнюю и плодотворную научно-педагогическую и общественную работу К.Г. Ишбаев был награжден орденом Дружбы народов (1987г.), ему присвоены почетные звания «Заслуженный учитель Республики Башкортостан» (1992 г.), «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан» (2002 г.), «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2009 г.), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2005 г.), присуждена премия Академии наук Республики Башкортостан им. М.И.Уметбаева (2007 г.).

В жизни Карим Гайсеевич был очень открытый, добрый и справедливый человек. Он знал множество редких башкирских народных песен, сам же их и исполнял. Свободное время уделял своей семье, детям и внукам.

Таким мы его и запомнили.

Ф.Г. Хисамитдинова,

Г.Р. Абдуллина,

Ю.В. Псянчин

МАРАТ ВАЛИЕВИЧ ЗАЙНУЛЛИН
(5.11.1935 – 13.05. 2016)

13 мая 2016 г. после долгой продолжительной болезни не стало доктора филологических наук, профессора, академика АН Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки РБ, отличника народного образования РБ, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного профессора Башкирского гос. университета Марата Валиевича Зайнуллина.

Марат Валиевич Зайнуллин родился 5 ноября 1935 г. в Кугарчинском районе Республики Башкортостан в семье учителя. В 1954 г., окончив Мраковское педагогическое училище, поступил на филологический факультет пединститута им. А.К. Тимирязева (ныне – Башгосуниверситет). В 1959 г. с отличием окончил историко-филологический факультет БашГУ по специальности «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы, башкирского языка и литературы» и сразу поступил в аспирантуру при кафедре башкирского языкознания. Его научным руководителем был выдающийся ученый-тюрколог профессор Джалиль Киекбаев. В 1963 г. Марат Валиевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке», в 1988 г. была защищена докторская диссертация на тему «Функционально-семантическая категория модальности в современном башкирском литературном языке».

С 1966 по 1991 гг. с небольшими перерывами он работал деканом филологического факультета и в 2000 г. снова был избран деканом факультета башкирской филологии и журналистики и до 2010 г. руководил факультетом. С 1988 г. по 2014 г. заведовал кафедрой башкирского и общего языкознания БашГУ.

Основные научные интересы профессора М.В. Зайнуллина сосредоточены в области теории языка, башкирского языкознания, тюркологии и сопоставительного изучения башкирского и русского языков. Он также активно занимался вопросами социолингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики. Им опубликованы около 20 книг, более 600 статей.

Значительный вклад он внес в подготовку научных и научно-педагогических кадров. Под его научным руководством защищено 11 докторских, более 40 кандидатских диссертаций.

Профессор М.В. Зайнуллин плодотворно занимался изучением функционально-семантических категорий на материале башкирского и других тюркских языков. В его работах исследованы такие функционально-семантические категории, как темпоральность, персональность, аспектуальность и модальность. В

своих научных изысканиях он приходит к выводу о том, что функционально-семантический метод дает возможность адекватно описать языковую систему. На основе принципа функционального анализа написаны монографии «О сущности и границах категории модальности (на материале башкирского и других тюркских языков)» (Уфа, 2000. – 291 с.), «Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка)» (Саратов, 1986. – 122 с.), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2005. – 208 с.). Данные монографии посвящены определению лингвистического статуса модальности как функционально-семантической категории; в них выявлены и классифицированы семантические типы модальных отношений.

В последние годы проф. М.В. Зайнуллин активно занимался исследованием проблем лингвокогнитивистики, в частности лингвокультурологии. В работе «Общие проблемы лингвокультурологии» (Уфа, 2007. – 205 с., соавтор Л.М. Зайнуллиной) рассмотрены такие ключевые понятия, как концептуализация, концептуальная картина мира, концептосфера, языковая картина мира, эмоциональные специфика языковой картины, культурные концепты русского, английского и башкирского языков, родной язык и национальная картина мира, эмоциональные концепты башкирского языка и др.

Он также был одним из авторов фундаментального научного труда «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М.: Наука, 1981. – 495 с.).

Профессором М.В. Зайнуллиным созданы на должном теоретическом уровне университетские курсы «Теория языка», «Введение в языкознание», «Морфология башкирского языка», спецкурсы «Новые научные направления в зарубежном языкознании», «Лингвокультурология», «Основные принципы современного языкознания» и др.

Профессор М.В. Зайнуллин являлся председателем диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора филологических наук в БашГУ, который функционирует с 1979 г. За 28 лет работы здесь защищено около 200 кандидатских и докторских диссертаций. Соискателями ученых степеней были представители не только из Башкортостана. Защитили свои диссертации аспиранты, докторанты и соискатели из Чувашии, Татарстана, Якутии, Бурятии, Кабардино-Балкарии, Мордовии, Дагестана, Хакасии, Алтайской Республики.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность и активная общественная работа М.В. Зайнуллиной отмечена Почетными грамотами Правительства РБ, Государственного Собрания-Курултая РБ, Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства образования Республики Башкортостан.

Профессор М.В. Зайнуллин успешно сочетал научную деятельность с общественной работой. Он являлся членом редколлегии многотомной энциклопедии «Башкортостан» и ряда научных журналов республики. Он долгие годы работал членом и заместителем председателя Головного Совета по филологическим наукам при Госкомитете по высшему образованию РФ. Он – член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, Всемирной Ассоциации тюркологов и др.

Профессор М.В. Зайнуллин, создавший свою научную школу, среди научной общественности пользовался заслуженным авторитетом. Его фундаментальные работы признаны не только в Республике Башкортостан, но и за ее пределами. М.В. Зайнуллин был ученым, который находился в вечном поиске, вечном труде. Его высокий профессионализм, научный потенциал, активная

гражданская позиция, большой опыт организации педагогической и научно-исследовательской работы принесли очень много плодов.

Он в 2002 г. был избран членом-корреспондентом, в 2009 г. академиком АН РБ.

Марат Валиевич Зайнуллин прожил красивую, полную напряженной научной работы жизнь. Ученики Марата Валиевича – это целая армия филологов, школьных учителей-словесников, а также специалистов высшего уровня квалификации – не только в РБ, но и далеко за ее пределами.

Марат Валиевич был человеком высокой нравственности, Ученым с большой буквы, обладал истинным талантом руководителя, умел вселять в других уверенность, был приятным собеседником.

Марат Валиевич был настоящим университетским профессором – не по должности, званию, а по сути. Он был незаменимым и неповторимым членом кафедры, интересным преподавателем, верным другом своих коллег, наставником своих учеников. И таким он в памяти останется навсегда. Все, кто знал его, общался с ним, сохранят благодарную память о нем.

Мы всегда будем гордиться его научными достижениями и тем, что были его студентами, аспирантами, коллегами.

*Р.Я. Хуснетдинова, Х.В. Султанбаева,
Ф.С. Искужина, Г.А. Исянгулова,
З.Ф. Шайхисламова, Р.Р. Янмурзина*

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллина Г.Р., докт. филол. наук, проф. кафедры башкирского языка Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

Акалын Шюкрю Халюк, докт. филол. наук, проф., декан филол. факультета университета Хажеттепе (г. Анкара, Турция); e-mail: shakalin@shakalin.net

Байниязова Тазагул Кыркбаевна, ст. научн. сотрудник-исследователь Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии Наук Республики Узбекистан, отдел каракалпакского фольклора и литературы; e-mail: tazagul.bauniyazova@mail.ru

Гюлшах Йылмаз, специалист-исследователь отделения «Современные тюркские языки и литературы» факультета науки и литературы университета Коджатепе (г. Афьонкарахисар, Турция); e-mail: gulsahyilmaz4048@gmail.com

Вильданов А.Х., канд. филол. наук, доцент, кафедра башкирской литературы и культуры ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им.М. Акмуллы», г. Уфа.

Искужина Ф.С., канд. филол. наук; доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ.

Исянгулова Г.А., канд. филол. наук; доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ.

Каримова Р.Н., мл. науч. сотр. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Кличев Ойбек Абдурасулович, ст. науч. сотр. кафедры истории Бухарского гос. университета, г. Бухара; e-mail: klichev_oybek@mail.ru

Мустафина Р.Д., канд. филол. наук, доцент, кафедра башкирской литературы, фольклора и культуры ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.

Мутлу Хусаин Кахраман, руководитель Центра исследований тюркского мира, канд. филол. наук, ст. препод. отделения «Современные тюркские языки и литературы» факультета науки и литературы университета Коджатепе (г. Афьонкарахисар, Турция); e-mail: cimenalan@hotmail.com

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр. Института филологии СО РАН (г. Новосибирск); e-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Оганова Елена Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ova8@yandex.ru

Озакдаг Надежда, докт. филол. наук, доцент кафедры современных тюркских языков Турецкого гос. университета Коджатепе (г. Афьонкарахисар, Турция); e-mail: nchirli@gmail.com

Озсахин Мурат, канд. филол. наук, доцент, Башкирский государственный университет (г. Уфа); e-mail: ozsahin35@hotmail.com

Псянчин Юлай Валиевич, докт. филол. наук, проф., член редколлегии ж-ла «Российская тюркология»; e-mail: yulayps@yandex.ru

Рассадин Валентин Иванович, докт. филол. наук, проф., чл.-корр. РАЕН, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований, Калмыцкий государственный университет; г. Элиста; e-mail: rassadin17@mail.ru

Сарсамбекова Арна Сапаркалиевна, канд. истор. наук, доцент, научный сотр., докторант Центра тюркологии ТюмГУ.

Сиразитдинов З.А., канд. филол. наук, ст. науч. сотр., зав. лабораторией ИИЯЛ УНЦ РАН, г.Уфа

Султанбаева Х.В., докт. филол. наук, проф. кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ, г. Уфа.

Хакимзянов Фарид С., докт. филол. наук, проф., руководитель Центра татарской тюркологии университета Коджатепе (г. Афьонкарахисар (Турция)); e-mail: farid.khakim@gmail.com

Хисамитдиновна Фирдаус Гильмитдиновна, докт. филол. наук, проф., научн. руководитель ИИЯЛ УНЦ РАН; г. Уфа.

Хуснетдинова Р.Я., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ, г. Уфа.

Шайхисламова З.Ф., канд. филол. наук; доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ, г. Уфа.

Юлдашева Халида Кузиевна, преподаватель Института переподготовки и повышения квалификации сотрудников народного образования Кашкадарьинской области, Узбекистан.

Янмурзина Р.Р., доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ, г. Уфа.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Невская И.А.</i> (Новосибирск). Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на <i>-дый</i>	3
<i>Сарыгёз О.В.</i> (Санкт-Петербург). Функционально-семантическая категория апеллятивности в турецком языке	15
<i>Рассадин В.И.</i> (Элиста). Некоторые предварительные результаты исследования тюрко-монгольских параллелей в лексике монгольских языков	25
<i>Юлдашева Х.К.</i> (Кашкадарья). Социолингвистические особенности форм обращения в исторических романах	30

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Оганова Е.А.</i> (Москва). «За закрытыми дверями турецкого социума»: женские образы в драматургии Тунджера Джюдженоглу	33
<i>Кличев О.А.</i> (Бухара). О порядке назначения именных стипендий в Бухарском эмирате (конец XIX – начало XX вв.)	40
<i>Байниязова Т.К.</i> (Нукус). Об изучении литературных связей тюркоязычных народов в каракалпакском литературоведении	49

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Озшахин М.</i> (Уфа). Лексическое богатство башкирского языка в рамках тематических групп	56
<i>Озакдаг Надежда.</i> (Афьонкарахисар). Ботанические названия в «Диван лугат ат-турк» и их соответствия в гагаузском языке	62
<i>Акалын Ш.Х.</i> (Анкара). Лексикография в Турции. Международные лексикографические симпозиумы в Турции	67
<i>Сарсамбекова А.С.</i> (Тюмень). Сохранение татарского языка, фольклора, традиций и обычаев в современных условиях	72
<i>Мутлу Хусейн К.</i> (Афьонкарахисар). О построении словарной статьи с арабо-персидскими заимствованиями в некоторых казахских словарях	77

АННОТАЦИИ

<i>Ф.С. Хакимзянов.</i> Yusuf Has Hacib. Kutadgu Bilig. 3 cild: Viyana Nüshası. Fergana Nüshası. Kahire Nüshası. Ankara	83
<i>Гюлиах Йылмаз.</i> Güner Galip. Kuman Bilmeceleri Üzerine Notlar – İstanbul	84

PERSONALIA

Мирас Хамзович Идельбаев	86
Зиннур Газизович Ураксин	89
Сария Фазулловна Миржанова	94

НЕКРОЛОГИ

Карим Гайсеевич Ишбаев	98
Марат Валиевич Зайнуллин	101

Наши авторы	104
СОДЕРЖАНИЕ	106

CONTENTS**STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE**

<i>Nevskaya, I.A.</i> Problematic issues of the Altai grammar: on the status of the form <i>-DIy</i> in the modern Altai literary language	3
<i>Sarygoz O.V.</i> Functional-semantic appellative category in Turkish language	15
<i>Rassadin Valentin I.</i> Some preliminary results of research on Turkic-Mongolic parallels in the Mongolic lexicon	25
<i>Juldasheva Halida Kuzievna.</i> Sociolinguistic particular of forms of treatment used in the historical novel	30

**LITERARY CRITICS, FOLKLORE STUDIES,
CULTURAL SCIENCE**

<i>Oganova Elena.</i> «Behind the closed doors of the Turkish society»: women images in Tuncer Cücenoglu's dramaturgy	33
---	----

<i>Klichev O.A.</i> , On the procedure for the appointment of nominal scholarships in the Bukharan Emirate (late XIX - early XX centuries)	40
<i>Bayniyazova Tazagul</i> , About studying of literary interrelations of the Turkic peoples in the Karakalpak literature study	49

REVIEWS

<i>Ozshahin Murat</i> , Vocabulary wealth of the Bashkir language in terms of themes	56
<i>Ozakdag Nadezhda</i> , Botanic terms in Dīwān Lughāt al-Turk and their correspondences in the Gagauz language./.....	62
<i>Akalin Şükrü Halûk</i> , Lexicography studies in Turkey and international lexicography symposiums in Turkey	67
<i>Sarsambekova A.S.</i> , Preservation of the Tatar language, folklore, traditions and habits in modern times	72
<i>Mutlu H.K.</i> , About construction of an entry with the Arabo-Persian loans in some Kazakh dictionaries	77
<i>Khakimz'anov Farid. S.</i> , Yusuf Has Hacib. Kutadgu Bilig.	83
<i>Gülşah. Yılmaz</i> , Güner Galip. Kuman Bilmeceleri Üzerine Notlar	84

PERSONALIA

Miras Xamzovich Idel'bayev	86
Zinnur Gazizovich Uraksin	89
Saiya Fazullovna Mirzhanova	94

OBLITUARIES

Karim Gayseevich Ishbayev.....	98
Marat Valiyevich Zaynullin... ..	101
.....	
Our authors	104
Contents	106

РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов
при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С. Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф. Хакимзянова*
Технический редактор *А.М. Галимова*
Дизайн обложки *Ф.Н. Латыповой*

С готового оригинал-макета подписано в печать 08.12.2016.
Формат 70x108¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 6.8. Печать RISO.

ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46, тел. (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо